

Том 9, № 4, 2019

ISSN 2226-7867 (Print)
ISSN 2629-1482 (Online)

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

DOI: 10.26794/2226-7867

Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-67071
от 15 сентября 2016 г.

The edition is reregistered
in the Federal Service for Supervision
of Communications,
Informational Technologies and Media Control:
PI No. ФС77-67071
of 15, September, 2016

Периодичность издания – 6 номеров в год

Publication frequency – 6 issues per year

Учредитель: «Финансовый университет»

Founder: “Financial University”

Журнал входит в перечень периодических
научных изданий, рекомендуемых ВАК
для публикации основных результатов
диссертаций на соискание ученых степеней
кандидата и доктора наук, включен в ядро
Российского индекса научного цитирования
(РИНЦ)

The Journal is included in the list
of academic periodicals recommended
by the Higher Attestation Commission for
publishing the main findings of PhD and
ScD dissertations, included in the core of the
Russian Science
Citation Index (RSCI)

Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс 44090 в объединенном
каталоге «Пресса России»

The Journal is distributed by subscription.
Subscription index: 44090 in the consolidated
catalogue “The Press of Russia”

Vol. 9, No. 4, 2019

HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES. BULLETIN OF THE FINANCIAL UNIVERSITY (GUMANITARNYE NAUKI. VESTNIK FINANSOVOGO UNIVERSITETA)

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
LIBRARY.RU

NEICON
ЭЛЕКТРОННАЯ ИНФОРМАЦИЯ

RePEc

ROAR

СОЦИОНЕТ

EBSCOhost

Google Scholar

OCLC WorldCat®

ВЫСШАЯ
АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)
при Министерстве образования и науки Российской Федерации

CYBERLENINKA

DOAJ DIRECTORY OF
OPEN ACCESS
JOURNALS

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редсовета – **М.А. Эскиндаров**,
доктор экономических наук, профессор,
ректор Финансового университета,
академик Российской академии образования;

С.В. Алексеев, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, председатель Историко-просветительского общества «Радетель»;

А.Н. Аринин, доктор политических наук, директор Института федерализма и гражданского общества, депутат Государственной Думы Федерального собрания РФ первого (1993–1995) и второго (1995–1999) созывов;

А.И. Ильинский, доктор технических наук, профессор, декан Международного финансового факультета Финансового университета;

Ф.А. Лукьянов, председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»;

В.Д. Нечаев, доктор политических наук, профессор, ректор Севастопольского государственного университета;

И.Ю. Новицкий, депутат Московской городской Думы (1993–2014), заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Международного университета в Москве;

Р.М. Нуреев, д-р экон. наук, проф., научный руководитель Департамента экономической теории Финансового университета;

А.В. Островский, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока Российской академии наук (РАН);

С.Н. Сильвестров, доктор экономических наук, профессор, директор Института экономической политики и проблем экономической безопасности Финансового университета;

В.С. Степин, доктор философских наук, профессор, академик РАН, академик-секретарь секции философии, политологии, социологии, психологии и права РАН;

В.В. Фёдоров, кандидат политических наук, генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), научный руководитель факультета «Социология и политология» Финансового университета;

В.Г. Федотова, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН;

В.Ф. Шрейдер, доктор политических наук, депутат Государственной Думы VI созыва от «Единой России», член комитета ГД по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления, член-корреспондент Международной академии общественных наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – **А.Б. Шатилов**,
кандидат политических наук, профессор, декан Факультета социологии и политологии Финансового университета

Заместитель главного редактора – **А.Г. Тюриков**,
доктор социологических наук, профессор, руководитель Департамента социологии Финансового университета;

Заместитель главного редактора – **Я.А. Пляйс**, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета;

С.Ю. Белоконов, кандидат политических наук, доцент, руководитель Департамента политологии Финансового университета;

А.Н. Зубец, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Департамента страхования и экономики социальной сферы Финансового университета;

В.В. Кафтан, доктор философских наук, профессор Департамента политологии Финансового университета;

В.А. Лапшов, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Московского государственного лингвистического университета;

Д.З. Музашвили, кандидат философских наук, заместитель декана Факультета социологии и политологии по учебной работе и международным связям Финансового университета;

Н.А. Ореховская, доктор философских наук, заместитель руководителя Департамента социологии Финансового университета

А.В. Пачкалов, кандидат исторических наук, доцент Департамента экономической теории Финансового университета;

Д.В. Петросяни, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института проблем рынка РАН;

Е.Е. Письменная, доктор социологических наук, профессор Департамента социологии Финансового университета;

С.В. Растргуев, доктор политических наук, профессор, заместитель руководителя по учебно-методической работе Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета;

П.Б. Салин, кандидат юридических наук, директор Центра политологических исследований Финансового университета;

П.С. Селезнев, доктор политических наук, заместитель первого проректора по работе с органами власти и региональному развитию;

Г.Г. Силласте, доктор философских наук, профессор Департамента социологии Финансового университета;

К.В. Симонов, кандидат политических наук, проректор Финансового университета;

А.А. Трошин, кандидат философских наук, заместитель декана по магистратуре и профориентационной деятельности Факультета социологии и политологии Финансового университета

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Е.В. Астахова, доктор исторических наук, профессор, ректор Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия» (Украина)

Д. Байчунь, доктор наук, профессор Пекинского педагогического университета, директор Культурного центра китайско-российских отношений (Китай)

Н.М. Долгополов, заместитель главного редактора «Российской газеты», член Союза журналистов РФ, член Союза писателей Москвы и Межрегионального союза писательских организаций (Россия)

Т.М. Кальво Мартинес, доктор наук, профессор, директор Парижского международного института философии (Испания)

Р. Крумм, руководитель московского филиала Фонда имени Фридриха Эберта (Россия)

Д. Кьеза, итальянский журналист и политический деятель, депутат Европарламента (2004–2009) (Италия)

В. Макбрайд, доктор наук, профессор, президент Международной федерации философских обществ (США)

И. Мамед-заде, доктор философских наук, профессор, директор Института философии, социологии и права НАН Азербайджана (Азербайджан)

К. Мацузато, доктор права, профессор, Токийский университет (Япония)

А.Н. Нысанбаев, доктор философских наук, профессор, академик Академии наук Казахстана, научный руководитель Института философии Академии наук Казахстана (Казахстан)

Д.Е. Сорокин, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель Финансового университета, член-корреспондент РАН (Россия)

Ж.-Л. Трюэль, доктор наук, консультант по развитию международных отношений в РФ и странами СНГ, вице-президент Ассоциации экономистов Le Cercle Kondratieff («Кружок Кондратьева»), профессор Университета Париж-12 (Франция)

К. Уилкокс, доктор наук, заслуженный профессор кафедры управления Университета Джорджтаун (США)

EDITORIAL BOARD

Chairman of the Editorial Council – **M.A. Eskindarov**,
Doctor of Economics, Professor, Rector of the Financial University,
Academician of the Russian Academy of Education;

S.V. Alekseev, Doctor of History, professor of Department
of history and historical archive science of Moscow State
Institute of Culture, the Chairman of Historical and Educational
Society "The Guardian";

A.N. Arinin, Doctor of Political Science, Director
of the Institute of Federalism and Civil Society, Deputy of the
State Duma of the first (1993–1995) and second (1995–1999)
convocations;

A.I. Il'inskiy, Doctor of Engineering, Professor, Dean
of the International Financial faculty, Financial University;

F.A. Lukyanov, Chairman of the Presidium of the Foreign and
Defense Policy Council (SWAP), Editor in chief of the magazine
"Russia in Global Affairs";

V.D. Nechayev, Doctor of Political Sciences, Professor,
Rector of Sevastopol State University;

I.Y. Novitsky, deputy of the Moscow City Duma (1993–2014),
Head of "State and Municipal Management" Chair, International
University in Moscow;

R.M. Nureyev, Doctor of Economics, Professor, Science
and Research Coordinator of the Economic Theory Chair of the
Financial University;

A.V. Ostrovsky, Doctor of Economics, Professor,
Deputy Director of the Institute of the Far East, the Russian
Academy of Science;

S.N. Silvestrov, Doctor of Economics, Professor, Director of the
Institute of Economic Policy problems of economic security,
Financial University;

V.S. Stepin, Doctor of Philosophy, Professor, Full member of
the Russian Academy of Science, Academician-Secretary of the
Section of philosophy, political science, sociology, psychology
and law, the Russian Academy of Science;

V.V. Fedorov, Cand. Sci. in Political Science, Director General
of the All-Russian Public Opinion Research Center (VTSIOM),
the supervisor of the faculty "Sociology and Political Science",
Financial University;

V.G. Fedotova, Doctor of Philosophy, Professor,
Chief researcher at the Institute of Philosophy of the Russian
Academy of Science;

V.F. Schreider, Doctor of Political Sciences, deputy of the State
Duma of the VI convocation from the "United Russia", a member
of the State Duma committee on the Federal structure and Local
Government, a member of the International Academy of Social
Science

EDITORIAL COUNCIL

Editor in Chief – **A.B. Shatilov**,
Cand. Sci. in Political Science,
Professor, Dean of the "Sociology and Political Science" Faculty,
Financial University;

Deputy Editor – **A.G. Tjurikov**, Doctor of Social Science, Head
of Department of sociology, Financial University;

Deputy Editor – **Y.A. Pleis**, Doctor of History, Doctor of Political
Sciences, Professor of the Department of Political Science and mass
media, Financial University;

S. Ju. Belokonev, Cand. Sci. in Political Science, Associate Professor,
Head of Department of political science, Financial University;

A.N. Zubets, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher
of the Department of Insurance and Economy of Social Sphere,
Financial University;

V.V. Kaftan, Doctor in Philosophy, Professor at Department of Political
Science, Financial University;

V.A. Lapshov, Doctor of Social Science, Professor Head of the
"Sociology" Chair of Moscow State Linguistic University;

D.Z. Muzashvili, Cand. Sci. in Philosophy, Associate Professor,
"Sociology and Political Science" Faculty, Financial University;

N.A. Orekhovskaya, Doctor of Philosophy, Professor, the deputy
manager of Department of sociology on education and methodical
work, Financial University

A.V. Pachkalov, Cand. Sci. in History, Associate professor, Deputy Head
of Department of the economic theory, Financial University;

D.V. Petrosyants, Cand. Sci. in Economics, Assistant professor
of Department of political science, Financial University, a Senior
researcher at the Institute of Market Problems of Russian Academy
of Science;

E.E. Pismennaya, Doctor of Social Science, Professor of Department
of sociology, Financial University;

S.V. Rastorguev, Doctor of Political Sciences, Professor, Deputy head
of educational and methodical work of the Department of Political
Science and mass media, Financial University;

P.B. Salin, Cand. Sci. (Law), director of the Center for Political Studies,
Financial University;

P.S. Seleznev, Doctor of Political Sciences, Deputy first vice rector for
work with authorities and regional development;

G.G. Sillaste, Doctor in Philosophy, Professor of Department
of sociology, Financial University;

K.V. Simonov, Cand. Sci. in Political Science, Associate Professor,
the vice-rector Financial University;

A.A. Troshin, Cand. Sci. in Philosophy, Deputy Dean
for master's degree and career guidance of the "Sociology and
Political Science" Faculty, Financial University

EDITORIAL COUNCIL

E.V. Astakhova, Doctor of History, Professor, Rector
of Kharkov University for Humanities "People's Ukrainian Academy"
(Ukraine)

D. Baychun, Doctor, Professor of Beijing Pedagogical University,
director of the Cultural Center of the Sino-Russian
Relations (China)

N.M. Dolgopolov, deputy editor of the "Russian Newspaper", a member
of the Union of Journalists of Russia, a member of the Union of
Writers of Moscow and of the Interregional Union of Writers'
organizations (Russia)

T.M. Calvo Martinez, Doctor, Professor, Director of the Paris
International Institute of Philosophy (Spain)

R. Krumm, director of the Moscow branch of the Friedrich Ebert
Foundation (Russia)

D. Chiesa, Italian journalist and politician, member of the European
Parliament (2004–2009) (Italy)

B. McBride, Doctor, professor, president of the International
Federation of Philosophical Societies (USA)

I. Mamed-Zadeh, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the
Institute of Philosophy, Sociology and Law, National Academy
of Sciences of Azerbaijan (Azerbaijan)

K. Matsuzato, Doctor of Law, Department of Law and Politics,
University of Tokyo (Japan)

A.N. Nysanbaev, Doctor, Professor, Full member of the Academy
of Sciences of Kazakhstan, Director of Science, Institute of Philosophy,
Academy of Sciences of Kazakhstan (Kazakhstan)

D.E. Sorokin, Doctor of Economics, Professor, Science and Research
Coordinator Financial University, Corresponding member of the
Russian Academy of Sciences (Russia)

J.-L. Truelle, Doctor, a consultant for the development
of international relations between Russia and CIS countries,
Vice-President of the Association of economists
"Le Cercle Kondratieff"; professor of the University of Paris-12
(France)

C. Wilcox, Professor, Department of Government, Georgetown
University, Washington, D.C. U.S.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА: ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ИДЕОЛОГИЯ

Расторгуев С.В. «Национализация российской элиты» как политический проект	6
Салин П.Б. Национализация элиты в России в 2010-е годы как элемент страховки политсистемы от реализации деструктивного сценария	13
Белоконов С.Ю., Игнатовский Я.Р., Печенкин Н.М. Динамика общественно-политических настроений и анализ результатов выборов в Республике Хакасия в 2018 году	19
Донцев С.П., Бойко С.И. Религиозный фактор политики памяти в современных России и Беларуси: сравнительный анализ	25

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

Мелешкина Е. Ю. Запрещение коммунистической символики в посткоммунистических странах	36
Аликперова Н. В. Поведение потребителей: современные реалии и глобальные тренды	46
Махаматов Т.М. Философские основания искусственного интеллекта	52
Сургуладзе В.Ш. Многоликий фашизм: опыт осмысления понятия	57
Пырма Р.В. Влияние цифровых коммуникаций на политическое участие	63
Шатилов А.Б. Экология и политика: деструктивные аспекты идеологии экологизма и деятельности экологических организаций	70

РОССИЯ И МИР

Зубов В.В. Взаимодействие Европейского союза и Турции по проблеме миграционного кризиса: глубинные противоречия как следствие изменения геополитических реалий	78
Митрахович С.П. Взаимодействие партийных структур Европейского союза и Российской Федерации в дискурсе российских левых сил на примере «Справедливой России»	83
Пашковский П.И. Особенности интеграционной политики Российской Федерации в отношении государств Балтии (1992–2009 годы)	88
Родачин В.М. Гибридные войны и обеспечение национальной безопасности России	93

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Большунов А.Я., Тюриков А.Г. Конструирование и эффективность институтов финансовой грамотности	100
Разов П.В., Штепа С.Е. Социальные риски потребительского кредитования студенческой молодежи	106
Мартынова А.А., Шорохов В.Е. Государственная политика финансирования современной системы здравоохранения на примере Федерального фонда обязательного медицинского страхования	111
Василенко С.Б. Теоретический аспект политической деятельности неправительственных организаций в России	115
Пивкина Н.Ю. Умные города как новый стандарт качества жизни населения	120
Цюйюй Гаоянь Распределение политических рисков при вложении прямых иностранных инвестиций Китаем (эмпирическое исследование на основе данных за 2006–2017 годы)	126
Архангельская Л.Ю., Бондаренко Н.О. Особенности функционирования суверенных фондов на рубеже XX–XXI веков	136
Ганина Е.В., Дубинина Г.А., Степанян И.К. Кросс-культурный анализ билингвизма при подготовке иностранных студентов к обучению профессионально ориентированным дисциплинам	142

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Реброва В.В. Социальная реклама как инструмент социального маркетинга и способ формирования положительного образа бренда	148
--	-----

CONTENTS

COVER STORY: CONTEMPORARY RUSSIAN POLITICS: INSTITUTIONS,
PROCESSES AND IDEOLOGY

- Rastorguev S.V.**
“Nationalization of the Russian Elite” as a Political Project 6
- Salin P.B.**
The Nationalization of the Elite in Russia in 2010-ies as an Element of Political
System Insurance in Case of Realization of the Destructive Scenario 13
- Belokonev S. Yu., Ignatowski Ya.R., Pechenkin N.M.**
Dynamics of Socio-Political Moods and an Analysis of the Election Results
in the Republic of Khakassia in 2018..... 19
- Dontsev S.P., Boyko S.I.**
The Religious Factor in the Politics of Memory
in Contemporary Russia and Belarus: Comparative Analysis 25

FUNDAMENTAL SCIENTIFIC KNOWLEDGE

- Meleshkina E. Yu.**
The Prohibition of Communist Symbols in Post-Communist Countries 36
- Alikperova N.V.**
Consumer Behaviour: Current Realities and Global Trends..... 46
- Makhamatov T.M.**
Philosophy of Artificial Intelligence 52
- Surguladze V. Sh.**
Many Faces of Fascism: Attempt of Comprehension of the Concept..... 57
- Pyrma R.V.**
The Influence of Digital Communications on Political Participation 63
- Chatilov A.B.**
Ecology and Politics: Destructive Aspects of the Ideology
of Ecologism and the Activities of Environmental Organisations 70

RUSSIA AND WORLD

- Zubov V.V.**
The Interaction of the European Union and Turkey on the Problem
of the Migration Crisis: Deep Contradictions as a Result of Changes
in the Geopolitical Realities..... 78
- Mitrakhovich S.P.**
Interaction of Party Structures of The EU and the Russian Federation
in a Discourse of the Russian Left Forces on the Example of “A Just Russia” Party... 83
- Pashkovsky P.I.**
Features of Integration Policy of the Russian Federation
towards the Baltic States (1992–2009)..... 88
- Rodachin V.M.**
Hybrid War and the National Security of Russia..... 93

CURRENT SOCIO-POLITICAL AND HUMANITARIAN RESEARCH

- Bolshunov A. Ya., Tyurikov A.G.**
Designing and Effectiveness of Financial Literacy Institutions 100
- Razov P.V., Shtepa S.E.**
Social Risks of Consumer Credit Students..... 106
- Martynova A.A., Shorokhov V.E.**
State Financing Policy of the Modern Health Care System
on the Example of Federal Compulsory Medical Insurance Fund 111
- Vasilenko S.B.**
La Theorisation de L'activite Politique des Ong en Russie 115
- Pivkina N. Yu.**
Smart Cities as a New Quality of Life Standard 120
- Qiuyu Gaoyan**
Political Risk Distribution of Chinese Outward Direct Investment –
an Empirical Study from 2006 to 2017 126
- Arkhangelskaya L. Yu., Bondarenko N.O.**
Features of the Functioning of Sovereign Funds
at the Turn of the XX–XXI Centuries..... 136
- Ganina E.V., Dubinina G.A., Stepanyan I.K.**
Cross-Cultural Analysis of Bilingualism in Preparing international Students
for Training Professionally Oriented Disciplines..... 142

STARTUP OF YOUNG RESEARCHER

- Rebrova V.V.**
Social Advertising as Instrument of Social Marketing
and Way of Formation of the Positive Image of the Brand..... 148

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ.
ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Международный
научно-практический журнал
Том 9, № 4 (40), 2019

Главный редактор –
А.Б. Шатилов
Заведующий редакцией
научных журналов –
В.А. Шадрин
Выпускающий редактор –
Ю.М. Анютина
Корректоры – **С.Ф. Михайлова,**
Е.В. Маурина
Верстка – **С.М. Ветров**
Переводчик – **З. Межва**

Адрес редакции:
125993, Москва, ГСП-3,
Ленинградский пр-т, 53, к. 5.6
Тел.: **8 (499) 943-98-02**
E-mail: julia.an@mail.ru
[http://www.fa.ru/dep/jgn/
about/Pages/default.aspx](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

Оформление подписки
в редакции
по тел.: **8 (499) 943-94-31,**
e-mail: MMKorigova@fa.ru;
Коригова М.М.

Подписано в печать 01.08.2019
Формат 60 x 84 1/8.
Объем 18,24 усл. п. л.
Заказ № 719
Отпечатано в Отделе
полиграфии

Финансового университета
(Ленинградский пр-т, д. 51)
© Финансовый университет
Editor-in-Chief – **A.B. Shatilov**
Head of Scientific Journals
Editorial Department –
V.A. Shadrin
Managing editor –
Yu.M. Anyutina
Proofreaders – **S.F. Mihaylova,**
E.V. Maurina
Design, make up – **S.M. Vetrov**
Translator – **Z. Mierzva**

Editorial address:
53, Leningradsky prospekt, office 5.6
Moscow, 125993
tel.: **+7 (499) 943-98-02**
E-mail: julia.an@mail.ru
[http://www.fa.ru/dep/jgn/
about/Pages/default.aspx](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

Subscription in editorial office
tel.: **+7 (499) 943-94-31**
e-mail: MMKorigova@fa.ru

Signed for press on 01.08.2019
Format 60 x 84 1/8.
Size 18,24 printer sheets.
Order № 719
Printed by Publishing House
of the Financial University
(51, Leningradsky prospekt)
© Financial University

ТЕМА НОМЕРА: СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА: ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ИДЕОЛОГИЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-4-6-12

УДК 32(045)

«НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ЭЛИТЫ» КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

Расторгуев Сергей Викторович, д-р полит. наук, профессор Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
SRastorguev@fa.ru

Аннотация. В статье исследуется процесс «национализации российской элиты», которая представляется как переориентация активов, деловых практик, производства смыслов политической и экономической элиты в контур российских полей взаимодействия. Российская политическая система характеризуется как «государство ограниченного доступа», где акторы политического и экономического поля конкурируют за распределение ренты. Анализируется поворот от легитимных офшорных практик досанкционного периода к мобилизационному варианту формирования элитного консенсуса в условиях «новой нормальности». В качестве факторов «национализации элиты» рассматриваются политические протесты 2012 г. и санкции против России 2014–2019 гг. Доказывается, что интересы государства-аппарата и государства-нации в вопросе «национализации элиты» имеют точки соприкосновения. Анализ активов российской бизнес-элиты в сравнении с бизнес-элитами других стран показывает их приватизационный и рентный характер. Сумма хранимых вне российской юрисдикции активов свидетельствует о недоверии бизнес-элиты к стабильности «правил игры» в России. Данные факторы легитимизируют процесс «национализации» в публичном пространстве. В рамках концепции пучка прав собственности А. Оноре и концепции кодов коммуникации проанализированы теоретические аспекты национализации бизнес- и политической элиты. Ставится проблема возможности «национализации нации» как продолжения мобилизационного сценария.

Ключевые слова: политическая элита; бизнес-элита; национализация элиты; господствующая коалиция; коммуникативный код

“NATIONALIZATION OF THE RUSSIAN ELITE” AS A POLITICAL PROJECT

Rastorguev S.V.,
Doctor of Political Sciences, Professor, Financial University, Moscow, Russia
SRastorguev@fa.ru

Abstract. The article explores the process of “nationalisation of the Russian elite”. “Nationalization of the elite” is presented as a reorientation of assets, business practices, the production of meanings of the political and economic elite into the contour of the Russian fields of interaction. The author characterised the Russian political system as a “state of limited access”, where actors of the political and economic field compete for rent distribution. The turn from the legitimate offshore practices of the pre-sanctions period to the mobilisation version of the formation of elite consensus in the context of “new normality” is analysed. The author considered political protests of 2012 and sanctions against Russia in 2014–2019 as factors of the “nationalisation of the elite”. The author proved that the interests of the state-apparatus and the state-nation in the issue of “nationalisation of the elite” have points

of contact. An analysis of the assets of the Russian business elite in comparison with the business elites of other countries shows their privatisation and rental nature. The amount of assets held outside the Russian jurisdiction indicates a lack of trust in the business elite towards the stability of the "rules of the game" in Russia. These factors legitimise the process of "nationalisation" in public space. Within the framework of the concept of the bundle of property rights by A. Honore and the concept of communication codes, the theoretical aspects of the nationalisation of the business elite and the political elite are analysed. Finally, the author points to the problem of the possibility of "nationalisation of the nation" as a continuation of the mobilisation scenario.

Keywords: *political elite; business elite; nationalisation of the elite; the dominant coalition; communication code*

«Национализация элит» — метафора для словаря российской политики третьего и четвертого президентских сроков В.В. Путина. Следуя традиции Д. Лакоффа и М. Джонсона, определявших метафору как «понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида» [1], можно реконструировать процесс национализации политической и экономической элиты России. Авторы и трансляторы метафоры воспользовались экономической терминологией, установив аналогию процесса перехода частной собственности под контроль государства в экономическом поле и процесса добровольно-принудительной переориентации активов, деловых практик, производства смыслов политической и экономической элиты в контур российских полей взаимодействия. В экономике национализация связана с изменением формы собственности, трансформацией отношения людей к вещам, ростом публичного сектора хозяйства. В метафорическом смысле предполагаются изменение и ограничение локализации активов, реконфигурация титулов собственности.

Однако имущественные вопросы представляются видимой верхушкой айсберга. В глубинном смысле национализация элит связана с проверкой на лояльность «господствующей коалиции», как обозначали правящую группировку Д. Норт, Дж. Уоллис, Б. Вайнгаст в работе «Насилие и социальные порядки» [2]. Запрос на проверку лояльности возник в 2012 г. в связи с внутриэлитными процессами и протестным тестированием устойчивости политической системы России, актуализация запроса произошла в 2014 г. на фоне прохождения внешнеполитической точки невозврата. Синонимы национализации — аккультурация, ассимиляция, натурализация — подчеркивают не имущественный, а идентификационный аспект процесса.

Политическая элита определяется на основе синтеза позиционного, рещенческого, репутационного подхода как группа, члены которой за-

нимают высокие должности в государственном аппарате, формально и неформально влияют на принятие политических решений, идентифицируются экспертами в качестве статусных и ресурсных акторов. Экономическая элита представлена рейтингом Forbes «200 богатейших людей России 2018», охватывающим компании частной формы собственности. Топ-менеджеры крупных государственных компаний, таким образом, оказываются в разряде политической элиты.

В словаре Merriam-Webster первое значение термина «национализация» следующее: «придавать национальный характер чему-либо». Но каковы объем и содержание понятия «национальный»? Модель для сборки данного понятия содержит два множества — государство как аппарат и гражданская нация как сконструированное политическое сообщество разных этнических групп по Б. Андерсону. Можно ли говорить о существовании или конструировании согласованного, вобравшего как средняя величина все характеристики генеральной совокупности интереса государства-аппарата и интереса гражданской нации, которые призваны задать вектор интенциям, воле и свободному выбору представителям элит? Ответ на данный вопрос не может ограничиться эмпирическим суммированием и взвешиванием интенций и выборов групп интересов, он предполагает обращение к теориям.

Метатеоретическим подходом, ставящим под сомнение возможность существования общего интереса, является используемый в теории игр принцип транзитивности предпочтений. Попытка выявить общий интерес методом Кондорсе на основе нахождения наибольшего количества предпочтений какого-либо интереса в парных сравнениях с другими интересами в масштабах государства-аппарата или гражданской нации с большой долей вероятности закончится парадоксом Кондорсе, когда в парных сравнениях победитель не выявляется, ранжирование оказывается нетранзитивным [3]. У конкретного актора предпочтения ранжированы транзитивно, а у общности в целом —

нетранзитивно. Основываясь на теоретических постулатах нетранзитивности предпочтений, конкуренции групп интересов, разнообразия «картин мира» и стратегий деятельности у разных социальных групп в форме социальных конструктов [4], габитуса [5], концепции стихийных порядков и каталлактики Ф. фон Хайека [6], можно оспорить существование государственного/национального интереса. За скобками аналитического подхода остается допущение одного из шести условий теоремы К. Эрроу — наличие диктатора, единолично влияющего на ранжирование предпочтений.

Для теоретического осмысления интересов государства-аппарата в современной России можно с некоторыми корректировками использовать концепции Д. Норта, Дж. Уоллиса, Б. Вайнгаста о переходе государств ограниченного доступа к государствам открытого доступа. Государства ограниченного доступа характеризуются доминированием личных связей в элитах (нет верховенства права и независимых судов), патрон-клиентскими отношениями (социальные лифты работают по вертикали власти «патрон-клиент»; действует гильдейская система рекрутирования политической элиты), тесной связью представителей элиты с определенной организацией (элитные группировки имеют привилегированный доступ к извлечению ренты в какой-либо сфере), жестким контролем над созданием организаций в любых сферах общества (разрешительный принцип организации, атомизация общества).

Объем ренты определяет количество и стратегию (кооперация-конфликт) элитных групп наподобие механизма минимальной выигрышной коалиции — чтобы победить конкурентов, необходимо сформировать минимальную ресурсную группу, чье решение является обязательным для всех участников игры. Нецелесообразно формировать большую коалицию, поскольку придется делить «выигрыш-ренту» среди большого количества игроков, что минимизирует долю каждого игрока в отдельности. Рента генерируется как значительным публичным сектором экономики, так и патронажем над частным бизнесом. По аналогии с фрактальными свойствами объектов живой и неживой природы, где целое подобно части, рентные, патрон-клиентские отношения политической элиты и бизнеса миниатюризируются от федерального центра и крупного бизнеса через региональную власть и средний бизнес до районного-городского уровня и малого бизнеса. У государства-аппарата в данной концепции существует минимальный

общий интерес в сохранении status quo властных позиций/объемов ренты и максимальный общий интерес в усилении властных позиций/увеличении ренты. Динамика изменений в господствующей коалиции связана с колебанием объема ренты и появлением новых видов рентных ресурсов, которые изменяют баланс сил. П. Бурдые также выводил государственный интерес из рациональности автономного бюрократического аппарата, занятого самовоспроизводством.

Если рассматривать современную российскую «господствующую коалицию» в рамках концепции разьединенных и объединенных элит Дж. Хигли [7], то возникают затруднения при ее классификации — она не соответствует базовым критериям разьединенной, объединенной, консенсусной элиты. Вероятно, инаковость существующих форм экономической, политической, духовной, социальной жизни можно осмысливать через концепт гибрида, который соединяет в себе характеристики таких конструктов, как «конкурентный авторитаризм» М. Миллера, «дефектная демократия» М. Богардса, В. Меркела, «имитационная демократия» Д. Фурмана, «управляемая демократия» И. Крастева, «параконституционный режим» Р. Саквы.

Интерес гражданской нации заполняет большую часть объема понятия «национальный интерес», включая в себя в том числе интерес государства-аппарата и интересы многообразных негосударственных групп, обозначаемых как гражданское общество. Опираясь на положение М. Олсона о большей эффективности малых ресурсных групп по сравнению с большими группами, можно предположить наличие корреляции между интересом государства-аппарата и интересом гражданской нации с большими шансами удовлетворения первого интереса. Синтез концепций биополитики М. Фуко (в определенной степени перекликается с российской версией «сбережения народа» А.И. Солженицына) и «государства всеобщего благосостояния в пределах разумного» (ограничения по ресурсам и рациональности допустимых объемов перераспределения) отражает интерес гражданской нации. Он конкретизируется в политике демографического роста, развития здравоохранения, обеспечения безопасности физической и моральной жизни, создания условий для экономического процветания населения. Российская версия задекларированного в Конституции РФ социального государства воплощается в майских указах Президента 2012 и 2018 гг. как общественный договор элит и массы, государства-аппарата и населения.

Сравнение топ-10 богатейших людей России с топ-10 богатейших людей из стран, обладающих значительными запасами сырьевых ресурсов, по рейтингу Forbes The World Billionaires 2018 дает повод задуматься о моральном обосновании идеи национализации бизнес-элиты России. В первой десятке российских миллиардеров только М. Фридмана можно идентифицировать как представителя несырьевого, неэкспортного бизнеса, хотя ранее он владел пакетом акций ТНК-ВР. Остальные позиции занимают собственники активов металлургической и газовой отрасли. В топ-10 США и Канады нет ни одного представителя сырьевых отраслей, в Австралии и Китае таковых насчитывается по одному, в Бразилии и Мексике — по два. На ведущих позициях в этих странах находятся собственники IT-компаний, производители продовольствия, фармацевтики, оборудования, владельцы ритейловых сетей, инвесторы, банкиры, владельцы недвижимости и строительных империй. Подавляющая часть крупных состояний не унаследована, не получена в ходе приватизации, а создана в рамках одного поколения предпринимателями-инноваторами.

Национальное бюро экономических исследований США (NBER) в 2017 г. опубликовало данные межстрановых сравнений о примерном количестве активов (вклады, ценные бумаги без учета недвижимости) граждан/компаний разных стран, вложенных в офшорные юрисдикции [9]. Россия заняла четвертое место вслед за ОАЭ, Венесуэлой, Саудовской Аравией с показателем офшорных активов 46% от ВВП. По оценке NBER, сверхбогатые россияне держат в иностранных налоговых гаванях до 60% своих активов. Среди стран-убежищ выделяются Швейцария, Кипр, Великобритания, Люксембург. Эксперты NBER заключили, что политический строй страны не является независимой переменной, определяющей отток средств в иностранные юрисдикции, — главную роль играют географический фактор и «специфическая национальная траектория». Систематический вывоз капитала из России можно объяснить не только слабыми гарантиями прав собственности, но и коллективным недоверием политико-экономическим процессам в стране со стороны как крупного/среднего бизнеса, так и части политической элиты.

В последние годы наблюдается общемировая тенденция рассекречивания резидентов офшорных зон («Панамского досье», «Райского досье»). Сами государства предпринимают шаги по снижению привлекательности иностранных офшорных юрисдикций: обмен информацией между странами об

активах и счетах, налоговые амнистии, снижение корпоративных налогов в своей юрисдикции, ограничения для иностранных (офшорных) компаний при работе на внутреннем рынке. В 2014 г. изменения в Налоговый кодекс, кодифицированные в профессиональном сообществе в «закон о контролируемых иностранных компаниях», обязали декларировать принадлежащие российским резидентам иностранные компании и платить налоги с их доходов. В 2015 г. принят Федеральный закон № 140, позволяющий без юридических последствий раскрыть информацию о наличии иностранных активов без указания источников средств для их формирования. Эта амнистия капиталов продлена до 2019 г.

Политические элиты разных стран заинтересованы в максимизации бюджетов, которые являются, с одной стороны, источниками ренты господствующей коалиции, с другой — источником средств для проведения биополитики и финансирования социальных программ. Логика борьбы государства-аппарата с выводом средств в офшоры, практикуемых прежде всего крупным бизнесом, соответствует рациональности бюрократии. Однако в данном вопросе имеется обратная сторона, на которую обратил внимание в исследовании NBER (июль 2018 г.) Хуан Карлос Суарес Сerratо, составивший модель непреднамеренных последствий исключения налоговых гаваней для макроэкономических показателей США [10]. Оставление прибыли в американской юрисдикции приводит к эффекту увеличения бремени корпоративного налога, что сокращает инвестиции и рабочие места, а дополнительные доходы бюджета частично возвращаются в регионы для компенсации проблем недоинвестирования, снижения заработной платы, безработицы. В российской практике деофшоризация может обернуться для национального экономического пространства рядом неоднозначных эффектов: сокращение прямых иностранных инвестиций (основная их часть приходится на офшоры и состоит из ушедших российских денег); тезаврация, долларизация богатства внутри страны (при отсутствии возможностей и высоких рисках реализации новых инвестиционных проектов); добровольно-принудительное перенаправление частных средств в проекты, инициированные господствующей коалицией (как правило, несущих политические, символические выгоды, но экономически не окупающиеся).

Национализация бизнес- и политической элиты может быть проанализирована в рамках концеп-

ции пучка прав собственности А. Оноре, совокупности имущественных состояний собственника (титулов собственности), кодов коммуникации полей взаимодействия. В экономическом и политическом поле ресурсные агенты взаимодействуют посредством коммуникативного кода, «программного языка» габитусов, структурирующих восприятие информации и моделирующих стратегии действий. Коммуникативный код представляет собой описывающий/предписывающий язык собственности поля — отношений людей по поводу вещей и действий. Собственностью экономического поля является экономический капитал в трактовке К. Маркса (самовозрастающая стоимость в форме денежного, производительного, товарного капитала), собственность политического поля — политическая власть (в данном случае непринципиально, понимается власть в рамках секционной, несекционной концепции или теории обмена). Коммуникативный код экономического капитала и политической власти предписывает стратегии простого и расширенного воспроизводства, утрата собственности в форме банкротства или права на легитимное управление маргинализирует агентов либо выводит их из соответствующего поля.

Следуя классификации А. Оноре, можно представить пучок прав собственности экономического капитала и политической власти следующим образом. Право владения (физический контроль над капиталом/должностью); право пользования (личное использование капитала/полномочий); право управления (решения о способах использования капитала/исполнения командно-контрольных действий); право на доход (присвоение выгод от использования капитала/исполнения полномочий); право на «капитальную стоимость вещи» (распоряжение капиталом в форме отчуждения или потребления/передачи полномочий другим субъектам, прекращение полномочий); право на безопасность (невозможность конфискации капитала/узурпации полномочий); право на переход вещи по наследству или по завещанию (наследование капитала/прямое и косвенное наследование власти в виде преемничества); бессрочность (нет сроков существования капитала и власти при возможности смены их собственников); запрет вредного использования (запрет использовать капитал во вред другим/запрет превышать должностные полномочия); ответственность в виде взыскания (изъятие капитала для возмещения долга/лишение или ограничение полномочий); остаточный характер (ожидание от других субъектов возврата

временно делегированных им правомочий над капиталом/возврат полноты полномочий) [11].

Национализация экономического капитала бизнес- и политической элиты может принять форму добровольно-принудительного установления титула собственности путем ограничения правомочия собственника со стороны государства-аппарата. Например, право на доход можно ограничить посредством высокого налогообложения; право на «капитальную стоимость вещи» — оговорками о национальной безопасности, монополизации; запрет вредного использования в мягких формах попадает под санкции экологического законодательства; ответственность в виде взыскания допускает задействование уголовного и гражданского судопроизводства в связи с налоговыми нарушениями или получением необоснованной прибыли от фиктивных сделок. В публичном пространстве представители бизнес-элиты уже делали заявление о готовности отдать в краткосрочной перспективе свое состояние на благотворительность или нужды страны, заплатить компенсационный налог за приватизацию. Со стороны правительства озвучиваются идеи изъятия части сверхдоходов сырьевых экспортеров сверх уплаченных налогов для выполнения инфраструктурных и социальных обещаний.

Автор солидарен с утверждением П. Бурдье о том, что агенты в полях распределяются иерархически в зависимости от объема и сочетания разных типов капитала (разных предметов собственности со своими кодами коммуникации), но остается дискуссионным вопрос о применимости к современной России тезиса о навязывании экономическим полем своей структуры другим полям [12]. В режимах ограниченного доступа господствующая коалиция состоит из коалиции клиентел под руководством представителей политических элит, патронирующих и инкорпорирующих представителей бизнес-элит как ресурсных генераторов ренты.

В отличие от режимов открытого доступа, где публичная политика концептуализируется в плюралистических и сетевых подходах или в неокорпоративных треугольниках «государство–бизнес–профсоюзы», «государство–бизнес–НКО», в режимах ограниченного доступа вырисовывается треугольник «государство–бизнес–население». Метафора Ж. Бодрийара о массах как молчаливом большинстве, «черной дыре», тестируемой в режиме референдума, не менее пригодна для осмысления категории «население» в режиме

ограниченного доступа, нежели для постмодернистского режима открытого доступа. Государство-аппарат публично объявляет национализацию элит, биополитику, отечественную версию социального государства для легитимации власти в глазах населения-массы. По данным опросов ВЦИОМ «Предпринимательство в России: доверие, барьеры и факторы успеха» (октябрь 2017 г.) и индексам доверия политикам, обнаруживается, что население в гораздо большей степени доверяет политикам, а не бизнесменам. Три четверти опрошенных — в качестве работодателей, налогоплательщиков и производителей товаров — признают пользу частного предпринимательства, а две трети россиян не хотели бы заниматься предпринимательством.

Собственность политического поля — «политическая власть» несет иной коммуникативный код, нежели собственность экономического поля — «экономический капитал». Код политического поля на осях «результативность–эффективность» смещен в сторону результативности, тогда как код коммуникации экономического поля не может игнорировать эффективность по определению: чем меньше издержки, тем выше прибыль. В равновесной модели взаимодействие коммуникативных кодов в каждом поле максимизирует выгоды друг друга — игра с положительной суммой. При нарушении равновесия доминирующий код подавляет доминируемый код в форме «экономизации политики» или «политизации экономики» — игра с нулевой суммой. Коммуникативный код политического поля в пространстве экономического поля перепрограммирует его цели, средства, мотивы. Проект национализации бизнес-элит, в частности, несет в себе перспективу вмешательства государства-аппарата в решение вопросов «Что? Как? Для кого производить?».

Бизнес-элита встроена в господствующую коалицию и вместе с политической элитой в 2014 г. оказалась в условиях «новой нормальности», обусловленной падением доходов от экспорта сырья и антироссийскими санкциями. Антироссийские санкции против политиков маркируют риски клиентских бизнес-групп, а санкции против российских бизнесменов возводят их в статус персон «нон грата», сблизжают с господствующей коалицией. Мировой опыт санкций последних 50 лет свидетельствует о том, что за редкими исключениями они не приводили к провозглашенным целям, а, напротив, способствовали консолидации режимов при определенных экономических по-

терях, консервации технологической отсталости, замедлении крупных инвестиционных проектов. Политика антироссийских санкций делает проект национализации бизнес-элит более реалистичным, заставляя крупный частный бизнес, особенно сырьевых экспортеров, искать поддержки господствующей коалиции. В данном контексте принят Федеральный закон № 291 о специальных административных районах, который предполагает перевод активов крупного российского офшорного бизнеса из зарубежных офшоров на острова Русский (Приморье) и Октябрьский (Калининградская область) с сохранением всех преференций нероссийской юрисдикции. Закон создает две островные налоговые гавани, недостижимые для санкционных мер западных стран.

Российская бизнес-элита не борется за пересмотр правил игр в политическом поле, предпочитая при выборе из стратегий «терпи–борись–беги» первую и третью. Стратегическая игра «беги» реализуется в мягком варианте через консенсус с господствующей коалицией, в жестком варианте вывод активов сопровождается уголовными преследованиями и диссидентством беглецов, их публичным отказом от режима ограниченного доступа. Представители российской бизнес-элиты, укореняющиеся за границей, предоставляют «алиби» непричастности к господствующей коалиции или занимают позицию жертвы политических репрессий.

Проект национализации элит носит мобилизационный характер. Начавшись как любой замысел в сознании руководителей господствующей коалиции, законодательно и идейно оформленный государством-аппаратом, он может быть распространен на население в форме проекта «национализации нации». В его рамки укладываются импортозамещение в промышленности, продовольственные контрсанкции, запрет отдыха за границей для отдельных категорий государственных служащих, создание автономной платежной системы, установление государственного или квазигосударственного контроля над российскими социальными сетями, поисковыми системами, мессенджерами, переформатирование информационного пространства СМИ. Перечисленное воспринимается как «новая нормальность». Открывая «окно Овертона», можно ввести в пространство «новой нормальности» следующие меры: добровольно-принудительную продажу населению ОФЗ (займ реиндустриализации), дедолларизацию (от мягких ограничений и разрешительной системы приобре-

тения валюты до запрета на долларовые сделки), политическую цензуру в Интернете (по аналогии с китайским The Golden Shield Project), российскую культурную автономию.

Гипотетический проект «национализация нации», максимально замыкающий производство, распределение, обмен и потребление товаров,

услуг, денег, смыслов в границах национально-го государства, противоречит глобализации, но не представляется логически противоречивым и принципиально нереализуемым. «Большая Европа от Лиссабона до Владивостока» может смениться «Большой Азией от Калининграда до Хошимина».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Изд-во ЛКИ; 2017.
2. Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Е. Т. Гайдара; 2011.
3. Диксит А., Скит С., Рэйли-мл. Д. Стратегические игры. Доступный учебник по теории игр. М.: Манн, Иванов и Фербер; 2017.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум; 1995. 323 с.
5. Бурдьё П. Структура. Габитус. Практика. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 1998;1(2):60–70.
6. Хайек Ф. Право, законодательство и свобода. М., Челябинск: ИРИСЭН; 2016.
7. Хигли Дж. Демократия и элиты. *Полития: анализ, хроника, прогноз (журнал политической философии и социологии политики)*. 2006;(2):22–31.
8. Salminen V. Putin — Nezkreslená zpráva o mocném muži a jeho zemi. Praha: Daranus; 2015.
9. Alstadsæter A., Johannesen N., Zucman G. Who Owns the Wealth in Tax Havens? Macro Evidence and Implications for Global Inequality. NBER Working Paper No. 23805. September 2017;2, 3, 13, 18, 27–32.
10. Serrato Juan Carlos Suárez. Unintended Consequences of Eliminating Tax Havens. NBER Working Paper No. 24850. 2018; July:1–6.
11. Honore A.M. Ownership. In: Oxford essays in jurisprudence: a collaborative work. Guest A.G., ed. London: Oxford University Press; 1961:112–128.
12. Расторгуев С.В. Концептуализация отношений акторов политической и экономической сфер. *Власть*. 2016; (7):16–21.
13. Бурдьё П. Социология политики. М.: Socio-Logos; 1993.

REFERENCES

1. Lakoff G., Johnsen M. Metaphors we live by. Moscow: LKI; 2017. (In Russ.).
2. North Douglass C., Wallis John Joseph, Weingast Barry R. Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara; 2011. (In Russ.).
3. Dixit Avinash K., Skeath Susan, Reiley David H. Jr. Games of Strategy. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber; 2017.
4. Berger Peter L., Luckmann Thomas. The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge. Moscow: Medium; 1995. 323 p.
5. Bourdieu P. The Structure. Habitus. Practice. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. 1998;2(1):60–70. (In Russ.).
6. Hayek F.A. Law, Legislation and Liberty. A new statement of the liberal principles of justice and political economy. Moscow, Chelyabinsk: IRISEN, 2016. (In Russ.).
7. Higley J. Democracy and elites. *Politiya: analiz, khronika, prognoz (zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii politiki)*. 2006;(2):22–31. (In Russ.).
8. Salminen Veronika. Putin — Nezkreslená zpráva o mocném muži a jeho zemi. Praha: Daranus; 2015.
9. Alstadsæter Annette, Johannesen Niels, Zucman Gabriel. Who Owns the Wealth in Tax Havens? Macro Evidence and Implications for Global Inequality. NBER Working Paper No. 23805. Sept. 2017.
10. Serrato Juan Carlos Suárez. Unintended Consequences of Eliminating Tax Havens. NBER Working Paper No. 24850. July 2018.
11. Honore A.M. Ownership. In: Oxford essays in jurisprudence: a collaborative work. A. G. Guest, ed. London: Oxford University Press; 1961:112–128.
12. Rastorguev S.V. Conceptualization of relations between political and economic actors. *Vlast'*. 2016;7:16–21.
13. Bourdieu P. Sociology of politics. Moscow: Socio-Logos; 1993:57–58.

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-4-13-18

УДК 32.019.5(045)

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЭЛИТЫ В РОССИИ В 2010-Е ГОДЫ КАК ЭЛЕМЕНТ СТРАХОВКИ ПОЛИТСИСТЕМЫ ОТ РЕАЛИЗАЦИИ ДЕСТРУКТИВНОГО СЦЕНАРИЯ*

Салин Павел Борисович, канд. юрид. наук, директор Центра политологических исследований, старший преподаватель Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
salpavbor@mail.ru

Аннотация. Актуальность данной темы обусловлена приближением открытого этапа транзита российской политической системы, что неизбежно будет сопровождаться сменой политических поколений элиты. В связи с этим встает вопрос о том, какая «стратегия выхода» существует у той элиты, которая находится у рычагов управления страной в настоящий момент – именно она будет оказывать решающее влияние на течение и итоги транзита политической системы. Цель данной статьи – проанализировать реализацию стратегии власти по национализации элиты, которую она осуществляла в 2010-е гг., оценить ее ход, ограничения и проблемы, с которыми она столкнулась. В статье рассматривается российский опыт национализации элиты последних семи лет как с точки зрения изменений в законодательстве, так и, самое главное, правоприменительной и политической практики. Особый упор сделан на существующих ограничениях данного проекта – отсутствии у элиты связанной со страной «стратегии выхода» и большого проекта, который мог бы мобилизовать элиту. В заключение приводится вывод о том, что события 2014 г. и последовавшая за ними конфронтация с Западом сделали для национализации элиты гораздо больше, чем целенаправленные усилия власти в течение двух лет до этого. Однако политическая практика пока не дала ответ на ключевой вопрос – каким будет второй этап национализации элиты, который завершится к 2022–2024 гг.

Ключевые слова: элита; национализация; транзит политической системы; мобилизационный проект; exit strategy

THE NATIONALIZATION OF THE ELITE IN RUSSIA IN 2010-IES AS AN ELEMENT OF POLITICAL SYSTEM INSURANCE IN CASE OF REALIZATION OF THE DESTRUCTIVE SCENARIO**

Salin P.B.,

Ph.D. of Laws, Director, Center of Political Studies; Senior Lecturer, Department of Political Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
salpavbor@mail.ru

Abstract. The relevance of this topic is due to the forthcoming of the open stage of transit of the Russian political system, which will inevitably be accompanied by a change of generations of the political elite. It raises the question of what “exit strategy” exists for the existing elite, which is now at the levers of governmental management. It will

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article was prepared according to the results of studies carried out at the expense of budgetary funds on the state task of the Financial University.

have a decisive influence on the course and outcome of the transit of the political system. The purpose of this article is to analyse the implementation of the government's strategy for the nationalisation of the elite, which is carried out in the 2010s, to assess its progress, limitations and problems it faced. The article deals with the Russian experience of nationalisation of the elite of the last seven years, both in terms of changes in legislation and, most importantly, law enforcement and political practice. The author placed particular emphasis on the existing limitations of this project – lack of "exit strategy" of the current elite and lack of a large project that could mobilise the elite. The author concludes that the events of 2014 and the ensuing confrontation with the West have done much more to nationalise the elite than the purposeful efforts of the authorities for two years before. However, the political practice has not yet answered the key question – what will be the second stage of nationalisation of the elite, which will be completed by 2022–2024.

Keywords: elite; nationalisation; the transition of the political system; mobilising the project; exit strategy

Процесс национализации политической элиты в России одновременно усложняется и упрощается тем, что в стране исторически сложились отношения власти-собственности, которые не менялись как в советский, так и постсоветский период [1]. Тем самым процесс национализации экономической элиты практически неотделим от процесса национализации политической элиты, хотя, и с точки зрения хронологической последовательности, второе предшествует первому [2]. Поскольку российская экономика и политическая система носили и носят ярко выраженный рентный характер, то благополучие представителей господствующего класса (без его подразделения на экономическую и политическую части) зависело и зависит от места в иерархии государственной власти. При этом экономическая элита на протяжении последних 15 лет становится все более тесно связанной с политической элитой как неформально, по мере становления устойчивых патрон-клиентских отношений в постельцинской России, так и, что самое главное, с формальной точки зрения. Последнее происходит благодаря набирающей силу тенденции огосударствления экономики — через становление юридического института госкорпораций и расширения сферы деятельности госкомпаний, включения в их структуру новой ресурсной базы.

На уровне официального дискурса проблема национализации элиты стала подниматься в 2012 г., когда этот концепт был публично озвучен, а затем переведен в юридическую плоскость. Однако на первоначальном этапе он столкнулся со значительным сопротивлением самого «объекта» — национализируемой элиты. Ключевой причиной такого недовольства ста-

ли намерения власти запретить чиновникам и их родственникам владеть собственностью за рубежом. Сначала Президент РФ В.В. Путин летом 2012 г. дал год на то, чтобы вернуть активы в страну, а позднее данная инициатива была оформлена в виде законопроекта, который также предусматривал переходный период до середины 2013 г. [3].

Некоторые представители политической элиты публично высказались против такой инициативы, явно ретранслируя не только свою личную точку зрения. В этом плане наиболее резко выступил глава Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству А.А. Клишас, который заявил, что верхняя палата российского парламента не поддержит введение запрета на банковские вклады и собственность за рубежом для госслужащих. Менее категоричен был глава фракции «Единой России» в Госдуме А.Ю. Воробьев, который указал на возможность серьезной корректировки законопроекта во время его прохождения через нижнюю палату парламента.

Однако в итоге закон был принят в компромиссной версии, которая заметно ограничивала мобильность политической элиты — был введен запрет на владение высоколиквидными активами, в то время как иметь низколиквидные активы разрешалось. Позднее, когда политическая элита прошла процесс психологической адаптации, в соответствии с «тактикой салями» в отношении нее начали вводиться новые меры по национализации, например негласный запрет на обучение детей за рубежом.

Следует отметить, что экзистенциальное сопротивление, в первую очередь — политической элиты, процессам национализации было обусловлено системными причинами [4]. В принципе эти причины укладываются

в концепцию разъединенных и объединенных элит Дж. Хигли [5]. Ключевая проблема российской политической системы заключается в том, что у российской элиты нет «стратегии выхода» (exit strategy) внутри страны, причем это справедливо как для ситуации до 2014 г., так и после нее, хотя в последние несколько лет ситуация несколько изменилась, и значительная часть элиты в связи с этим оказалась в тупике. В итоге в стратегических планах элиты присутствует фактор запланированной эмиграции, хотя реализация этой стратегии после 2014 г. в большей степени затруднительна, особенно если говорить о представителях госуправления, а не бизнеса.

Вышеуказанный фактор «запланированной эмиграции» является, возможно, самым важным, но отнюдь не единственным параметром, характеризующим позицию элитных групп по отношению к формированию «суверенной» модели политической системы. Еще один параметр — отсутствие серьезного мобилизационного проекта, ради которого политическая элита могла бы пойти на самоограничение.

В начале 2010-х гг. власть пыталась запустить несколько таких проектов, как раз в рамках стратегии «кумулятивных» действий по национализации прежде всего политической элиты. В первую очередь в начале 2010-х гг. власть отошла от либеральной парадигмы в развитии политической и ценностной системы и сделала крен в сторону консерватизма.

Это позволило власти предпринять попытку идеологического обоснования сохранения статус-кво, к чему стремились и стремятся ведущие элитные группы — бенефициары существующей политической системы. В целом выбор в пользу такой линии был сделан еще в начале 2012 г., но тогда отсутствовали признаки концептуальности, а действия власти носили тактический и зачастую хаотический характер. Это было вполне понятно, так как она оказалась не готова к всплеску недовольства в Москве и ряде других городов, считая, что идеологическая парадигма «нулевых» себя еще не исчерпала.

Однако к осени 2012 г. у власти наметился план действий по претворению консервативной концепции в жизнь. Он включал как идеологические моменты, которые затем пытались внедрить в общественное сознание, так и вполне прикладные инициативы законодательного

плана. К последним, например, относилась инициатива власти, которая позволила продлить предельный срок службы чиновников до 65 до 70 лет.

Поскольку консервативный проект получил со стороны власти полную поддержку, в нем сразу же обозначились конкурирующие течения. Можно выделить два основных проекта, которые в чем-то друг друга дополняли, а где-то содержали принципиальные противоречия. При этом элитные группы, осознав, что идеология может служить удобным прикрытием для перераспределения бюджетных средств, тут же подключились к этой игре.

Первый проект был «обкатан» властью летом 2012 г., поводом для чего послужил суд над Pussy Riot. Речь идет о проекте, который условно можно назвать «имперско-православным». Его инициатором, вопреки расхожему мнению, стала не РПЦ, которой клерикализация общества не совсем выгодна по ряду причин, а силовая корпорация. Следует отметить особую роль этих структур в нагнетании ситуации вокруг дела панк-группы — от того, что их представители де-факто стали участвовать в охране храма Христа Спасителя, до того, что многие дискутировавшие лица действовали явно с их подачи.

Однако обкатка «имперско-православного» проекта продемонстрировала, что он не находит поддержки значительной части населения, особенно в его «клерикальной» интерпретации. Агрессивное поведение православных активистов, как и их заявления о намерении создавать дружины в крупных городах для патрулирования улиц, оказались слишком радикальными для граждан. Против проекта выступили и некоторые представители элиты, в том числе и силовой корпорации. Так, например, представители МВД публично заявили, что не разделяют идею создания «православных народных дружин».

В итоге пиар-кампания по продвижению этого проекта явно пошла на спад, причем по инициативе власти. Так, например, на центральных телеканалах в течение короткого времени (1–2 недели) кратно снизился хронометраж сюжетов, посвященных ситуации вокруг Pussy Riot (включая «крестоповал» и т.п.).

В это же время активизировались лоббисты второго проекта консервативного толка, который условно можно назвать «левым» или

«квазисоветским». Старт ему дал сам Президент РФ, призвавший повторить опыт сталинской модернизации в оборонно-промышленном комплексе (ОПК). По понятным причинам его аппаратными лоббистами выступали представители ОПК, а также поддерживающие их представители силовой корпорации. Его суть заключалась в апелляции к достижениям советской эпохи, а экономической составляющей должна была стать масштабная реиндустриализация с ведущей ролью ОПК — как в СССР [6].

Между тем изначально было ясно, что реализация обоих консервативных проектов в чистом виде затруднена. Выше уже говорилось о том, что «имперско-православный» столкнулся с определенными трудностями и практически сразу де-факто был заморожен. В целом население страны вряд ли позитивно его восприняло бы. Так, церковь как институт пользуется серьезным авторитетом в обществе, но она воспринимается как источник морально-нравственных требований, а никак не религиозных (как в мусульманских странах) и уж тем более не политических (инициатива создания «Православной партии»).

«Левый» проект, с точки зрения реализации, изначально был гораздо менее проблематичен, особенно с учетом российского исторического опыта и растущего запроса на социальную справедливость.

В конце января 2013 г. стало известно, что В.В. Путин поручил президенту РАН Ю.С. Осипову разработать силами Академии наук план стратегического развития страны, который свел бы к минимуму зависимость России от внешних потрясений. При этом особое внимание привлек тот факт, что Президент поручил разработать не столько абстрактный план, сколько пакет документов, необходимых для его реализации. Это свидетельствует о том, что Путин был намерен предпринять конкретные действия, включая перестановки в коридорах власти [7].

Решимость главы государства можно было объяснить тем, что у власти практически не осталось временного лага, чтобы делать ставку на сохранение статус-кво, как это казалось возможным еще несколько месяцев назад. В начале 2013 г. стали поступать серьезные сигналы о том, что состояние российской экономики и особенно ее ближайшие перспективы близки к критическим. Так, например, 2012 г. закончился нулевым профицитом бюджета,

в то время как годом ранее этот показатель превысил 400 млрд руб. Количество рабочих мест за 2012 г. сократилось почти на 150 тыс. При этом китайская сторона заявила, что она намерена воспользоваться вступлением России в ВТО и начать заключать многомиллиардные контракты на поставку современных промышленных комплексов, чтобы «помочь» России провести реиндустриализацию. На самом деле с учетом того что китайские производители обладают существенными конкурентными преимуществами по сравнению с российскими, это привело бы к критической технологической зависимости российской экономики от китайской продукции.

Еще одним ключевым условием для успеха мобилизационной модели на тот момент было экономическое и финансовое «закрытие» страны, что, по мнению сторонников мобилизационного развития — представителей российской элиты, помогло бы оградить ее от внешних негативных влияний. При этом предполагалось изменение всей финансовой модели, которая в различных вариациях оставалась одинаковой в течение 20 лет, начиная с распада СССР. Если ранее говорилось, что оптимальным инструментом является выпуск денежных средств, не превышающих объем золотовалютных резервов, то позднее предлагалось перейти к практике выпуска необеспеченных государственных обязательств. В принципе такую политику весьма успешно используют США, но их символический капитал, на котором построена вся мировая финансовая система, на порядки превышает российский. Более того, такая практика неограниченной эмиссии эффективна лишь в том случае, если она в большинстве своем стерилизуется за пределами страны-эмитента (золотовалютные резервы многих стран и прочие активы привязаны к доллару). В случае же «закрытой» экономики это в первую очередь приведет к инфляции и обесцениванию сбережений населения, которое будет лишено возможности конвертировать их в более стабильные валюты (как периодически происходит в Белоруссии). В качестве выхода предлагалось «вбрасывать» избыточную валюту в экономики стран на постсоветском пространстве и стерилизовать ее там, пользуясь интеграционными проектами. Но сразу возникли серьезные сомнения, что элиты этих стран пойдут на такой шаг.

Позднее власть еще более конкретизировала параметры курса, который она намеревалась реализовать в рамках проекта национализации элит. Окончательная парадигма была презентована на площадке Изборского клуба, который не являлся «фабрикой мысли» консервативного толка, как позиционировали клуб его участники. Он представлял собой медийно-экспертную площадку для публичной обкатки идеологием, которые власть была намерена предложить обществу. Судя по звучавшим на его заседаниях заявлениям, власть была намерена сделать ставку на «квазисоветский» сценарий мобилизации. Формально апеллировать планировалось к рациональным моментам — необходимости реиндустриализации страны, без которого у России нет будущего. На этом экономическом «базисе» предполагалось выстроить политико-идеологическую надстройку, которая бы обосновывала два момента. Первый — это необходимость консолидации вокруг действующей власти (что означало консервацию элиты), второй — «закручивание гаек», что само по себе смотрится абсурдно и чрезмерно, но органично вписывается в логику мобилизационного «рывка» и реализации проекта по национализации элиты.

Однако реализация мобилизационного проекта в рамках курса на национализацию элиты столкнулось с другим, гораздо более серьезным системным ограничением. Сторонники реализации такого сценария прямо утверждали, что необходимо использовать опыт СССР 1930–1950-х гг. (<https://izborsk-club.ru/15978>). Между тем население СССР того времени (как, впрочем, и население России в последние 400 лет) находилось в совершенно иных демографических и социальных условиях. Во-первых, до 1990-х гг. на протяжении нескольких столетий среди русскоязычного большинства населения наблюдался демографический подъем, в то время как с 1990 г. оно в состоянии упадка. Именно «человеческим материалом» во многом покрывались издержки как петровской, так и сталинской модернизации. Во-вторых, в СССР/России к концу прошлого века был в целом закончен процесс урбанизации, в то время как сталинская модернизация во многом была основана на дешевом труде сельских переселенцев в городах и беспрецедентно низком уровне жизни жителей деревни.

Современный житель России (не только и не столько Москвы) — потребительски настро-

енный индивидуалист-собственник, во многом рассчитывающий на социальные авансы от государства. Это подтверждают и данные соцопросов. Пока власть пытается апеллировать к идеалистическому началу населения, продвигая различного рода инициативы по моральному воспитанию, население расставляет приоритеты совсем по-иному. Согласно опросу ВЦИОМ, проведенному в 2013 г., состояние общественной морали беспокоило 21% респондентов, в то время как такие близкие к повседневности темы, как ЖКХ и инфляция, вызывали беспокойство у 54% опрошенных, общий уровень жизни — у 46%, а ситуация в сфере здравоохранения — у 43% (<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1200>). В последние годы эти акценты в расстановке приоритетов у населения приобрели еще более ярко выраженный характер.

Последующие в 2014 г. события, самым системообразующим из которых стало вхождение в состав РФ Крыма, сняли с повестки дня вопрос о реализации какого-либо из вышеуказанных мобилизационных проектов. Во-первых, мобилизация населения и элиты вокруг власти произошла «явочным порядком», без осуществления каких-либо долгосрочных концепций и траты на это серьезных ресурсов. Геополитическая повестка почти на три года вытеснила социально-экономическую.

Самое главное, что последствия присоединения Крыма (в частности, последовательное наращивание Западом давления на российские элиты вне зависимости от целей такого давления) гораздо больше способствовали реализации проекта власти по национализации элиты (особенно политической), чем все ее усилия в данном направлении с середины 2012 до начала 2014 г. В условиях жесткого давления со стороны Запада представители российской политической элиты либо были вынуждены «национализироваться», либо выбирали «запасные аэродромы», но при этом автоматически выбывали из российского политического класса, как это произошло со многими депутатами, членами Совета Федерации и даже губернаторами.

Выводы

К настоящему моменту в рамках развития российской политической системы реализован первый этап национализации элиты. Однако

в ближайшие несколько лет (до 2022–2024 гг.) ей предстоит пройти через самый важный, второй. Он заключается в том, чтобы «национализированная» элита начала процесс смены политических поколений по естественным возрастным причинам. И по итогам этого второго этапа элиты получают ответ на вопрос, что является более рациональной и перспективной стратегией — быть «национализированными» или все-таки связывать свою exit strategy с иными

юрисдикциями и политическими системами. А данный ответ будет зависеть от решения другого ключевого вопроса — смогут ли элиты в рамках транзита политической системы перейти к совместному контролю над силовыми инструментами, что некоторые западные исследователи-неоинституционалисты относят к одному из трех ключевых условий достижения экономического и политического лидерства в рамках национальной модели [8].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кордонский С. Г. Рынки власти. Административные рынки СССР и России. М.: ОГИ; 2000.
2. Колесников А. Национализация элит: в чем реальный смысл введения запрета на зарубежные счета. URL: <https://www.forbes.ru/mneniya-column/vertikal/234218-natsionalizatsiya-ELIT-komu-nuzhen-zapret-na-zarubezhnye-scheta>.
3. Иваницкая Н., Докукина К., Малкина И. Национализация элиты. URL: <https://www.forbes.ru/sobytiya/vlast/237712-natsionalizatsiya-ELITY-kak-kreml-zastavlyal-chinovnikov-rodinu-lyubit>.
4. Салин П. Б. Инновационное развитие России: проблемы и решения. Монография. Эскиндаров М. А., Сильвестров С. Н., ред. М.: Анкил; 2013. 1216 с.
5. Хигли Дж. Демократия и элиты. *Полития: анализ, хроника, прогноз (журнал политической философии и социологии политики)*. 2006;(2):22–31.
6. Дроздов Б. В. Концепция новой индустриализации России. Предложения к обсуждению. URL: www.rusrand.ru.
7. Письменная Е. Глазьев укажет стране курс. *Ведомости*. 18.01.2013.
8. Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Е. Т. Гайдара; 2011.

REFERENCES

1. Kordonsky S. G. Markets of Power. Administrative markets of the USSR and Russia. Moscow: OGI; 2000.
2. Kolesnikov A. Nationalization of elites: What is the real meaning of the ban on foreign accounts. URL: <https://www.forbes.ru/mneniya-column/vertikal/234218-natsionalizatsiya-ELIT-komu-nuzhen-zapret-na-zarubezhnye-scheta>.
3. Ivanitskaya N., Dokukina K., Malkina I. Nationalization of the elite. URL: <https://www.forbes.ru/sobytiya/vlast/237712-natsionalizatsiya-ELITY-kak-kreml-zastavlyal-chinovnikov-rodinu-lyubit>.
4. Salin P. B. Innovative development of Russia: Problems and solutions. The monograph. Eskindarov M. A., Silvestrov S. N., eds. Moscow: Ankil; 2013. 1216 p.
5. Higley J. Democracy and elites. *Politiya: analiz, khronika, prognoz (zhurnal politicheskoi filosofii i sotsiologii politiki)*. 2006;(2):22–31.
6. Drozdov B. V. The concept of the new industrialisation of Russia. Suggestions for discussion. URL: www.rusrand.ru.
7. Pismennaya E. Glazyev will show the country the course. *Vedomosti*. 18.01.2013.
8. North D., Wallis J., Weingast B. Violence and social order. A conceptual framework for interpreting recorded human history. Moscow: Gaidar Institute; 2011.

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-4-19-24
УДК 324(045)

ДИНАМИКА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЙ И АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ВЫБОРОВ В РЕСПУБЛИКЕ ХАКАСИЯ В 2018 ГОДУ

Белоконев Сергей Юрьевич, канд. полит. наук, руководитель Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
SYUBelokonev@fa.ru

Игнатовский Ярослав Ринатович, политолог, генеральный директор аналитического центра «ПолитГен», Москва, Россия
hindutime@mail.ru

Печенкин Николай Михайлович, магистрант Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
nick_rechyonkin@mail.ru

Аннотация. В статье представлены данные исследования динамики общественно-политических настроений и анализ результатов выборов главы Республики Хакасия и Верховного Совета Республики Хакасия в 2018 г. В работе предпринята попытка определить факторы и процессы формирования протестных общественно-политических настроений в республике Хакасия в 2018 г. и степень их влияния на голосование за главу республики и депутатов парламента. Выявлены основные причины поражения прошлого главы республики В. Зимины и причины победы нового главы республики В. Коновалова. Определены основные тенденции общественно-политических настроений в меняющейся политической реальности на основе учета федеральных, региональных и муниципальных факторов. В ходе исследования были взяты индивидуальные глубокие интервью у 20 экспертов (депутаты Верховного Совета Республики Хакасия, партийные деятели «Единой России», предприниматели, муниципальные депутаты, политологи, журналисты, оппозиционные деятели, представители общественных организаций), проведено 6 групповых глубоких интервью (участниками фокус-групп стали студенты, общественные активисты, предприниматели, экономически активное население, бюджетники, пенсионеры) и проведен опрос общественного мнения по методике стандартизированного программного телефонного интервью с выборкой из 1200 респондентов с репрезентативностью по полу и возрасту.

Ключевые слова: общественно-политические настроения; протестная активность; электоральный протест; выборы главы республики; поражение кандидата власти; победа оппозиционного кандидата

DYNAMICS OF SOCIO-POLITICAL MOODS AND AN ANALYSIS OF THE ELECTION RESULTS IN THE REPUBLIC OF KHAKASSIA IN 2018

Belokonev S. Yu.,
PhD in Political Sciences, Head of the Department of Political Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
SYUBelokonev@fa.ru

Ignatowski Ya.R.,
political analyst, Director General of the Analytical Center "PolitGen", Moscow, Russia
hindutime@mail.ru

Pechenkin N.M.,

master's degree student, Department of Political Sciences and Mass Communications, Financial University,
Moscow, Russia

nick_pechyonkin@mail.ru

Abstract. The article presents the data of the study of the dynamics of socio-political sentiments and analysis of the results of the elections of the Head of the Republic of Khakassia and the Supreme Council of the Republic of Khakassia in 2018. The paper attempts to determine the factors and processes of formation of protest socio-political sentiments in the Republic of Khakassia in 2018 and the degree of their influence on the vote for the head of the Republic and members of Parliament. The authors revealed the main reasons for the defeat of the last head of the Republic V. Zimin and the reasons for the victory of the new head of the Republic V. Konovalov. The main trends of socio-political attitudes in the changing political reality based on Federal, regional and municipal factors are determined. In the course of the study, we took individual in-depth interviews with 20 experts (deputies of the Supreme Council of the Republic of Khakassia, party leaders of United Russia, entrepreneurs, municipal deputies, political scientists, journalists, opposition figures, representatives of public organizations). Also, we conducted six group in-depth interviews (students, public activists, entrepreneurs, economically active population, state employees were participants of the focus groups, pensioners) and conducted a survey of public opinion on the methodology of standardized program telephone interview with a sample of 1200 respondents with representation by sex and age.

Keywords: socio-political moods; protest activity; electoral protest; election of the head of the republic; the defeat of the authority candidate; the victory of the opposition candidate

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что избирательный цикл 2018 г. в России характеризуется повышением уровня электорального протеста, базирующегося на изменениях общественно-политических настроений. По итогам губернаторских кампаний в первом туре не смогли определить победителя в четырех регионах (Приморский край, Республика Хакасия, Владимирская область и Хабаровский край), в трех из них во втором туре оппозиционные кандидаты стали губернаторами (Владимирская область: В. В. Сипягин от ЛДПР — 57,03%, С. Ю. Орлова от «Единой России» — 37,46%; Хабаровский край: С. И. Фургал от ЛДПР — 69,57%, В. И. Шпорт от «Единой России» — 27,97%; Республика Хакасия: В. О. Коновалов от КПРФ, «за» — 57,57%, «против» — 41,16%). Российская электоральная практика требует осмысления произошедшего.

Целью исследования является изучение динамики общественно-политических настроений и анализ результатов выборов в Республике Хакасия в 2018 г. В теоретико-методологическую основу работы вошли исследования протестных настроений и протестной активности О. И. Габы, А. А. Фролова и Ю. А. Пустовойта, концепция ресурсно-акторного анализа В. Я. Гельмана и Р. Ф. Туровского, анализ стати-

стических данных и причинно-следственных связей, а также методика качественных исследований С. А. Белановского («групповое глубокое интервью», оно же фокус-группа, «индивидуальное глубокое интервью» и экспертное интервью) [1] и количественное исследование (опрос общественного мнения call-центром).

Избирательная кампания 2018 г. в Республике Хакасия характеризуется изменением общественно-политических настроений от лоялистских к протестным. Выборы Президента РФ 18 марта 2018 г. показали высокий уровень поддержки кандидата от власти В. В. Путина, который набрал в республике 69,16% (169 615 человек). Анализ результатов показывает лоялистские по отношению к действующей власти общественно-политические настроения [2].

Выборы главы и депутатов Верховного Совета 9 сентября 2018 г. показали другой результат. Кандидат от власти В. М. Зимин набрал 32,42% (51 771 человек) и проиграл первый тур В. О. Коновалову от КПРФ, который набрал 44,81% (71 553 человек) при явке 41,88%. «Единая Россия» набрала 25,46% (40 604 человека) и также проиграла выборы, в то же время за КПРФ проголосовали 31,01% (49 460 человек), за ЛДПР — 20,97% (33 437 человек), за «Коммунистов России» — 8,01% (12 782 человек). Сравнение результатов выборов весны и осени

2018 г. показывает резкое изменение отношения избирателей к власти, демонстрирует рост протестных настроений в регионе.

Протестные общественно-политические настроения определяются как «вид социальных настроений, характеризующийся неудовлетворенностью социальных групп сложившимся положением вещей, неоправдавшимися ожиданиями и готовностью предпринять конкретные действия по изменению субъективно воспринимаемой неблагоприятной ситуации» [3]. По данным опроса общественного мнения в Хакасии, поводом для протестов может стать в первую очередь пенсионная реформа, связанная с повышением пенсионного возраста. Повышение цен на топливо и в целом высокий уровень цен в магазинах находятся почти на одном уровне в качестве причин протестных настроений. Кроме того, в первой пятерке — безработица и низкий уровень зарплат, что также связано с материальной составляющей жизни населения.

Формирование и усиление протестных общественно-политических настроений в Республике Хакасия в течение 2018 г. происходило под влиянием внутренних и внешних факторов [4]. Под внутренними факторами подразумеваются ухудшение социально-экономического положения населения, увеличение госдолга, проведение политики «неэффективных республиканских строек» и коррупционные уголовные дела в отношении части региональной элиты. Под внешними — проведение пенсионной реформы, повышение цен на бензин и НДС, общее усложнение социально-экономического положения в стране и регионе.

Рост протестных настроений приводит к протестной активности в республике, которая выражена двумя основными направлениями с разными формами проявления несогласия: организованными митингами и голосованием. Организованные митинги характерны для избирательных кампаний оппозиционных акторов, в основном представленных политическими партиями КПРФ и ЛДПР. По данным СМИ Хакасии, только против пенсионной реформы митинги проходили 28 июня в Саяногорске, 1 и 4 июля в Абакане, 28 августа в поселке Шира, 2 сентября в Абакане, Абазе, Черногорске и Саяногорске, 22 сентября в Абакане. Основным организатором выступала партия КПРФ, к которой присоединялись общественные и про-

фсоюзные организации. По данным экспертов, число участников увеличивалось с каждым митингом, находясь в среднем в промежутке от 200 до 2000 человек в зависимости от величины муниципального образования.

Голосование против кандидата и партии власти определим как электоральный протест. Результаты выборов 9 сентября 2018 г. зафиксировали поражение В. Зимина на выборах главы республики и «Единой России» на выборах депутатов Верховного Совета. Для полноты оценки настроений избирателей республики важно рассмотреть результаты выборов мэра Абакана и выборов в Городской совет депутатов Абакана. Эти фактические результаты голосования позволяют в динамике увидеть процент поддержки кандидатов и партий между избирательными циклами 2013 и 2018 гг.

Уровень поддержки «Единой России» упал на выборах Верховного Совета Республики Хакасия (с 46,32% в 2013 г. до 25,46% в 2018 г.) и на уровне Городского совета Абакана (с 59,33% в 2013 г. до 28,83% в 2018 г.). В республике на выборах главы В. Зимин значительно потерял голоса в 2018 г. (32,42%) по сравнению с 2013 г. (63,41%). Но в Абакане Н. Булакин находится на прежнем стабильном уровне поддержки (81,79% в 2013 г. и 77,63% в 2018 г. с приростом абсолютного количества голосов избирателей на 1446 человек). При общем высоком уровне протестной активности демонстрируется разный уровень протестных настроений по отношению к конкретным кандидатам.

Формирование протестных общественно-политических настроений среди жителей Республики Хакасия напрямую связано с личностью В. Зимина. Респондентами отмечается высокий антирейтинг В. Зимина «из-за личной его неприязни, высокомерного поведения как местного барона и чрезмерной уверенности в своей победе». Он стал ассоциироваться с чрезмерными расходами бюджета на личную жизнь. По мнению нескольких экспертов, «раздутый штат, девочки службы протокола — все это также играло против него».

Наибольшее отторжение вызвала фраза В. Зимина про тушенку во время прямой линии. Участники фокус-групп и эксперты сходятся во мнении, что ляп в прямом эфире («[жители Хакасии] как паразиты живете: возьмите, соберите ягоды и сварите тушенку») был воспринят с большим негативом населением ввиду

личного оскорбления. Публичные извинения не помогли Зимину и не принесли ожидаемого результата по смягчению негативного эффекта восприятия высказывания.

Вероятность поражения В. Зимина повышалась постоянно на протяжении последних лет вместе с увеличением количества коррупционных уголовных дел высокопоставленных чиновников из его ближнего окружения. Когда посадили главу администрации, жители республики не верили, что Зимин не мог не знать о его незаконных делах. Аресты ближнего окружения связаны по срокам с его борьбой с республиканским прокурором В. Ломакиным. Конфликт дошел до прямого личного оскорбления прокурора В. Зиминим. После этого конфликта Ломакин «ушел на пенсию». По мнению эксперта, «Ломакин через ряд инициированных дел начал близко подбираться к деятельности жены Зимина, компания которой занималась вывозом металлолома».

Ликвидация последствий массовых пожаров 2015 г. поставила Зимина в критическое положение. Для восстановления сгоревших домов были выделены крупные суммы денег из федерального бюджета. Строительство домов для погорельцев шло с большими скандалами из-за непригодного состояния сдаваемых объектов и длительных временных задержек по выплате компенсаций. Местные жители наблюдали масштабы «распила» Зиминим федеральных средств, и это вызывало у них рост недовольства. Когда приезжал Президент, действующий глава республики попросил «не увольнять его и дать доработать». Посадили в итоге бизнесмена Смольникова, который строил дома в Ширинском районе.

По мнению экспертов, социально-экономическое развитие в республике ухудшалось, подменяясь масштабными республиканскими стройками. При этом они указывают на «отток и закрытие мелких и средних предприятий». Как отмечали респонденты, в СМИ широко обсуждались проблемы, связанные со строительством и сдачей масштабных объектов — перинатального центра и регионального музейного комплекса. А те проблемы, которые действительно волновали граждан, перестали решаться. Участники фокус-групп также отметили, что «местным жителям охоту запрещали, но при этом Зимин привозил высокопоставленных чиновников к себе на заимку охотиться».

Элитные конфликты стали одной из причин поражения В. Зимина [5]. Экспертами выделяется его возможный конфликт с «Разрезом Аршановский» (крупным угледобывающим предприятием в Республике Хакасия), с которого Зимин хотел получать все больше налоговых поступлений в республиканский бюджет. Конфликт с прокурором привел к массовым коррупционным уголовным делам, а конфликт с «Разрезом Аршановский» — к финансированию им кампании оппозиционного кандидата В. Коновалова.

Результаты проведения фокус-групп и экспертных интервью показали, что все рациональные заслуги Зимина перевешивало эмоциональное отторжение, которое сопровождалось ростом протестных общественно-политических настроений. «С точки сухого арифметического расчета, любому жителю и социуму в целом [В. Зимин] был Хакасии значительно более полезен, чем те, кто был до него... А вот с эмоционально-электоральной точки зрения, он нанес достаточно серьезный ущерб, вбросив зерно неверия, несправедливости», — заявил эксперт.

Среди региональных политиков наиболее высокие положительные оценки работы у главы Абакана Н. Булакина (75,3 против 8,5%). На втором месте находится глава республики В. Коновалов (55,1 против 14,7%). Наиболее высокие негативные оценки деятельности — у бывшего главы республики В. Зимина (71,4%).

Ресурсно-акторный анализ кандидата В. Коновалова показывает поддержку крупного федерального актора — КПРФ, который смог мобилизовать технологические, медийные и финансовые ресурсы для победы кандидата [6]. Личная поддержка от лидеров партии Г. Зюганова и П. Грудина выражалась через их публичное участие в агитации за кандидата. Технологический ресурс выражался через координацию депутатом ГД РФ от КПРФ Ю. Афониним тех политтехнологов, которые непосредственно вели кампанию. Медийный ресурс был задействован online («грудининские тролли» — боты были активны в сетях) и offline (партийную газету «Правда Хакасии» стали делать новой командой). В российской практике уже встречались успешные и неуспешные кейсы освещения в СМИ партийной активности в период избирательной кампании [7].

Эксперты отмечают серьезную листовочную кампанию «от двери к двери». По их данным, 1600 человек в день выборов присутствовали на всех избирательных участках как наблюдатели от КПРФ. Постоянно в республике работали несколько сотен агитаторов за В. Коновалова. «КПРФники тоже работали, они не сидели все это время. Это единственная партия, которая в течение 2 лет бесстрашно проводила пикеты, митинги, ставила вопрос об отставке губернатора», — резюмировал деятельность КПРФ эксперт. Финансовый ресурс кандидата В. Коновалова заключался в поддержке представителей местного среднего бизнеса: А. Семенова — депутата ВС от КПРФ, монополиста на рынке транспорта в регионе и И. Чунчеля — главы крупного мраморного разреза «Саянмрамор», компании, которая занимается плиткой и памятниками.

Особое внимание вызывает информация экспертов о финансировании В. Коновалова «Разрезом Аршановский» в размере около 300 млн руб. Стоит отметить, что, по словам других экспертов, это могла быть борьба угольных разрезов между собой, а «слив причастности к кампании В. Коновалова» — это лишь инструмент их борьбы. Однако точно можно утверждать лишь о том, что в новый состав Верховного Совета прошли сразу два представителя от КПРФ, связанные с этим разрезом, — И. Пономаренко, заместитель генерального директора ООО «Разрез Аршановский» по внутренней и внешней политике, и В. Тутатчиков, по данным одного эксперта, советник в ООО «Разрез Аршановский».

Участники фокус-групп и эксперты сходятся в едином мнении: «Компартия набрала столько голосов, потому что это — протестное голосование, выбирали не Коновалова, голосовали против Зимина». Актуализировался запрос на изменения в общественно-политическом и социально-экономическом развитии региона, накопилась усталость от постоянного ожидания действий от прежнего главы республики. Это подтверждается и тем фактом, что при явке 45,73% за него проголосовали 57,57% из них, т.е. его поддержала всего четверть населения, хотя во втором туре он получил на 29 852 голосов больше, чем в первом.

Будучи техническим кандидатом, В. Коновалов смог агрегировать протестные общественно-политические настроения жителей

республики. Показательным является тот факт, что явка во втором туре выросла с 41,88 до 45,73%, а абсолютное количество проголосовавших за оппозиционного кандидата значительно выросло: с 44,81% (71 553 чел.) в первом туре до 57,57% (101 405 чел.) во втором. «Он случайный человек, но человек упертый. И он достаточно тонко зацепил эти протестные настроения и уперся, по сути дела, оседлав эти настроения, на них зашел», — подвел итог эксперт. По словам участников фокус-групп, свою популярность он набирал при организации митингов и протестов, до этого Коновалова почти никто не знал.

Важным фактором победы коммунистов на выборах главы Хакасии и депутатов Верховного Совета Хакасии стала социальная память старшего поколения о коммунистах и временах Советского Союза. Опрос, проведенный call-центром, показал, что в ходе осенних выборов за В. Коновалова чаще всего голосовали избиратели в возрасте 55–64 лет. Здесь стоит отметить определенную тенденцию по поддержке КПРФ в регионах Сибири: Хакасия (В. Коновалов — глава), Иркутская область (С. Левченко — губернатор), Новосибирск (А. Локоть — мэр). Активисты КПРФ работали на выборах главы в условиях отсутствия реальной оппозиционной конкуренции, так как вторая по силе оппозиционная структура — ЛДПР не выставила своего кандидата.

Респонденты опроса и участники фокус-групп увидели силу кандидата В. Коновалова в продолжение борьбы после первого тура, в то время как остальные кандидаты сняли свои кандидатуры со второго тура. Этот факт вселил уверенность в избирателей, что он — не технический кандидат.

Выводы

На возникновение протестных настроений повлияли: пенсионная реформа, повышение НДС и цен на топливо, безработица и общее ухудшение социально-экономического положения, постоянно увеличивающийся антирейтинг В. Зимина, неэффективность проводимых его командой реформ, коррупционные уголовные дела высокопоставленных чиновников в регионе.

Протестные настроения по-разному оказали влияние на результаты голосования для отдельных кандидатов, и негатив лично в адрес В. М. Зимина трансформировался в его анти-

рейтинг. Мобилизация партийных, технологических, медийных и финансовых ресурсов способствовала собиранию техническим кандидатом поддержки протестного электората. Полученные данные свидетельствуют, что победа В. Коновалова — результат протеста против В. Зими́на.

Протестная активность на фоне эмоционального отторжения жителями республики

усиливалась и способствовала увеличению количества митингов, которые привели к протестному голосованию против Зими́на.

Данная работа и проведенное исследование формируют комплексный подход к изучению политических процессов в российских регионах, а наработанные методики актуальны для изучения региональных избирательных кампаний 2019 г.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белановский С. А. Глубокое интервью. Учебное пособие. М.: Никколо-Медиа; 2001. 320 с.
2. Белоконев С. Ю., Чистов И. И. Президентская избирательная кампания и повестка развития России на 2018–2024 годы. *Гражданин. Выборы. Власть*. 2018;(1):146–153.
3. Габа О. И. Протестные настроения молодежи: теоретическая и эмпирическая каузальные модели. *Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение»*. 2015;(1):43–57.
4. Фролов А. А. Особенности протестов в современной России. Сборник «VIII Всероссийского конгресса политологов». М.: Аспект Пресс; 2018.
5. Пустовойт Ю. А. Городские политические режимы: координация внутриэлитного взаимодействия в крупных индустриальных городах. *Государственное управление. Электронный вестник*. 2014;(46):85–106.
6. Туровский Р. Ф. Основы и перспективы региональных политических исследований. *Полис*. 2001;(1):138–156.
7. Белоконев С. Ю., Gladkova K. G. Освещение в СМИ активности партий в период избирательной кампании и его влияние на результаты выборов в Государственную Думу VII созыва (на примере ЛДПР). *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2018;8(3):74–78.

REFERENCES

1. Belanovsky S. A. In-Depth interview. Textbook. Moscow: Nikkolo-Media; 2001. 320 p. (In Russ.).
2. Belokonev S. Yu., Chistov I. I. The presidential election campaign and the agenda of Russia's development for the years 2018–2024. *Grazhdanin. Vybory. Vlast*. 2018;(1):146–153. (In Russ.).
3. Gaba O. I. The protests of youth: A theoretical and empirical causal models. *Informatsionny gumanitarny portal. Znaniye. Ponimaniye. Umeniye*. 2015;(1):43–57. (In Russ.).
4. Frolov A. A. Features of protests in modern Russia. In: Collection “VIII All-Russian Congress of political scientists”. Moscow: Aspekt Press; 2018. (In Russ.).
5. Pustovoyt Yu. A. Urban political regimes: Coordination of intra-elite interaction in large industrial cities. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. 2014;(46):85–106. (In Russ.).
6. Turovski R. F. Fundamentals and prospects of regional policy research. *Polis*. 2001;(1):138–156. (In Russ.).
7. Belokonev S. Yu., Gladkova K. G. Media coverage of party activity during the election campaign and its impact on the results of the elections to the State Duma of the VII convocation (on the example of the LDPR). *Gumanitarnyye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. 2018;3(8):74–78. (In Russ.).

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-4-25-35
УДК 322(045)

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИИ И БЕЛАРУСИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ*

Донцев Сергей Павлович, канд. полит. наук, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
dontsev@gmail.com

Бойко Сергей Иванович, канд. полит. наук, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия
bsi1952@yandex.ru

Аннотация. В статье предпринимается попытка проанализировать роль религиозного фактора в формировании и реализации государственной политики памяти современной России и Беларуси. Актуальность работы обуславливается повышением роли религиозного фактора в политике памяти двух государств в первом десятилетии XXI в. Задача исследования – выявление общего и особенного в проявлениях религиозного фактора политики памяти России и Беларуси. Для ее решения выявляются субъекты и механизмы взаимодействий государственных и религиозных институтов при формировании и реализации политики памяти. Доказывается, что в России религиозные организации обладают большей субъектностью в политике памяти и могут формировать дополняющий дискурс памяти, расширяя его за счет собственной конфессионально ориентированной системы интерпретации прошлого. Религиозный фактор процессов политической социализации в контексте проблематики политики памяти выявляется при анализе взаимодействий религиозных организаций двух стран с системами государственного образования и Вооруженными силами. Сделаны выводы о схожести стратегий подобного взаимодействия в России и Беларуси. Показано, что в обоих государствах осуществляется избирательное взаимодействие с религиозными организациями по критерию их традиционности. Делается также вывод о том, что Россия и Беларусь формируют не самостоятельные, а взаимодополняющие каналы социализации при реализации государственной политики памяти. Анализируется также процесс формирования символического пространства и возможности участия в этом процессе религиозных организаций, и в первую очередь Русской православной церкви, которая выступает здесь ключевым актором. Религиозный фактор политики памяти исследуется также в контексте интеграции России и Беларуси. Делается вывод, что попытки задействовать его, выстраивая ценностные основания интеграции на концепциях общего исторического прошлого, пока не увенчались успехом, но подобная возможность сохраняется.

Ключевые слова: политика памяти; историческая политика; государственно-религиозные отношения; политическая социализация; система государственного образования; государственная символика; Русская православная церковь; Республика Беларусь

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31297.

THE RELIGIOUS FACTOR IN THE POLITICS OF MEMORY IN CONTEMPORARY RUSSIA AND BELARUS: COMPARATIVE ANALYSIS**

Dontsev S.P.,

PhD of Political Sciences, Associate Professor, Russian State Humanitarian University, Moscow, Russia
donstev@gmail.com

Boyko S.I.,

PhD of Political Sciences, Associate Professor, Russian State Humanitarian University, Moscow, Russia
bsi1952@yandex.ru

Abstract. *The article attempts to analyse the role of the religious factor in the formation and implementation of Politics of memory in modern Russia and Belarus. The urgency of work is caused by the increasing role of the religious factor in the politics of memory of the two States in the first decade of XXI century the research Objective – identify and similarities in the manifestations of the religious factor in the politics of memory of Russia and Belarus. For this purpose, we identified the subjects and mechanisms of interaction of state and religious institutions in the formation and implementation of memory policy. We showed that in Russia, religious organisations have a greater subjectivity in the politics of memory and can form a complementary discourse of memory and expand it at the expense of their system of interpretation of the past. As concerns the religious factor of the processes of political socialisation in the context of the policy of memory we revealed in the interaction of religious organisations of the two countries with the systems of public education and the armed forces. We concluded the similarity of the strategies of this interaction in Russia and Belarus. We showed that in both states, the selective interaction with religious organisations is carried out according to the criterion of their tradition. We also concluded that religious organisations do not form adversarial, but complementary channels of socialisation in the implementation of the state policy of memory. The process of creating a symbolic space and the possibility of participation of religious organisations, especially the Russian Orthodox Church, which is a key actor here, is also analysed. We also studied the religious factor of memory policy in the context of integration of Russia and Belarus. We concluded that the attempts to use it building the value basis of integration on the concepts of the collective historical past have not yet been successful, but such an opportunity remains.*

Keywords: *politics of memory; historical politics; state-religious relations; political socialisation; state educational system; state symbols; Russian Orthodox Church; Republic of Belarus*

ВВЕДЕНИЕ

Современные государства, решая задачи формирования национальной и гражданской идентичности, патриотизма, консолидации социума вокруг общих ценностей и легитимации политической власти, могут формировать и реализовывать политику памяти. Историческая политика является составной частью политики памяти, которая, в свою очередь, включает в себя всю сферу публичных стратегий в отношении прошлого [1, с. 114]. При формировании политики памяти государство может использовать элементы религиозного дискурса и задействовать ресурсы религиозных организаций, которые

в ряде случаев сами могут приобретать политическую субъектность, становиться действующими акторами политики памяти.

Вопросам концептуальных и методологических оснований изучения политики памяти на постсоветском пространстве, преимущественно в контексте проблем формирования национальной идентичности, посвящен ряд работ российских и зарубежных исследователей, среди которых следует особо отметить работы А. И. Миллера, Г. А. Бордюгова, В. М. Бухарева, В. А. Ачкасова, В. В. Титова и др. [2–5], а также работы в рамках проекта «Национальные истории на постсоветском пространстве», посвященные

** The study was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and the Expert Institute for Social Research, according to the research project № 19–011–31297.

анализу этнонационального фактора в политике памяти, роли новых политических элит в инструментализации прошлого, в том числе на примерах России и Беларуси [7, 8].

Существуют также исследования, в которых предпринимается попытка оценить влияние отдельных элементов религиозного фактора на российскую политику памяти (Митрофанова А. В., Растемишина Т. В., Донцев С. П. и др.) [9–11]. В Беларуси религиозный фактор для решения прикладных задач политики памяти (формирования гражданской идентичности, интеграции социума и т. д.) в отдельных своих аспектах представлен в работах Ю. В. Шевцова, Т. Б. Уваровой, Н. А. Курило и др. [12–14].

Однако комплексный сравнительный анализ роли религиозного фактора в формировании и реализации политики памяти двух государств пока еще никто не проводил. Для решения этой задачи представляется необходимым выделить субъекты политики памяти в ее религиозном аспекте, проанализировать роль религиозного фактора политики памяти в процессе политической социализации через систему государственного образования и Вооруженные силы, его проявления в символическом пространстве двух государств, а также оценить его потенциал в процессе интеграции двух государств.

СУБЪЕКТЫ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ

В России и Беларуси основными субъектами политики памяти являются государственные институты. При этом в настоящее время в обеих странах отсутствуют финансируемые государством организации, подобные институтам национальной памяти на Украине и в Польше, Центру геноцида и резистенции в Литве, Комиссии по установлению числа жертв тоталитарного коммунистического оккупационного режима СССР в Латвии и т. п., которые бы непосредственно отвечали за формирование и реализацию государственной политики памяти. В России и Беларуси эти функции распределены между главами государств, органами представительной и исполнительной власти — в первую очередь Министерствами культуры и образования, которые в рамках культурной и образовательной политики реализуют государственную политику памяти. В России существует также формат государственно-общественных организаций, как, например, созданное Указом Президента Военно-историческое общество, в задачи ко-

торого входит «содействие государственным институтам российского общества в разработке и реализации государственной политики в сфере военно-исторической деятельности»¹. И хотя оно занимается преимущественно популяризацией военно-исторического наследия России, религиозная составляющая в его проектах, безусловно, присутствует. Так, общество инициировало открытие памятников князю Владимиру, полковому священнику в Малоярославце, Силуану Афонскому в Липецкой области, Сергию Радонежскому в Рязани, Святителю Луке в Тамбове, религиозная проблематика присутствует также в научных и просветительских мероприятиях общества.

Особое значение в контексте настоящего исследования имеет вопрос субъектности религиозных организаций в качестве акторов политики памяти. И российское, и белорусское гражданские общества — многоконфессиональные, но в обоих государствах крупнейшие религиозные организации — православные церкви. В Беларуси — Белорусский экзархат Московского патриархата или Белорусская православная церковь (далее БПЦ), являющаяся административно-территориальной единицей Русской православной церкви (далее — РПЦ). Государственные структуры взаимодействуют только с теми религиозными организациями, которые представляют традиционные религии, перечисленные в преамбулах законов, регулирующих вопросы свободы совести и государственно-религиозных отношений. Причем если в преамбуле российского закона говорится только о религиях (конфессиях) с выделением особой роли православия «в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры»², то в белорусском законе речь идет не только о религиях, но и о конкретных религиозных объединениях — Православной, Католической, Евангелическо-лютеранской церквях³. Также отметим, что традиционность религий

¹ Работа с государственными и общественными организациями. Сайт Военно-исторического общества. URL: <https://rvio.histrf.ru/activities/work-with-government-and-community-organizations>.

² Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (ред. от 01.05.2019). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218.

³ Закон Республики Беларусь от 17.12.1992 № 2054-XII «О свободе совести и религиозных организациях» с изм. и доп. URL: <http://etalonline.by/document/?regnum=v19202054>.

в Беларуси (которая, в отличие от России, не провозгласила в своей Конституции принципы светскости и отделения религиозных объединений от государства) объявляется, по сути, конституционной нормой. Статья 16 Конституции Республики Беларусь взаимоотношения государства и религиозных организаций ставит в зависимость от их влияния «на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа»⁴. В развитие этого положения Белорусское государство заключило Соглашение о сотрудничестве с БПЦ, в котором говорится, что именно «исторический опыт, духовный потенциал и многовековое культурное наследие» церкви оказывают влияние на формирование духовных, культурных и национальных традиций белорусского народа, а ее духовные и культурные ценности являются составной частью «исторического достояния Беларуси и национального самосознания». Среди приоритетных направлений сотрудничества и сфер совместной деятельности церкви и государства выделены развитие исторического и культурного наследия, воспитание и образование, воспитательная работа с военнослужащими и сотрудниками военизированных формирований, а также названы соответствующие республиканские органы государственного управления, с которыми церковь выстраивает отношения по совместной реализации указанных направлений, безусловно связанных с политикой памяти: Министерство образования, Министерство культуры, облисполкомы и Минский горисполком, Министерство обороны и другие силовые министерства. Однако, в отличие от России, где, несмотря на очевидное доминирование РПЦ в институциональных взаимодействиях с религиозными организациями [15], наблюдается также и достаточно интенсивное сотрудничество с исламскими, буддийскими, иудейскими религиозными организациями (что особенно заметно на региональном уровне, в национальных республиках с преобладанием мусульман и буддистов), в Беларуси, несмотря на ее многокофессиональный характер, государство взаимодействует исключительно с РПЦ.

В России трансляция ценностей и образов прошлого может осуществляться церковью при

взаимодействии с государственными институтами. Это достаточно интенсивный процесс, и при этом РПЦ может формировать если не альтернативный, то как минимум расширяющий содержание определенных исторических сюжетов публичный дискурс, связанный с прошлым [11]. В Беларуси же ничего подобного не происходит. Интерпретация прошлого, транслируемая представителями Белорусского экзархата РПЦ, практически никогда не выходит за рамки тех ценностных оснований, которые заложены идеологией государства. При этом, как отмечает Н. А. Борисов, идеология Белорусского государства направлена на формирование причудливого сплава советской и национальной белорусской идентичностей с преобладанием первого компонента [16, с. 37]. Вот именно для реализации второй ее составляющей государство и может задействовать ресурсы православной церкви. Так, в 2016 г. был принят комплексный план мероприятий БПЦ и Министерства культуры Республики Беларусь, включающий обширный перечень совместных мероприятий, в том числе в государственных учреждениях культуры, который вполне можно рассматривать в контексте указанной задачи.

Необходимо также отметить, что субъектность религиозных организаций в России проявляется еще и в том, что они могут сами формировать предложения, связанные с государственной политикой памяти, которые затем воплощаются государством в жизнь (например, о новых государственных праздниках и памятных датах, что более подробно будет рассмотрено ниже). В Беларуси ничего подобного не наблюдается. Как следствие, у РПЦ и других российских религиозных организаций значительно более развиты институты артикуляции собственного видения содержания политики памяти. Можно отметить Межрелигиозный совет России, Русский народный собор, являющийся коммуникационной площадкой между церковью, обществом и государством, а также такой специализированный институт, как Патриарший совет по культуре, который с 2010 г. проводит многочисленные встречи и выставки, связанные с исторической проблематикой, принимает активное участие в подготовке и проведении Дней славянской письменности и культуры. Но, наверное, самый масштабный проект Совета, связанный с политикой памяти, — это участие в создании системы мультимедийных историче-

⁴ Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г.: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24.11.1996 и 17.10.2004. URL: <http://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus>.

ских парков «Россия — моя история» в регионах Российской Федерации.

В Беларуси же субъектность таких организаций, как «Христианский образовательный центр имени святых Мефодия и Кирилла», общественное объединение «Центр православного просвещения преподобной Евфросинии Полоцкой» и др. в качестве акторов политики памяти значительно ниже, хотя они и обозначены в качестве отдельных субъектов сотрудничества с Министерством образования Республики Беларусь⁵.

СОЦИАЛИЗАЦИЯ И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ

Система государственного образования является ключевым институтом социализации населения и в рамках этой задачи транслирует учащимся определенный образ прошлого. Соответственно здесь может проявиться и религиозный фактор. В России в системе государственного образования на протяжении последних лет осуществляется интеграция культурологического блока дисциплин, в рамках которых предлагается интерпретация значимых для государства исторических сюжетов, но при этом связанных с религиозной традицией или иллюстрирующих роль религии и религиозных деятелей в исторических событиях. Значительное количество таких культурологических дисциплин, как основы православной, исламской, буддийской или иудейской культуры, этика или искусство соответствующих религиозных традиций, были широко представлены в рамках регионального образовательного компонента в средних школах России в 2006–2009 гг. Затем, после отмены региональной компоненты в образовательных программах, содержание таких курсов было включено в соответствующие модули комплексного учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики». Эти модули и стали площадкой, с помощью которой религиозные организации могут донести до учащихся собственную конфессионально ориентированную интерпретацию сюжетов российской истории, так как их представители активно участвовали в разработке методического обеспечения модулей. Безусловно, религиозные организации взаимодействовали с системой государствен-

ного образования и по иным вопросам (государственной аккредитации религиозных вузов, введения в перечень научных специальностей теологии), но они очень опосредованно связаны с политикой памяти.

В Беларуси же в 2003 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве БПЦ с Министерством образования, с этого года начал осуществляться совместный инновационный проект «Духовно-нравственное воспитание дошкольников и младших школьников на православных традициях белорусского народа», завершающей частью которого стало введение факультативного курса «Основы православной культуры. Православные святыни восточных славян». Характерно, что среди задач факультатива указано «создание условий для последовательного приобщения учащихся к духовно-нравственным ценностям и формирования гражданского патриотизма», что вполне можно рассматривать в контексте политической социализации⁶.

В целом можно сказать, что в России и Беларуси государство выстроило механизмы сотрудничества с религиозными организациями, активно привлекая их ресурсы и ценностную систему к процессам социализации населения через образование. В том числе и в тех аспектах, которые связаны с политикой памяти. Отличие проявляется в том, что в России в этом процессе задействованы крупнейшие религиозные организации, а в Республике Беларусь взаимодействия ограничиваются только БПЦ.

То же самое можно сказать и про взаимодействия религиозных организаций с Вооруженными силами. В их рамках также возможна трансляция ценностей, имеющих отношение к прошлому, и их также можно рассматривать в контексте социализации граждан. РПЦ обосновывает необходимость взаимодействия с Вооруженными силами задачами «возвращения воинства к веками утвержденным православным традициям служения Отечеству»⁷. Однако если в России эта традиция достаточно очевидно прослеживается на протяжении многовековой истории, то в Беларуси, которая обрела государственность только в прошлом веке, подобную

⁵ Программа сотрудничества между Министерством образования Республики Беларусь и Белорусской православной церковью. URL: <http://exarchate.by/resource/Dir0009/Dir0015/Dir0442/Page0458.html>.

⁶ Официальный сайт Московского патриархата. URL: www.patriarchia.ru/db/text/1259235.html.

⁷ Основы социальной концепции Русской православной церкви. Сборник документов и материалов юбилейного Архиерейского собора Русской православной церкви, 13–16 августа 2000 г. Н. Новгород. 2000:206–207.

военную традицию, тем более православную, обнаружить сложнее. Соответственно ее можно реконструировать, однако это может привести к опасным последствиям в контексте уже внутригосударственных войн памяти. Возьмем, например, битву под Оршей 8 сентября 1514 г. в ходе войны 1512–1522 гг., в которой русское войско потерпело поражение от объединенных войск Великого княжества Литовского и Королевства Польского, контролирующих в тот период территорию Беларуси. В альтернативном дискурсе памяти национально ориентированных групп это событие — и есть славная страница белорусской военной истории, пример героического противостояния московской экспансии. Религиозный же фактор позволит интерпретировать это событие как противостояние католичества и православия на западных рубежах православного цивилизационного ареала. Подобных сюжетов, иллюстрирующих сложность реконструкции национальных военных традиций, в Беларуси немало, поэтому закономерно, что в этом вопросе Белорусское государство ограничивается периодом Великой отечественной войны, в котором религиозный фактор является далеко не ключевым. Тем не менее сотрудничество БПЦ с Вооруженными силами достаточно интенсивно и во многом похоже на то, что наблюдается в России [17]. Да, в Беларуси отсутствует пока институт военного духовенства (в России он появился в 2009 г. по инициативе Межрелигиозного совета России), но также активно ведется пастырская работа, на территориях воинских частей возводятся храмы, духовенство участвует в церемониях присяги, освящения знамен, проводит занятия с военнослужащими, участвует в торжествах, посвященных памятным Дням воинской славы, и т.п.⁸

Реализация Соглашения о сотрудничестве Министерства обороны Республики Беларусь и БПЦ предусматривает взаимодействие по нескольким направлениям работы. Выделим только те сюжеты Соглашения, которые относятся к политике памяти: возрождение православных воинских традиций и ритуалов; участие священнослужителей в мероприятиях, посвященных памятным датам; содействие

сохранению историко-культурного наследия; участие представителей церкви в мероприятиях военно-патриотической направленности; подготовка и публикация в периодических изданиях Министерства обороны и БПЦ историко-патриотических материалов⁹.

В России в 1996 г. между Министерством обороны и РПЦ также было подписано Соглашение о сотрудничестве, в котором говорится о взаимодействии в деле возрождения православных традиций российской армии и флота, участии священников в воинских ритуалах и торжествах, посвященных памятным датам в истории страны и Вооруженных сил¹⁰.

В целом и в России, и в Беларуси задачи реализации права верующих военнослужащих на свободу совести и вероисповедания, воспитательные задачи и задачи социализации оказываются взаимосвязанными и предполагают обращение к историческому прошлому, а религиозные организации (в России — преимущественно РПЦ и другие традиционные религиозные организации, а в Беларуси — исключительно БПЦ) на основе соглашений о сотрудничестве участвуют в решении указанных задач.

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В СИМВОЛИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Россию и Беларусь объединяет сохранение элементов советской символической системы при формировании нового символического пространства государства. В России сформировалась эклектичная система государственных символов, объединяющая крайне разнородные элементы, как имеющие советское происхождение (например, музыка государственного гимна), так и полностью реконструированные (например, большая часть государственных орденов). При этом в России произошло соединение православной и общехристианской символики с системой государственных символов (в государственном гербе, а также гербах и флагах шести субъектов Федерации, орденах Святого Георгия и Святого апостола Андрея Первозванного и т.д.). Подобная эклектика, со-

⁹ Соглашение о сотрудничестве Министерства обороны Республики Беларусь и Белорусской православной церкви. URL: <http://exarchate.by/resource/Dir0009/Dir0015/Dir0526/Page0530.html>.

¹⁰ Соглашение о сотрудничестве с Министерством обороны. URL: http://v-pobeda.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=58:2012-01-19-06-25-30&catid=39:2012-01-19-05-12-27&Itemid=65.

⁸ Церковь и армия. Официальный портал Белорусской православной церкви. URL: <http://exarchate.by/resource/Dir0056/Dir0083/Page0117.html>.

единяющая советское и имперское, составной частью которого было и православное (Российская империя была именно православной), очевидно, должна была в современной России символизировать преемственность как дореволюционной государственности, так и советского проекта. И в этом качестве интеграция в государственные символы религиозной символики как одного из маркеров Российской империи выглядит вполне закономерно.

В Беларуси ситуация несколько иная. В 1993 г. решением Верховного Совета Республики в качестве государственных символов Беларуси были восстановлены флаг и герб Белорусской Народной Республики 1918 г. Герб, так называемая «погоня», со всадником с золотым шестиконечным крестом на щите был практически идентичен такому же восстановленному гербу Республики Литва и гербу Великого княжества Литовского. По сути, такой выбор являлся маркером цивилизационной идентичности. Поэтому неслучайно, что на первом белорусском референдуме 14 мая 1995 г. наряду с вопросами, связанными с конституционной реформой и статусом русского языка, был задан вопрос и о возвращении, по сути, советской символики (правда, герб «погоня» сохранился на гербах двух областей и нескольких городов Беларуси). Как отметил В. Г. Шадурский, с референдума 1995 г. начался новый этап исторической политики, характеризующийся отходом от политики национально-государственного строительства на этнической основе и сокращением государственной поддержки национальной версии белорусской истории [18], что наглядно проявилось и в переформатировании символической системы.

Религиозный фактор играет важную роль в формировании системы государственных праздников России и Беларуси. Это непосредственно связано с приобщением к определенной исторической и культурной традиции. В России два дня среди нерабочих праздничных дней (Рождество Христово и День народного единства) и еще два среди 135 профессиональных праздников и памятных дней (День славянской письменности и культуры в праздник памяти святых Кирилла и Мефодия и памятная дата России — День крещения Руси) непосредственно связаны с православной традицией. Существуют еще праздничные дни, установленные в субъектах Российской Федерации, связанные

с преобладающей или значимой в этих регионах религией: Курбан-байрам и Ураза-байрам (в семи поволжских и северокавказских регионах, а также Республике Крым), День рождения Будды Шакьямуни в Калмыкии, Радоница (в Пензенской, Саратовской и Брянской областях), Троица и Светлый понедельник (в Республике Крым и Севастополе), национальные праздники, связанные в том числе и с религиозными традициями (Цаган Сар в Республике Алтай, Бурятии, Калмыкии, Хакасии и Якутии; Ысыах в Якутии и др.).

В Беларуси в системе государственных праздников выделяются религиозные праздничные дни, к числу которых относится Рождество Христово (православное и католическое), Пасха (по календарю православной и католической конфессий), Радуница (по православному календарю) и День памяти (день поминания предков в православной и католической традиции)¹¹. Помимо очевидного отличия, проявляющегося в демонстрации символической значимости на общегосударственном уровне праздников двух конфессий, в Беларуси по сравнению с Россией, где неправославные праздники отмечаются только на уровне регионов, есть еще довольно значимые особенности. В России День народного единства и два упомянутых выше памятных дня имеют одновременно и религиозное, и гражданское значение. Например, День народного единства, напоминающий о единении народов России в преодолении «смутного времени» в начале XVII в., совпадает с праздником иконы Казанской Божьей матери.

Принципиальное отличие России от Беларуси в том, что в Беларуси религиозные организации никогда не выступали инициаторами введения нового праздника. В России подобное отмечалось в случае с Днем народного единства (инициатива его введения принадлежала Межрелигиозному совету России), Днем крещения Руси (Архиерейский Собор РПЦ обращался к Президенту России с соответствующим предложением).

Если говорить о религиозных сюжетах и символах на юбилейных монетах и почтовых марках, то и в России, и в Беларуси они достаточно широко представлены. Правда, в Беларуси на денежных знаках, находящихся в обращении,

¹¹ Официальный интернет-портал президента Республики Беларусь. URL: http://president.gov.by/ru/prazdniki_ru.

только на одной банкноте имеются религиозные образы — Спасо-Преображенская церковь и крест Ефросинии Полоцкой, в России же из девяти находящихся в обращении бумажных денежных знаков на четырех присутствуют изображения, связанные с православием.

В российской практике коммеморации религиозный фактор также присутствует более значимо. Памятники патриархам, святителям, православным подвижникам могут появляться как по инициативе РПЦ церкви (например, памятник патриарху Гермогену в Москве в 2013 г.), так и общественных организаций и частных лиц (например, упомянутые выше проекты Военно-исторического общества, Фонда славянской письменности и культуры и др.). Открытие таких памятников может приобретать общероссийское значение в контексте политики памяти. Например, открытие памятника святому равноапостольному князю Владимиру в День народного единства 4 ноября 2016 г. в присутствии Президента, председателя Правительства и практически всех первых лиц государства стало, по словам В. Путина, значимым событием для всей страны, данью уважения «почитаемому святому, государственному деятелю и воину, духовному основателю государства Российского». Характерно, что, помимо Патриарха, который провел освящение памятника и выступил с речью, на церемонии также присутствовали лидеры всех крупнейших российских религиозных организаций. Безусловно, в практиках коммеморации, в которых присутствует религиозная составляющая, абсолютно доминируют православные сюжеты, но это отчасти может объясняться спецификой иных (в первую очередь исламской) религиозных традиций.

В Беларуси, как уже было сказано, религиозная составляющая в коммеморативных практиках чуть менее заметна. Например, в Минске в государственном списке историко-культурных ценностей нет ни одного памятника религиозным деятелям. Однако памятники религиозного содержания в Беларуси открываются: скульптура «Покров Пресвятой Богородицы» в Молодечно в 2011 г., памятник патриарху Алексию II в Витебске (2013), преподобной Евфросинии Полоцкой в Полоцке (2000), памятный знак в честь 500-летия явления Минской иконы Божьей Матери в Минске (2015) и ряд других. Характерно, что подавляющее большинство подобных памятников открылось после 2000 г.,

когда, по данным ряда исследователей, «наметилась тенденция выстраивать единую историю Беларуси с эпохи Средневековья до наших дней, представляя советский и постсоветский периоды как естественное продолжение дореволюционной истории», а среди исторических личностей — «персонификаторов» идентичности появились такие религиозные деятели, как святые Ефросиния Полоцкая и Кирилл Туровский [19].

ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ

Политика памяти может проявлять себя также в контексте интеграционных проектов России и Беларуси. Безусловно, и создание Союзного государства, и дальнейшие проекты их взаимной экономической и культурной интеграции опирались на факт общего прошлого, которое выступало одним из ценностных оснований единства двух государств. Так, и Договор об образовании Сообщества России и Белоруссии от 02.04.1996, и Договор о Союзе Беларуси и России от 02.04.1997, а также Договор о создании Союзного государства от 08.12.1999 апеллировали к «общности исторических судеб»¹². Однако религиозный фактор в указанных соглашениях не проявлялся. Да, в преамбуле Договора о Союзе говорилось о «духовной близости» народов (положение, исчезнувшее затем в Договоре о создании Союзного государства), и одной из целей Сообщества провозглашалось создание равных условий духовного развития личности (статья 1), но «духовное», как известно, является более широким понятием по сравнению с «религиозным». Характерно, что в итоговом Договоре 1999 г. фиксировалось, что Союзное государство является светским (ст. 5), при том что в Конституции самой Республики Беларусь принцип светскости государства не провозглашается.

После конституционного референдума 1994 г., как отмечают Е. Бикетова и Ю. Чернышов, базисом нацистроительства в Беларуси становится панславистская идея об общности происхождения белорусов, украинцев и русских, исторической близости их языков и культур. Но эта тенденция четко фиксировалась только до 2010 г., после чего была несколько скорректи-

¹² Договор об образовании Сообщества России и Белоруссии. URL: www.soyuz.by/about/docs/dgovor2; Договор о Союзе Беларуси и России. URL: www.soyuz.by/about/docs/dogovor3; Договор о создании Союзного государства. URL: www.soyuz.by/about/docs/dogovor5.

рована [20, с. 101]. Однако в рамках совместных интеграционных проектов долгое время религиозный фактор был не сильно заметен.

Начиная с середины 1980-х гг. в Советском Союзе начинают проводить праздничные дни славянской письменности и культуры, приуроченные ко дню памяти святых Кирилла и Мефодия и сопряженные с большим количеством историко-культурных мероприятий, в которых все более активно участвуют представители православной церкви. В 1990 г. Минск даже стал столицей этого праздника. После распада СССР в России традиция празднования была сохранена, а в Белоруссии был введен национальный праздник — День белорусской письменности. В рамках российского мероприятия наиболее масштабные международные проекты, в которых проявляется религиозный фактор, организуются Международным фондом славянской письменности и культуры, созданном еще в 1989 г. по благословению Патриарха Алексия II.

Религиозный фактор стал более заметным в середине 2000-х гг. в идеологических концепциях, имеющих интеграционный потенциал. Их актуализация стала особенно востребованной на фоне все обостряющихся экономических противоречий и торговых войн между Россией и Беларусью, начало которым было положено в 2006–2009 гг. В этих условиях адекватный ответ на вопрос об общих ценностных и духовных основаниях союза двух государств стал как никогда важен. К таким концепциям относится в первую очередь «Святая Русь», понимаемая церковью как общее цивилизационное пространство восточнославянских народов, имеющих общее историческое прошлое, как исторически сформированное духовное единство России, Украины и Белоруссии, в основе которого лежит православная вера¹³. Концепция «Святой Руси» стала ценностной основой проекта «Русский мир». При всем многообразии его интерпретаций в контексте данной публикации важно, что общность, которую он стремится консолидировать, имеет, с точки зрения РПЦ, ключевую сущностную характеристику в виде принадлежности к православию (помимо языка и культуры)¹⁴.

Именно эта характеристика позволяла ряду исследователей рассматривать «Русский мир» как цивилизационный проект Русской православной церкви и считать, что его границы тождественны понятию «канонической территории», закрепленному в Уставе РПЦ [21]. При этом немаловажно, что проект «Русский мир» в 2010–2014 гг. де-факто стал частью внутренней и внешней политики России [22]. Однако ни концепция «Святой Руси», ни проект «Русский мир» не сформировали ту ценностную основу, на которой могла бы реализовываться дальнейшая интеграция двух государств. Это была, скорее, попытка сформировать новые элементы «мягкой силы» России с использованием религиозного фактора, которые пока не нашли признания в Беларуси.

Выводы

Допустимо заключение, что в России и Беларуси религиозный фактор задает контекст, в котором реализуются значимые элементы политики памяти, оказывающие влияние на процессы социализации населения в аспектах, связанных с приобщением к исторической традиции. В обеих странах отсутствуют религиозные организации, которые в масштабах государства имеют возможность транслировать собственный альтернативный дискурс памяти, не совпадающий или противоречащий дискурсу государственных институтов или контролируемым государствами агентам социализации. Религиозные организации могут формировать только дополняющий дискурс памяти, в ряде случаев расширять смыслы, транслируемые государством, легитимировать их религиозной традицией. Избирательное взаимодействие государства с религиозными организациями в рамках процессов социализации, связанных с приобщением к исторической традиции через систему государственного образования и Вооруженных сил, характерно для обеих стран. Критерием здесь выступает их традиционность, де-факто, а в Беларуси и де-юре предопределяющая возможности совместных проектов и присутствие в символическом пространстве двух государств. При этом в Беларуси взаимодействие государства с религиозными объединениями при реализации политики памяти

¹³ Определение Освященного Архиерейского Собора Русской православной церкви «О единстве Церкви». URL: www.patriarchia.ru/db/text/428916.html.

¹⁴ Собор называет единство Святой Руси «величайшим достоянием» народов России, Украины и Белоруссии. Ин-

терфакс-Религия. 27.06.2008. URL: www.interfax-religion.ru/orthodoxy/?act=news&div=25181 (дата обращения: 20.06.2019).

ограничивается исключительно БПЦ. В России их круг более широк, но РПЦ также является ключевым игроком. Также в России, в отличие от Беларуси, религиозные организации могут выступать и субъектами политики памяти. Однако попытки

задействовать религиозный фактор при решении задач интеграции двух государств, выстраивая ценностные основания на концепциях общего исторического прошлого, пока не увенчались успехом, но подобная возможность остается.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Миллер А. И. Роль экспертных сообществ в политике памяти в России. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*. 2013;4(71):114–126.
2. Сыров В. Н., Головашина О. В., Аникин Д. А. и др. Концептуальные основания политики памяти и перспективы постнациональной идентичности. Томск: ИД Томского гос. ун-та; 2019. 221 с.
3. Методологические вопросы изучения политики памяти: сборник научных трудов. Миллер А. И., Ефременко Д. В., ред. М.; СПб.: Нестор-История; 2018. 223 с.
4. Бордюгов Г., Бухарев А. Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. М.: АИРО-XXI; 2011. 247 с.
5. Ачкасов В. А. «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2013;(4):106–123.
6. Титов В. В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. М.: Ваш формат; 2017. 181 с.
7. Национальные истории в советском и постсоветских государствах. Аймермахер К., Бордюгов Г., ред. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX; 2003. 432 с.
8. Национальные истории на постсоветском пространстве — II. Бомсдорф Ф., Бордюгов Г., ред. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI; 2009. 372 с.
9. Митрофанова А. В. Политизация «православного мира». М.: Наука; 2004. 293 с.
10. Растимешина Т. В. Политика российского государства в отношении культурного наследия церкви: традиционные подходы и инновационные технологии. М.: МГОУ; 2012. 291 с.
11. Донцев С. П. Политика памяти в контексте институциональных взаимодействий Русской православной церкви и государства в современной России. *Политическая наука*. 2018;(3):110–128.
12. Шевцов Ю. Объединенная нация. Феномен Беларуси. М.: Европа; 2006. 256 с.
13. Уварова Т. Б. Новое российское пограничье: постсоветская Беларусь в социально-антропологическом ракурсе. *Россия и современный мир*. 2018;1(98):172–187.
14. Курило Н. А. Ценности как существенное основание интеграционной политики республики Беларусь. *Научные труды Республиканского института высшей школы*. 2015;(14):60–66.
15. Донцев С. П. Русская православная церковь и государство на рубеже XX–XXI вв.: проблемы взаимодействия. М.: РГГУ; 2014. 230 с.
16. Борисов Н. А. Формирование национальной идеологии и проблемы легитимности политического режима: на примере идеологии белорусского государства. *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение*. 2012;1(82):29–40.
17. Донцев С. П. Государство, армия, церковь: вопросы институционального взаимодействия. *Право и государство: теория и практика*. 2015;1(121):42–47.
18. Шадурский В. Г. Историческая политика в Республике Беларусь: этапы развития и версии интерпретации прошлого. Труды факультета международных отношений Белорусского государственного университета: научный сборник. Вып. 5. Минск: БГУ; 2014. 160 с.
19. Семенов И. С., Лапкин В. В., Бардин А. Л., Пантин В. И. Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве. *Полис. Политические исследования*. 2017;(5):54–78.
20. Бикетова Е. А., Чернышов Ю. Г. Нацестроительство республики Беларусь и европейский компонент белорусской идентичности. *Мировая экономика и международные отношения*. 2018;62(1):94–103.
21. Алейникова С. М. «Русский мир», «каноническая территория» и «Святая Русь»: соотношение понятий. Религия и общество. Сб. науч. ст. Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова; 2016. 380 с.
22. Пивовар Е. И. Русский язык и русский мир как факторы социокультурного диалога на постсоветском пространстве. Гуманитарные чтения РГГУ-2010. М.: РГГУ; 2010.

REFERENCES

1. Miller A. I. The Role of expert communities in the politics of memory in Russia. *Politia: Analiz. Khronoka. Prognoz.* 2013;4(71):114–126. (In Russ.).
2. Syrov V. N., Golovkina O. V., Anikin D. A. et al. The conceptual basis of memory policy and prospects of post-national identity. Tomsk: Publishing House of Tomsk State University; 2019. 221 p. (In Russ.).
3. Methodological issues of studying memory policy: A collection of scientific papers. Miller A. I., Efremenko D. V., eds. Moscow, St. Petersburg: Nestor-History; 2018. 223 p. (In Russ.).
4. Bordyugov G., Bukharev A. Yesterday's tomorrow: How "national stories" were written in the USSR and how they are written now. Moscow: AIRO-XXI; 2011. 247 p. (In Russ.).
5. Achkasov V. A. "Politics of memory" as a tool for building post-socialist nations. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoi antropologii.* 2013;(4):106–123. (In Russ.).
6. Titov V. V. The politics of memory and formation of national-state identity: The Russian experience and new trends. Moscow: Vash format; 2017. 181 p. (In Russ.).
7. National history in Soviet and post-Soviet States. K. Eimermacher, G. Bordugov, eds. Moscow: Friedrich Naumann Foundation, AIRO-XX; 2003. 432 p. (In Russ.).
8. National history in the post-Soviet space — II. Bomsdorf F., Bordyugov G., eds. Moscow: Friedrich Naumann Foundation, AIRO-XXI; 2009. 372 p. (In Russ.).
9. Mitrofanova A. V. The politicisation of orthodox world. Moscow: Nauka; 2004. 293 p. (In Russ.).
10. Rastimeshina T. V. Policy of the Russian state about the cultural heritage of the Church: Traditional approaches and innovative technologies. Moscow: MGOU; 2012. 291 p. (In Russ.).
11. Dontsev S. P. The Politics of Memory in the context of institutional interactions of the Russian Orthodox Church and the state in modern Russia. *Polilicheskaya nauka.* 2018;(3):110–128. (In Russ.).
12. Shevtsov Y. United Nation. The Phenomenon of Belarus. Moscow: Europe; 256 p. (In Russ.).
13. Uvarova T. B. New Russian borderland: Post-Soviet Belarus from a socio-anthropological perspective. *Rossia i sovremenniy mir.* 2018;1(98):172–187. (In Russ.).
14. Kurilo N. A. Values as an essential basis of the integration policy of the Republic of Belarus. *Nauchnye trudy vyshey shkoly.* 2015;(14):60–66. (In Russ.).
15. Dontsev S. P. The Russian Orthodox Church and the State at the turn of XX–XXI centuries: Problems of interaction. Moscow: Russian State Humanitarian University; 2014. 230 p. (In Russ.).
16. Borisov N. A. Formation of national ideology and the problem of legitimacy of the political regime: On the example of the ideology of the Belarusian state. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie.* 2012;1(82):29–40. (In Russ.).
17. Dontsev S. P. State, Army, Church: The issues of institutional interaction. *Pravo i gosudarstvo: teoria i practica.* 2015;1(121):42–47. (In Russ.).
18. Shadursky V. G. Historical policy in the Republic of Belarus: stages of development and versions of interpretation of the past. *Trudy fakulteta mezhdunarodnyh otnosheniy Beloruskogo gosugarstvennogo universiteta.* Minsk: BSU. 2014;(5):9–24. (In Russ.).
19. Semenenko I. S., Lapkin V. V., Bardin A. L., Pantin V. I. Between the state and the nation: Dilemmas of identity policy in the post-Soviet space. *Polis. Polticheskie issledovania.* 2017;(5):54–78. (In Russ.).
20. Biketova E. A., Chernyshov Yu. G. Nation-building of the Republic of Belarus and the European component of the Belarusian identity. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World economy and international relations.* 2018;1(62):94–103. (In Russ.).
21. Aleinikova S. M. "Russian world", "canonical territory" and "Holy Russia": The ratio of concepts. *Religiya i obshestvo.* 2016:11–14. (In Russ.).
22. Pivovar E. I. Russian language and the Russian world as factors of social and cultural dialogue in the post-Soviet space. *Gumanitarnye chtenia.* Moscow: RGGU; 2010:167–170. (In Russ.).

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-4-36-45
УДК 341.231(045)

ЗАПРЕЩЕНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ СИМВОЛИКИ В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ*

*Мелешкина Елена Юрьевна, д-р полит. наук, заведующая отделом политической науки ИНИОН РАН;
профессор МГИМО(У) МИД РФ, Москва, Россия
elenameleshkina@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается принятие законодательных норм о запрете коммунистических символов в посткоммунистических странах. Выявляется влияние на этот процесс различных условий: вхождение в состав СССР или Российской империи, опыт самостоятельной государственности в XX в., членство в Европейском союзе, отсутствие доминирующего политического актора и ресурсов для поддержания его доминирования, популярность партии – «преемницы» коммунистической, радикализм институциональных реформ. Рассматривается также влияние изменений международной среды, в том числе отношений с Россией. Дается типология стран, запретивших коммунистическую символику, сформированная на основе различных сочетаний условий.

Ключевые слова: политика памяти; посткоммунистические страны; коммунистические символы; формирование нации; декоμμунизация

THE PROHIBITION OF COMMUNIST SYMBOLS IN POST-COMMUNIST COUNTRIES**

Meleshkina E. Yu.,

*Dr Sci. in Political Sciences, Head of Political Science Department, INION RAS;
Professor of the MGIMO(University) under The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow,
Russia
elenameleshkina@yandex.ru*

Abstract. The article focuses on communist symbols bans in post-communist countries. The author highlights the influence of various conditions such as existence as a part of USSR or Russian empire, the experience of independent state-building in XX century, membership in European Union, lack of dominant political actor and resources for his long domination, the popularity of successor parties, the radicalism of institutional reforms. The analysis also accounts associated impacts of international environment and relations of post-communist countries with Russia. Based on a combination of various conditions, the author develops a typology of post-communist states where communist symbols have been banned.

Keywords: memory politics; post-communist countries; communist symbols; nation-building; de-communisation

---

* Исследование выполнено на средства гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01589) в Институте научной информации по общественным наукам РАН.

** The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation (project № 17-18-01589) at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN).

Прошло больше 20 лет после падения коммунистических режимов в странах Восточной Европы и бывшего Советского Союза. Несмотря на ряд сходных черт в начале нового пути, обусловленных коммунистическим прошлым, эти государства сейчас отличаются по ряду характеристик. Различие траекторий развития во многом связано с проводимой в этих странах политикой по формированию новой идентичности, в которой переосмыслению, созданию новых трактовок и образов прошлого как одному из средств конструирования и консолидации нации стало придаваться особое значение. Как отмечает Р. Брубейкер, нацию можно рассматривать как «точку зрения на мир» [1]. Соответственно соотношение возникающих и конкурирующих нарративов, официальная политика памяти во многом определяют нынешние и будущие контуры национальной идентичности и наций в целом.

Исторический опыт бывших коммунистических стран, специфика их посткоммунистического развития, актуальность вопросов формирования нации и государств активизировали противоречия между трактовками национальной общности, основанными на гражданских или государственных и иных критериях либо, как определяет Р. Брубейкер, между «государственно-фреймированными» и «контргосударственными» трактовками. Первый вариант членства и идентичности базируется на принадлежности к определенному государству с его территорией и институтами, второй — на иных, альтернативных ему основах. «Контргосударственный» вариант получил определенное распространение на территориях бывших коммунистических стран. В их границах развиваются не только трактовки нации, основанные на этнических критериях, но и иные подходы, которые также в некоторых случаях можно отнести к «контргосударственным», в частности создающие и использующие ностальгические образы и символы бывшей коммунистической эпохи.

В этом контексте так называемые законы о декоммунизации могут рассматриваться как меры преодоления символического и институционального наследия прошлого. Однако, помимо этого, они являются важным инструментом политического соревнования.

Их специфика, история принятия и реализации позволяет судить об особенностях «по-

литики памяти» в той или иной стране и сделать предположения о характеристиках этой политики, объединяющих некоторые страны в типологические группы.

В данной статье рассматриваются не все законы о декоммунизации, а лишь принятие законодательных норм о запрете коммунистических символов. В работе выявляется влияние на этот процесс различных факторов, дается типология стран, запретивших коммунистическую символику.

ПРИНЯТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ НОРМ О ЗАПРЕТЕ КОММУНИСТИЧЕСКИХ СИМВОЛОВ

Принятие законов о запрете коммунистической символики произошло не во всех посткоммунистических странах, а только в восьми (Польша, Венгрия, Литва, Латвия, Молдова, Грузия, Украина и Болгария) и в одной (Эстония) соответствующие законодательные нормы были одобрены в первом чтении в парламенте¹. В некоторых других странах (например, в Албании, Чехии и Словакии) были приняты законы, запрещающие тоталитарную идеологию и ее символы, однако специального упоминания коммунистической идеологии и ее символов в этих документах нет, поэтому мы их не включаем в группу государств, где был введен специальный запрет на коммунистические символы.

Помимо уникальных страновых условий, на этот процесс повлияло изменение международной ситуации. Из стран, которые ввели запрет на коммунистическую символику, только в двух (в Венгрии и Латвии) соответствующие законы были приняты сразу после свержения коммунистического режима. В остальных государствах данный запрет ввели позже, что было связано с изменением характера политики памяти, который произошел во многих посткоммунистических странах в середине–второй половине 2000-х гг. Н. Копосов связывает это с рядом факторов, среди которых усиление популярности крайне правых в Европе, вступление ряда посткоммунистических стран в Европейский

¹ По причине успешного прохождения законодательных норм в парламенте в первом чтении мы также условно включили Эстонию в группу стран, запретивших коммунистическую символику. Бывшую ГДР, где был введен запрет на коммунистическую символику, мы, напротив, не рассматриваем в нашем исследовании по причине объединения ГДР и ФРГ в единое государство.

союз, консолидация политического режима в России, российской внутренней (включая политику памяти) и внешней политики (в том числе усиление вмешательства во внутренние процессы соседних стран, в первую очередь — Украины) [2]. И действительно, в новых условиях в середине 2000-х гг. активизировались споры о прошлом между Россией, Украиной, странами Балтии и Польшей. Эти «войны памяти» способствовали формированию нового климата отношений внутри стран Восточной Европы, между государствами и в регионе в целом, что не могло не сказаться на политических решениях.

Симптоматично, что характер принимаемых законов относительно запрета коммунистической символики во второй половине 2000-х гг. и в последующее десятилетие был строже. Новые законы или поправки включали в себя больше ограничений или санкций за нарушение норм. Это согласуется с выводами Н. Копосова об общем характере эволюции в отношении к «законам памяти» как инструменту «политики памяти» в середине второй половине 2000-х гг. Изменения касались не только географического распространения этих законов (в основном в странах, граничащих с Россией), но и их модели. В них более отчетливо прослеживалась идея виктимизации соответствующих стран и их населения, а также криминализации отрицания преступлений не только фашистского режима, но и коммунистического [2].

Первой страной, которая ввела запрет, была Латвия. Там коммунистическая символика была запрещена в 1991 г. Произошло это на фоне событий переходного периода, когда советский режим на территории государств Балтии был признан оккупационным, а его символы — проводниками и символами идеологии коммунизма и тоталитарной власти. Законодательные нормы предусматривали штраф либо 15 суток ареста.

В первоначальном виде запрет не распространялся на праздничные мероприятия. В 2013 г. Сейм Латвии ввел поправки к законодательству, которые запрещают, за некоторыми исключениями, использовать советскую и нацистскую символику на публичных праздничных, памятных и развлекательных мероприятиях.

Венгрия — вторая страна, где коммунистическую символику запретили после смены режима,

в 1993 г. В 2000 г. в стране было введено уголовное наказание за использование коммунистической символики (серп и молот, красная звезда). Практика применения этой нормы вызвала возражения Европейского суда по правам человека, который в 2008 г. осудил Венгрию за уголовное наказание заместителя главы Рабочей партии. Это решение было отменено Европейским судом по правам человека (http://mmdc.ru/praktika_evropejskogo_suda/praktika_po_st10_evropejskoj_konvencii/europ_practice22/). Конституционный суд страны признал эти нормы неконституционными (<https://blogs.wsj.com/emerging europe/2013/02/20/hungary-court-annuls-ban-on-fascist-communist-symbols/>). В апреле 2013 г. была принята новая редакция закона в соответствии с решением Европейского суда по правам человека.

В других странах запрет на коммунистическую символику относится к концу 2000-х — 2010-м гг. В Литве соответствующие законодательные нормы приняли в 2008 г. (статья 188 Кодекса административных нарушений; ст. 5 Закона о митингах). Известны случаи наказания за соответствующие действия физических и юридических лиц (<https://lenta.ru/news/2012/06/21/ussr/>, <https://ria.ru/20131219/985263300.html>).

В Эстонии советскую символику хотели запретить с 2007 г. Согласно предложенным поправкам к Уголовному кодексу, под запрет попадали демонстрация и продажа атрибутов, связанных с существованием СССР, союзных республик СССР и Коммунистической партии Советского Союза. За нарушение предусматривались штрафы и административные аресты, а также лишение свободы до трех лет. Проект преодолел первое чтение в парламенте, однако канцлер права Эстонии (омбудсмен) А. Йыкс высказал мнение, что законопроект необоснованно ограничивает свободу выражения мнений, слишком расплывчато формулирует признаки действий, которые следует считать запрещенными (<https://ria.ru/20070124/59597587.html>). В 2016 г. Министерство внутренних дел Эстонии подтвердило отсутствие запрета коммунистической символики (<https://regnum.ru/news/2127761.html>).

В Польше коммунистическая символика была запрещена в 2009 г. Соответствующий закон предусматривал штраф или лишение свободы до двух лет за ее хранение, приобретение и распространение. В 2011 г. Конституционный

суд признал незаконным наказание за хранение и распространение символики. В 2016 г. был принят закон, запрещающий пропаганду коммунизма и любого другого тоталитарного строя, предполагающий, что никакие строения, дороги, улицы, мосты и другие объекты в публичном пространстве не могут носить напоминающие о коммунизме названия или символы. В 2017 г. президент Польши Анджей Дуда подписал поправки в закон о запрете пропаганды коммунизма, которые предусматривают снос советских памятников на польской территории.

Следующей в хронологическом порядке страной была Грузия. Там запрет коммунистической символики был законодательно закреплен в 2011 г. Однако первоначально этот документ не предусматривал наказания. Нормы, устанавливающие наказание, вступили в силу в 2013 г. За первое нарушение предусматривалось предупреждение, за последующее — штраф. На сегодняшний день неизвестно о каких-либо случаях применения закона.

В Молдавии закон, запрещающий использование коммунистических символов в политических целях, в том числе и во время избирательных кампаний, а также пропаганду тоталитарной идеологии, был предложен в 2009 г. и принят в 2012 г. За нарушение он предполагал штраф. Конституционный суд страны обратился в Венецианскую комиссию с просьбой оценить этот закон. Комиссия сообщила о нарушении статей Европейской конвенции по правам человека и отсутствии связи между тоталитарной коммунистической идеологией и символами «серп и молот». В июне 2013 г. Конституционный суд Молдавии признал неконституционным запрет коммунистической символики.

На Украине попытка запретить советскую символику была предпринята еще в 2006 г. Тогда соответствующий законопроект не был рассмотрен. В 2015 г. приняты четыре закона из «декоммунизационного пакета», в том числе «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов на Украине и запрете пропаганды их символики». За пропаганду коммунистических (герб, флаг, а также гимн СССР) и нацистских символов предполагалось одинаковое наказание в виде тюремного заключения сроком до пяти лет. Предполагалось, что в течение полугода с момента принятия закона на Ук-

раине должны быть изменены все названия городов, улиц и другие топонимы, связанные с коммунистическим режимом. Должны быть также демонтированы памятники коммунистического и фашистского режимов. В 2015–2016 гг. наказаний за использование коммунистической символики не было. Первый приговор был вынесен в 2017 г. (<https://baltnews.lv/news/20170517/1019785980.html>).

Последняя в хронологическом отношении страна, где был законодательно введен запрет коммунистической символики, — Болгария. Осенью 2016 г. там были одобрены поправки к закону о преступной природе коммунистического режима, принятому в 2000 г. Нормы запрещали использование в публичной сфере знаков и предметов, созданных в коммунистический период и восхваляющих бывшую коммунистическую партию и ее лидеров.

УСЛОВИЯ ПРИНЯТИЯ ДЕКОММУНИСТИЧЕСКИХ ЗАКОНОВ

Нами был выделен ряд условий, потенциально способных, как мы предполагали, повлиять на принятие законов о запрете коммунистической символики.

Первое условие — это опыт существования в качестве составной части Российской империи и (или) СССР, унаследовавшего многие черты имперской организации [3]. Это отразилось не только на специфике институциональных традиций. В этих государствах сохраняется потенциальная открытость и несогласованность границ различного рода (территориальных, политических, культурных, экономических), сопровождающиеся рассеиванием контроля центра и отсутствием согласия населения по устанавливающим вопросам [3, 4]. Нерешенные проблемы национального и государственного строительства обуславливают использование при формировании идентичности «негативной» аргументации: отвержение символов, традиций, норм, носителем которых выступает или выступал бывший имперский центр. В этом смысле можно согласиться с оценкой законов о декоммунизации в этих странах как стратегического элемента «мнемотической безопасности», выполняющей функции демонстрации государственного суверенитета в сфере символической политики (<http://publica.pl/teksty/wojcik-memory-laws-and-security-62685.html>) [5]. Можно предположить, что данный

фактор будет особенно актуальным в условиях сохраняющейся угрозы государственному суверенитету, например в виде сецессий.

Второе условие — наличие традиций собственной государственности в XX в. Опыт самостоятельной государственности в XX в. имеет в этом отношении особое значение по следующей причине. В XX в. международное сообщество стало позиционировать себя как мировое. Именно в XX в. были выработаны во многом евроцентричные требования и нормы в отношении новых государств и разработаны основные механизмы контроля за реализацией этих норм. Помимо этого, в XX в. европейские страны наиболее отчетливо столкнулись с одновременным соревнованием между различными моделями организации власти (между имперской формой и современным государством, между автократическими формами и демократией), и это соревнование распространилось на весь мир.

Посткоммунистические страны, имевшие опыт самостоятельной государственности и формирования нации в XX в., демонстрируют склонность к воспроизводству некоторых институтов управления, правовых норм и в целом некоторые черты организации власти межвоенного периода [6, 7]. У них имеются более развитые основания для общегосударственной идентичности граждан. Отсылка к этому опыту, его противопоставление более позднему периоду существования в составе СССР или даже в рамках Варшавского договора могут использоваться в качестве важного элемента преодоления институционального и символического наследия. Поэтому в качестве одного из гипотетических условий, способных в совокупности с другими повлиять на принятие законов о запрете коммунистической символики, мы использовали в нашем исследовании наличие самостоятельной государственности XX в., позволившей наработать собственный опыт институционального строительства и символической политики в области государственного управления, формирования нации и т.п. Среди государств, где был введен запрет на коммунистическую символику, таким опытом обладали страны Балтии, Польша, Венгрия и Болгария.

Третье условие — соотношение сил между режимом и оппозицией в переходный и последующий периоды. Как отмечал еще С. Хантингтон, реакция нового режима на прошлое

и соответствующие варианты развития событий зависят от модели трансформации старого режима и роли взаимодействий между основными политическими силами [8].

Эту идею довольно плодотворно, на наш взгляд, развивает Х. Вэлш. Она отмечает значимость такого фактора, как смена элит и расстановка политических сил в начале демократизации и на всем ее протяжении. В частности, особое значение имеют отказ сторонников старого режима от внутренних изменений и переговоров с другими политическими силами, а также потеря их влияния на политические события. Вэлш отмечает, что со временем отношение к прошлому режиму может стать инструментом в борьбе за власть, используемым для ослабления политических соперников. Этот фактор начинает играть особую роль, если сторонникам старого режима удастся внутренняя трансформация и они остаются популярной политической силой [9].

Х. Вэлш, несомненно, права в том, что в условиях, когда сторонники старого режима эволюционируют и остаются влиятельной политической силой, отношение к прошлому режиму может выступать инструментом в борьбе за власть, поэтому мы использовали этот фактор при анализе группы стран, введших запреты на использование коммунистической символики.

Четвертое условие — отсутствие конкуренции внутриэлитных групп и возможность ресурсного обеспечения доминирования одной группы (концентрации ресурсов в руках одной элитной группы вне зависимости от их количества). Этот фактор имеет особое значение для определения природы конкурентной среды и необходимости использования символических действий в конъюнктурных целях для борьбы с соперниками. Кроме того, как показал М. Макфол, к переходу к авторитарному режиму в основном приводило доминирование сторонников старого режима [10]. Логично предположить, что эти силы вряд ли будут использовать запрет символов прошлого как инструмент политической борьбы.

Пятое условие — характер осуществляемых в переходный период после падения коммунистического режима реформ. В отношении некоторых других процессов, например институционального развития и преодоления институционального наследия прошлого, данный

фактор играет важную функциональную роль [4, 11]. В частности, для трансформации политических институтов существенное значение имеют периоды «критических развилок», во время которых наиболее отчетливо проявляется влияние агентивных факторов [12–14]. Решения, принятые в период «критических развилок», их последовательность формируют паттерны последующего институционального развития той или иной страны, задают последующую логику воспроизводства институтов [15]. Поэтому данный фактор приобретает самостоятельное значение для определения характера и результатов институциональных изменений. В нашем же случае (принятие запретительных норм) он имеет скорее символическое значение, косвенно указывая на намерение акторов преодолеть институциональное и, возможно, символическое наследие прошлого режима или сохранить его.

Опираясь на наши предыдущие исследования осуществления институциональных реформ [11] и на подсчеты Т. Фрая индекса институциональных и экономических реформ [16], мы разбили посткоммунистические страны на три группы в зависимости от характера институциональных реформ: с радикальными реформами, с высокой степенью институциональной преемственности и непоследовательными реформами. Первый вариант предполагает стремление к преодолению институционального наследия, второй — высокую степень его сохранения, а третий — сосуществование старых и новых норм, правил и механизмов, часто противоречащих друг другу, усиление ситуации неопределенности, обострение противоречий между формальными и неформальными нормами и процедурами.

И, наконец, шестое условие — это вхождение в Европейский союз. В данном случае факт вхождения в ЕС интересует нас не с точки зрения того, какие рамки это накладывает на страны-члены и какие возможности предоставляет, а в качестве свидетельства геополитического выбора государств. В 2004 г. в ЕС вступили Венгрия, Польша, Латвия, Литва, Эстония, Словакия, Словения, Чехия. В 2007 г. к ним присоединились Болгария, Румыния, в 2013 г. — Хорватия. Молдавия, Украина и Грузия не являются членами ЕС, однако, имеют с ним соглашения об ассоциации, как и не входящие в ЕС страны бывшей СФРЮ и Албания.

СОЧЕТАНИЯ УСЛОВИЙ И ГРУППЫ СТРАН

Как показывает сравнительный анализ, принятие законодательства о запрете коммунистических символов в отдельных странах происходило под влиянием разной совокупности условий. Однако можно выделить и ряд общих характеристик, отличающих государства, где были введены соответствующие нормы.

Во-первых, большинство этих стран ранее входило в состав СССР или было частью Российской империи. Исключение составляют Венгрия и Болгария, которые, однако, входили в Организацию Варшавского договора и находилась в зоне влияния СССР. Кроме того, в 1956 г. в Венгрию были введены советские войска для подавления выступлений против коммунистического режима.

Во-вторых, все эти страны отличаются определенной степенью радикализма реформ, осуществленных после падения коммунистического режима. Реформы в этих странах носили либо радикальный, либо непоследовательный характер. Ни в одной из этих стран не реализовывался курс на сохранение старых институтов, пусть и в измененном виде.

В-третьих, объединяющим все эти страны условием является отсутствие доминирования одной политической силы на основе концентрации в ее руках ресурсов, позволяющих такое доминирование поддерживать длительное время. Все эти страны имеют конкурентные режимы, что предполагает возможность использования политики памяти как одного из действенных инструментов политической борьбы.

В-четвертых, объединяющая эти страны характеристика — это членство в Европейском союзе или договор об ассоциации с ним. Эти документы вступили в силу позже принятия законодательства о запрете коммунистических символов. Однако их подписанию предшествовал подготовительный этап. Сам факт их заключения свидетельствует об определенном геополитическом выборе этих стран.

Внутри группы стран, принявших запретительные нормы относительно коммунистических символов (как оговаривалось выше, мы условно относим сюда и Эстонию), можно выделить три подгруппы.

Первая подгруппа — наиболее гомогенная, это страны Балтии, Польша, для них характерно наибольшее количество общих условий.

Немалый опыт самостоятельной государственности в XX в., менее длительный по сравнению с рядом других посткоммунистических стран период коммунистического правления способствовали формированию благоприятных условий для принятия норм, запрещающих коммунистические символы. В этих странах и сегодня есть живые носители опыта политического развития докоммунистического периода. Для политической риторики этих стран характерна апелляция к опыту самостоятельного государственного и национального строительства.

Вторая подгруппа стран — это Украина, Молдавия и Грузия. Она также отличается относительной компактностью в плане сходства характеристик. Однако в этой группе несколько больше внутренних различий, чем в предыдущей, а также есть особенности, которые отличают ее от первой группы.

Для стран этой группы также характерна общая объединяющая черта — успешные сессии и соответственно нерешенный вопрос консолидации территориальных, национальных и политических границ. Причем речь идет об отделившихся территориях, официально признанных или получивших существенную поддержку Российской Федерации. Вторая объединяющая эту группу стран особенность — это произошедшие там «цветные» революции, которые фактически можно рассматривать как вторую попытку смены режима.

В третью подгруппу входят Венгрия и Болгария. По выделенным нами характеристикам Венгрия демонстрирует некоторое сходство с Чехией, в которой законодательство прямо не запрещает коммунистическую символику. Близка к ним по этим параметрам и Болгария, отличающаяся от них степенью радикализма реформ. Однако в Венгрии, Болгарии и Чехии были разные модели смены политического режима. Если в первой и второй в смене режима принимали активное участие левые силы и партии-наследницы, сохранившие свое влияние в дальнейшем, были организованы круглые столы, то в Чехии смена осуществлялась более радикальным способом. После «бархатной революции» была осуществлена люстрация. Эти события, а также проведение достаточно радикальных реформ и маргинализация коммунистической партии в Чехии отчасти сняли вопрос об институциональном и символическом коммунистическом наследии.

Пример Венгрии и Болгарии показывает, какое большое значение для принятия законодательства о запрете коммунистических символов имело обострение политической конкуренции и наличие «партии-наследницы». Во всех странах, где была запрещена коммунистическая символика, принятие соответствующих норм служило одним из инструментов политической борьбы и усиления влияния отдельных политических сил.

В отличие от большинства других стран, где была запрещена коммунистическая символика, в Венгрии не наблюдается прямой связи между выборами и принятием запретительных норм. Однако следует предположить, что, в отличие от 1993 г., когда запрет символики без санкций был закреплен в условиях относительного консенсуса основных политических сил по поводу смены режима и имел больше символическое значение, введение санкций за нарушение запрета в 2000 г. было скорее инструментом в политической борьбе, которую вели Венгерский гражданский союз Фидес и его лидер В. Орбан против своих политических соперников. В 2000 г. вступлением в Европейскую народную партию и Европейский демократический союз завершилось преобразование возглавляемой им партии из либеральной в консервативную. В. Орбан, возглавивший правительство после первой победы своей партии на выборах в парламент в 1998 г., стремился укрепить свою личную власть и власть партии, в риторике которой отсылки к прошлому коммунистическому режиму и связи с ним венгерских социалистов занимали существенное место [17]. Несмотря на то что следующие выборы прошли в Венгрии в 2002 г., логично предположить, что закрепление санкций за нарушение нормы о запрещении коммунистической символики могло также служить инструментом политической борьбы.

Пример Болгарии, где запрет законодательно был введен осенью 2016 г. в условиях противостояния между левой «партией-наследницей» БСП, которую ее соперники обвиняют в пророссийской ориентации, и евроориентированной партией ГЕРБ, на фоне президентских выборов, последующей отставки правительства, возглавляемого лидером ГЕРБа и соответственно — перспективы внеочередных выборов в парламент, на которых на первый план вышел «русский фактор» (<http://izbircom.com/2017/04/23/%D0%B1%D0%BE%D0%BB%D0>

%B3%D0%B0%D1%80%D0%B8%D1%8F-%D0%B2%D1%8B%D0%B1%D0%BE%D1%80%D1%8B-%D0%B4%D0%BE-%D0%BA%D0%BE%D1%82%D0%BE%D1%80%D1%8B%D1%85-%D0%BD%D0%B5-%D0%B4%D0%BE%D1%82%D1%8F%D0%BD%D1%83%D0%BB/). Показательно в этом отношении, что при рассмотрении соответствующих норм в парламенте в первом чтении депутаты от социалистической партии покинули зал заседания в знак протеста.

Как отмечалось выше, первая страна, где была запрещена коммунистическая символика, — Латвия. Там запрет вступил в силу в 1991 г. под влиянием целого ряда ярких политических моментов, начиная с январского противостояния между демонстрантами, властями Латвии и советским ОМОНОм и заканчивая голосованием в парламенте за реставрацию довоенной независимости Латвии. Принятие закона происходило не только в атмосфере противостояния республики и советского федерального центра, но и в условиях значительных разногласий между коммунистической партией Латвии и другими политическими силами по вопросу о независимости.

В 2013 и 2014 гг. упомянутые выше поправки к законодательству были введены также под влиянием политического противостояния. Незадолго до этого партийная система Латвии претерпела изменения. В 2010 г. произошло объединение нескольких партий в более крупные, а в 2011 г. бывшим президентом республики была создана Партия реформ Затлерса, получившая второе место на внеочередных выборах. 2013 г. был насыщен различными политическими событиями — это и кризис в правящем блоке политических партий, и конфликт между правящим «Единством» и президентом по поводу отказа последнего утвердить отличающегося националистическими высказываниями министра обороны на посту премьер-министра, и победа представителя оппозиционного блока «Центр Согласия»/«Честь служить Риге», поддерживаемого русскоязычным меньшинством на выборах мэра латвийской столицы. К ярким событиям можно также отнести проведение в марте 2013 г. учредительного съезда Конгресса неграждан Латвии и выборов в парламент непредставленных (лишенных гражданства и права участвовать в выборах и референдумах), а также активную деятельность членов Конгресса неграждан и парламента непредстав-

ленных в международных организациях. И еще одно важное событие, уже 2014 г. — выборы в Европарламент и Сейм Латвии. На них активно обсуждалась тема влияния «руки Москвы». Противостояние перед выборами и выход на первый план разногласий по вопросам национально-государственного строительства также были актуализированы принятием «латышской» преамбулы конституции и заявлением правительства о ликвидации русских школ к 2018 г.

В Эстонии принятие поправок к Уголовному кодексу в 2007 г. происходило в атмосфере приближающихся выборов в Рийгикогу (представительное собрание народа Эстонии) и обострившихся споров вокруг памятника воину-освободителю в центре Таллина, перемещение которого началось в конце апреля 2007 г. и сопровождалось активным противостоянием сторонников и противников этого действия с участием полиции. Параллельно ряд эстонских партий в октябре 2006 г. предложили законопроект о защите воинских захоронений. Соответствующий закон был принят парламентом в январе 2007 г.

Принятие законодательных норм о запрете нацистской и советской символики в Литве также происходило на фоне приближающейся предвыборной кампании в Сейм и соответствующего обострения политического противостояния между левоцентристскими и правоцентристскими партиями. Как и в Венгрии, в Литве «партия-наследница» коммунистической партии активно участвовала в процессе демократизации и сохранила свое влияние в дальнейшем, что, как отмечалось выше, по мнению Х. Велш, является одним из благоприятных условий использования отношения к прошлому режиму как инструмента в борьбе за власть.

Закон о запрете коммунистической символики был подписан президентом Польши Лехом Качиньским в 2009 г., в предпоследний год президентства, когда перспектива его переизбрания на следующий срок не была очевидной. Принятие запретительных норм происходило на фоне политического сосуществования «Гражданской платформы» (партия большинства в парламенте и премьер-министр от партии) и «Права и справедливости» (президент — представитель партии). Напомним, что при Лехе Качиньском существенно обострились отношения между Россией и Польшей.

В Грузии соответствующие запретительные нормы принимались на фоне противостояния между президентом Михаилом Саакашвили и оппозицией, в атмосфере продолжающегося обострения противостояния между Москвой и Тбилиси и в преддверии парламентских выборов 2012 г., имеющих особое значение в связи с принятием в 2010 г. новой Конституции.

В Молдавии принятие соответствующего закона также происходило на фоне политического противостояния между коммунистами и правящим альянсом. С одной стороны, коммунисты объявляли бойкот парламентским заседаниям и проводили субботние акции протеста, а с другой, был закрыт подконтрольный коммунистам телеканал NIT. Этот период был также отмечен ослаблением Партии коммунистов в связи с выходом из ее рядов нескольких членов и дальнейшей борьбой между основными силами правящего альянса.

На Украине принятие антикоммунистических законов в апреле 2015 г. происходило под влиянием событий 2014 г. — начала 2015 г. и обострения отношений с Россией: расстрел Майдана и бегство Виктора Януковича, присоединение Крыма к России и война на востоке Украины, досрочные выборы президента и Верховной рады в 2014 г. Как отмечает М. Малксоо, синхронизация принятия данных событий наводит на мысль, что пакет этих законов — преимущественно стратегическая мера по обеспечению «мнемотической безопасности» в контексте сохраняющейся враждебности со стороны восточного соседа (<https://verfassungsblog.de/decommunization-in-times-of-war-ukraines-militant-democracy-problem>).

* * *

Проведенный анализ показывает, что, несмотря на сходство некоторых характеристик (вхождение в состав СССР, Российской империи или коммунистический блок, та или иная степень радикальности институциональных реформ, отсутствие доминирования одной политической силы в политической жизни и ресурсов для поддержания доминирования, членство

в ЕС или договор об ассоциации с ним), совокупность условий, в которых произошло принятие законов о запрете коммунистической символики, несколько отличается в выделенных нами подгруппах стран. Введение норм о запрете коммунистических символов являлось инструментом политической борьбы. Особенно это проявилось в странах, где важная характеристика политического соревнования — противостояние между «партиями-наследницами» коммунистической партии и новыми политическими силами.

Факт принятия запретительных норм и их характер зависели не только от внутривнутриполитических разногласий и противостояния, но и от изменений на международной арене, в том числе в отношениях этих стран с Россией. Как отмечают У. Белаусау и А. Глишинска-Грабиас, чем больше Россия дистанцируется от политики поиска консенсуса, чем активнее она навязывает свою версию прошлого, тем радикальнее государства, оказавшиеся жертвами советского доминирования, настаивают на своей версии истории [18]. Влияние изменений в российской политике памяти и в отношениях с Россией особенно явно прослеживается на рассмотренном нами примере стран, ранее входивших в состав СССР или Российской империи и либо имевших опыт самостоятельной государственности в XX в., либо испытывающих серьезные проблемы консолидации своих границ, в том числе по причине существования непризнанных или полупризнанных государств, возникших в результате сецессий.

В этих государствах нормативные ограничения по использованию коммунистической символики и другие декоммунизационные законы играли роль механизма демонстрации государственного суверенитета в сфере символической политики и формирования национальной идентичности. При этом, однако, подобные меры уменьшали возможности отдельных политических сил, политиков и граждан (что оценивалось некоторыми аналитиками и исследователями как ограничение демократических процедур [17]), а также осложняли формирование культуры и практик консенсуса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Brubaker R. *Ethnicity without Groups*. Cambridge, MA: Harvard University Press; 2004. 283 p.
2. Kopysov N. *Memory Laws, Memory Wars: The Politics of the Past in Europe and Russia*. Cambridge: Cambridge University Press; 2017. 338 p.

3. Мелешкина Е. Ю. Постимперские пространства: Особенности формирования государств и наций. *Политическая наука*. 2013;(3):10–29.
Meleshkina E. Yu. Post-imperial spaces: Peculiarities of state and nation-building. *Politicheskaya nauka*. 2013;(3):10–29. (In Russ.).
4. Мелешкина Е. Ю. Формирование новых государств в Восточной Европе: монография. М.: ИНИОН РАН; 2012. 252 с.
Meleshkina E. Yu. Formation of new States in Eastern Europe: Monograph. Moscow: INION RAN; 2012. 252 p. (In Russ.).
5. Mälksoo M. ‘Memory must be defended’: Beyond the politics of mnemonic security. *Security Dialogue*. 2015;46(3):221–237.
6. Stark D., Bruszt L. Post-socialist pathways: Transforming politics and property in East Central Europe. New York, N.Y.: Cambridge University Press; 1998. 300 p.
7. Grzymala-Buss A. Redeeming the Past: the Regeneration of the Communist Successor Parties in East Central Europe after 1989. New York, N.Y.: Cambridge University Press; 2002. 341 p.
8. Huntington S.P. The Third Wave: Democratization in the Last Twentieth Century. Norman: University of Oklahoma Press; 1993.
9. Welsh H. Dealing with the Communist Past: Central and East European Experiences after 1990. *Europe-Asia Studies*. 1996;48(3):419–428.
10. McFaul M. The fourth wave of democracy and dictatorship: Noncooperative Transitions in the Post-communist World. *World Politics*. 2002;54(1):212–244.
11. Мелешкина Е. Ю. Государственное строительство и институциональная трансплантация в посткоммунистических странах. *Политическая наука*. 2016;(4):186–213.
Meleshkina E. Yu. State-Building and Institutional Transplantation in Post-Communist Countries. *Politicheskaya nauka*. 2016;(4):186–213. (In Russ.).
12. Scharpf F. Institutions in comparative policy research. *Comparative political studies*. 2000;33(6–7):762–790.
13. Capocchia G., Kelemen D. The Study of Critical Junctures: Theory, Narrative, and Counterfactuals in Historical Institutionalism. *World Politics*. 2007;59(2):341–369.
14. Mahoney J. The legacies of liberalism: Path dependence and political regimes in Central America. Baltimore: Johns Hopkins University Press; 2001. 416 p.
15. Pierson P., Skocpol T. Historical institutionalism in contemporary political science: Paper prepared for presentation at the American Political Science Association Meetings. Washington, D.C.; 2000.
16. Frye T. Building States and Markets after Communism: The Perils of Polarized Democracy. Cambridge: Cambridge University Press; 2010. 296 p.
17. Palonen E. Political Polarisation and Populism in Contemporary Hungary. *Parliamentary Affairs*. 2009;62(2):318–334.
18. Belavusau U., Gliszczynska-Grabias A. Memory Laws: Mapping a New Subject in Comparative Law and Transitional Justice. In: Law and Memory: Towards Legal Governance of History. U. Belavusau, A. Gliszczynska-Grabias, eds. Cambridge: Cambridge University Press; 2017.
19. Marples D. R. Decommunization, Memory Laws, and “Builders of Ukraine in the 20th Century”. *Acta Slavica Iaponica*, 2018;(39):1–22.
20. Мелешкина Е. Ю. Отвергая символику прошлого: влияние условий политического развития на принятие законов о декоммунизации. *Политическая наука*. 2018;(1):148–172.
Meleshkina E. Yu. Rejecting symbols of the past: Impact of political conditions on de-communisation laws. *Politicheskaya nauka*. 2018;(1):148–172. (In Russ.).

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-4-46-51

УДК 366:316.3(075.8)(045)

ПОВЕДЕНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ: СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ И ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ

Аликперова Наталья Валерьевна, канд. экон. наук, старший преподаватель Департамента социологии, истории и философии, Финансовый университет, Москва, Россия; ведущий научный сотрудник Лаборатории исследования поведенческой экономики, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, Москва, Россия
natalie_danilina@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются современные реалии потребительского поведения, причины, побуждавшие население изменить вектор своих потребительских стратегий, глобальные и российские тренды в потреблении. Экономические и политические потрясения последних лет, заключающиеся в продовольственном эмбарго, девальвации рубля, снижении доходов покупателей, заставили розничных продавцов и их поставщиков принимать во внимание и оперативно реагировать на трансформацию потребностей населения, его ресурсные возможности и мотивы, побуждающие к покупке. Развитие цифровых технологий, онлайн-рынка, появление инновационных инструментов сделки влечет за собой формирование новых тенденций в потреблении, нуждающихся в постоянной оценке и мониторинге. Данные о поведении покупателей в сочетании с демографическими тенденциями свидетельствуют об устойчивом сдвиге, который приводит к тому, что покупки будут более обдуманными и целенаправленными. Демонстративное потребление уступит место более практичному. Безудержный поиск сделки будет заменен большей избирательностью покупок и использованием техники и инструментов, проявившихся во время кризиса.

Ключевые слова: потребление; потребительское поведение; тенденции в потреблении; экономическое поведение; потребительский выбор; потребительские предпочтения; глобальные тренды

CONSUMER BEHAVIOUR: CURRENT REALITIES AND GLOBAL TRENDS

Alikperova N.V.,

PhD in Economics, Leading researcher, Institute of Social and Economic Studies of Population, Russian Academy of Science, Moscow, Russia;

Senior Lecturer, Financial University, Moscow, Russia

natalie_danilina@mail.ru

Abstract. The article analyses the current realities of consumer behaviour, the reasons that prompted the population to change the vector of their consumer strategies, global and Russian trends in consumption. The economic and political upheavals of recent years, consisting in the food embargo, the devaluation of the ruble, the decline in buyers' incomes have led retailers and their suppliers to understand and respond quickly to the transformation of the needs of the population, its resource capabilities and motivations for buying. The development of digital technologies, online market, the emergence of innovative instruments of the transaction entails the formation of new trends in consumption that require constant evaluation and monitoring. Data on customer behaviour in combination with demographic trends, indicate a steady shift, which leads to the fact that purchases will be more deliberate and targeted. Demonstrative consumption will give way to a more practical one. A free search of the transaction will be replaced by higher selectivity of purchases and the use of equipment and tools that have emerged during the crisis.

Keywords: consumption; consumer behaviour; consumption trends; economic behaviour; consumer choice; consumer preferences; global trends

Потребительское поведение и взаимодействие производителей товаров и услуг с потребителем переживают сегодня серьезные изменения, которые можно назвать революционными. Главные из них связаны с развитием Интернета и технологий, которые изменили не только способ приобретения товаров и услуг, но и всю коммуникацию в области потребления. Сегодня мало кто осуществляет покупки без предварительного поиска и изучения их в всемирной сети, а интернет-торговля стала самым быстрорастущим каналом приобретения товаров и услуг.

Изменился и сам потребитель, для которого приобретение товаров и услуг все больше становится способом самовыражения и идентификации. Он ищет не товар вообще, а свой товар, свой бренд. При этом потребитель хочет получить все здесь и сейчас, в удобное для него время и в удобном месте. Время, затрачиваемое на осуществление покупок, имеет сегодня решающее значение, и все более важным становится соотношение цены и качества. Потребитель стремится приобретать надежные и качественные бренды по умеренным ценам [1].

Данные о поведении покупателей в сочетании с демографическими тенденциями свидетельствуют о том, что в результате кризисов последних лет произошел устойчивый сдвиг в сторону более обдуманных и целенаправленных покупок. Демонстративное потребление уступает место более сознательному или практичному. Безудержный поиск сделки заменяется большей избирательностью покупок и использованием современных технологий.

Экономическая наука рассматривает потребление как одну из стадий воспроизводственного процесса, в котором результаты производства находят свое применение для удовлетворения всего многообразия индивидуальных, коллективных и общественных потребностей [2]. Потребление завершает конкретный вид хозяйственной деятельности — будь то выращивание хлеба, изготовление мебели, выплавка металла, генерирование электроэнергии и т.д., и вместе с тем дает толчок следующему циклу. Оно подает сигналы прежде всего производителям определенных экономических благ (товаров и услуг), а также субъектам, регулирующим промежуточные

стадии обмена и распределения, в частности инфраструктурным отраслям, торговле, маркетингу, логистике [3].

Обратная информация — от потребления к производству и далее к обмену и распределению — позволяет экономистам раскрыть сущность рыночного механизма спроса и предложения, выявить природу инвестиций и динамику инвестиционного спроса, определить соотношение между стремлениями к потреблению и к сбережениям, прогнозировать бюджетные расходы и параметры макроэкономического равновесия.

Психология потребления в силу различных причин пока более популярна среди нашего населения, чем склонность к сбережению и/или осуществлению инвестиционных стратегий [4].

Согласно информационно-аналитическим данным ЦБ, норма сбережений населения (соотношение личных накоплений к доходу) в августе — сентябре 2018 г. упала существенно ниже уровня 2013–2014 гг. Население активно финансировало покупки за счет кредитования и накоплений. В условиях расширения кредитования население постепенно начало переходить от сберегательной модели поведения к увеличению потребления. В основном отмечался рост продаж непродовольственных товаров, что ЦБ связывает с сохранением повышенных инфляционных ожиданий (<https://www.vedomosti.ru/economics/news/2018/10/31/785266-sberezhenii-naseleniya>).

Многие потребители говорят о положительных эмоциях, так как потребление — это не просто покупка вещей, это приобретение опыта, меняющего образ жизни.

Понятия «вещи» и «опыт» настолько тесно переплетены, что люди не всегда могут отделить одно от другого. К примеру, два билета на игру любимой футбольной команды — это вещи, но если взять с собой ребенка, это станет незабываемым опытом. Велосипед — это вещь, но благодаря ему можно приобрести опыт велопоездки по историческим местам с друзьями или каждую неделю участвовать в велопробеге местного клуба, участвовать в гонках и вообще сделать велосипед основой образа жизни. Не исключено, что образ жизни велосипедиста, который стал возможен благодаря потреблению, очень скоро начнет определять, кто он есть. (<https://econet.ru/articles/129864-my-privyikli>

svyazyvat-schastie-s-potrebleniem-pochemu-my-pokupali-pokupаем-i-prodolzhim-pokupat).

Это объясняется тем, что в потребительской культуре вещи живут двойной жизнью, будучи, с одной стороны, материальными объектами, а с другой — символами или сигналами, которые явно либо скрыто передают ценности, стремления и даже страхи. Все это вместе составляет образ жизни, который возможен только благодаря потреблению. Именно через мир товаров создаются социальные категории, структурирующие персональную идентичность и упорядочивающие общество.

Данный факт является ярким сигналом для активных действий со стороны маркетинговых служб розничной торговли товаров и услуг. Реклама, мода, различные инструменты воздействия на потребителя и вовлеченности его в покупку, вариации финансирования покупок (беспроцентные кредиты, отсрочки и т.п.) нацелены на то, чтобы человек как можно больше потреблял.

Современным тенденциям в потреблении, стимулирующим население к покупке, предшествовали серьезные изменения. К наиболее важным позитивным тенденциям последнего двадцатилетия можно отнести следующие:

- преодоление острого товарного дефицита начала 90-х гг. и вызванной им униженной системы карточного распределения (талонов, купонов), спекуляции, теневого перераспределения и пр.;
- относительное насыщение товарного рынка, повышение доли пользующихся спросом отечественных товаров, прежде всего продовольствия;
- появление новых форм торговли и видов услуг, развитие негосударственных форм собственности в этой сфере, приближение мест торговли и соответственно товара к потребителям;
- трудное и противоречивое становление рекламного бизнеса, расширение маркетинговых исследований;
- формирование законодательной базы, регулирующей отношения в сфере потребления;
- возникновение первых структур гражданского общества, контролирующих соблюдение правил торговли, прав покупателей, качество товаров и т.д. (общество защиты потребителей), а также адекватность ре-

кламы (общественные комиссии по рекламе) и др. [5].

Глобальные факторы во многом определяют современные тренды потребительского поведения как на международном, так и на локальном уровне. Существует несколько важнейших международных факторов или мегатрендов, влияющих на потребительское поведение и потребление в целом. Один из них — глобализация. Транснациональные компании захватывают все большее число географических рынков и унифицируют потребительское поведение во всем мире. Как сами продукты и услуги, так и методы их продвижения глобализируются, что приводит к изменениям потребления на локальных рынках.

Второй глобальный фактор, влияющий на потребление, — урбанизация и миграция. Рост городского населения меняет образ жизни и потребление как мигрантов, так и самих горожан. С одной стороны, мигранты адаптируются к новому образу жизни и потреблению, с другой — привносят свои потребительские привычки в жизнь мегаполисов. Примером могут служить многочисленные национальные кухни, представленные во всем мире.

Еще один глобальный фактор, влияющий на потребление, — старение населения. Доля людей старшего возраста увеличивается. К 2040 г. прогнозируется, что доля лиц в возрасте 65+ достигнет в целом по миру 1,3 млрд чел., что в два раза больше чем в наши дни.

В России численность потребителей старшего возраста в 2017 г. составляла более 35 555 тыс. человек. Привычки потребления пожилых людей отличаются от привычек более молодых. С одной стороны, люди старшего возраста более традиционны и консервативны, менее мобильны, а с другой, они более требовательны к удобствам и качеству товаров. Уже более 10 лет назад потребительская индустрия в развитых странах обратила внимание на данную группу населения.

К числу глобальных факторов, влияющих на потребление, можно отнести и изменения в составе домохозяйств [6]. Растет число одиноких и семейных пар без детей. Образ жизни таких семей значительно отличается от образа жизни семей с детьми и многопоколенных семей. С одной стороны, одинокие и семейные пары без детей материально более обеспечены, а с другой — их потребление ограничивается только собственными потребностями.

Глобальным фактором потребительского поведения является и изменение гендерных ролей, что влияет на то, кто и как принимает решение о покупке. Сегодня мужчины все чаще ходят в магазины за товарами повседневного спроса, а женщины выбирают автомобили. Поскольку привычки потребления и модели принятия решения могут отличаться по гендерному признаку, производителям и ритейлерам приходится это учитывать.

Наконец, одним из важнейших факторов, влияющих на современное потребительское поведение, является быстрое развитие технологий. С одной стороны, технологии расширяют возможности потребления, открывая доступ к широчайшему спектру товаров и услуг. С другой — развитие технологий усложняет жизнь и изменяет ее. Иногда люди перестают справляться с темпами развития и сложностью технологий и даже попадают в зависимость от них. Поэтому так называемая usability — удобство и интуитивная простота в использовании технологий — становится важнейшим потребительским требованием.

Потребительские тренды на отдельных рынках могут совпадать с глобальными, отличаться темпами развития, а иногда, под влиянием локальных факторов, идти в разных направлениях с глобальными. И все же основные мировые тренды актуальны как в глобальном масштабе, так и для локальных рынков.

Выявление трендов — это только начало маркетингового процесса и разработки стратегии. Следом встают вопросы, насколько устойчив тренд, кого из потребителей он затрагивает, насколько он долгосрочен, в каких сегментах рынка он особенно проявляется, какой эффект на производство товаров и услуг оказывает.

По итогам глобального исследования GfK Consumer Life (Жизнь потребителя) выделяют шесть наиболее актуальных глобальных потребительских трендов¹:

- стремление к безопасности потребления;
- сознательное потребление;
- опыт важнее обладания;
- взаимовлияние потребителей;
- экологичность потребления;
- жилище становится домом.

¹ Глобальные тренды и российский потребитель. Результаты международного исследования GfK Consumer Life и проекта «Портрет российского потребителя», 2017.

Наиболее выраженным глобальным потребительским трендом является стремление к безопасности потребления. Безопасность семьи является первой в рейтинге ценностей, которые разделяют респонденты как на глобальном, так и на локальном уровне.

В 2017 г. около 62% людей в мире и России заявляли, что они всегда заботятся о своей безопасности. Тренд традиционно ярко выражен в России, а также в таких странах, как Индонезия, Индия, Бразилия и Южная Африка.

На сегодняшний день 60% людей в мире и 63% в России беспокоятся о том, чтобы не заболеть от загрязненной еды и напитков. В мире растущей неопределенности, угроз и опасностей они готовы тратить время и деньги на обеспечение собственной безопасности и безопасности потребления². Ведь разнообразие товаров и каналов торговли ведет не только ко все большему удовлетворению потребностей людей, но и к усилению опасений за свою безопасность.

Поэтому в числе требований, предъявляемых производителю, на первом месте стоят качество и безопасность товара. В этой связи преимущество имеют брендовые товары, которые заслужили доверие потребителя.

Следующий глобальный потребительский тренд можно обозначить как сознательное потребление. Под сознательным потреблением следует понимать выбор товаров, продуктов и услуг, которые не просто нравятся людям, а соответствуют их этике, установкам, ценностям и идеалам.

Каждая покупка что-то говорит о потребителе, его особенностях и привычках. Отсюда — все более осознанный выбор товара, включающий и представления о производителе, его честности и открытости. Тренд сознательного потребления сохраняет высокий рейтинг на протяжении последних пары лет.

В 2017 г. для 61% людей в мире важно было знать, где и когда сделан продукт. И столько же людей в мире говорили, что покупают только те товары и услуги, которые соответствуют их убеждениям, ценностям и идеалам. В России доля таких потребителей составляла 62 и 53% соответственно.

С развитием общества потребления фокус все больше смещается от того, чем человек

² Там же.

обладает, к тому, что он делает и какой жизненный опыт при этом получает. Потребитель все больше идентифицирует себя не через то, что он имеет и какими материальными благами обладает, а через то, что он сделал, где он был, какие впечатления получил, какой опыт приобрел. Материальные вещи, товары и услуги становятся лишь средством для получения нового опыта.

Так, в 2016–2017 гг. 73% опрошенных в мире говорили, что для них приобретение новых впечатлений более важно, чем обладание вещами. В России доля тех, для кого опыт важнее владения, выросла с 56% в 2016 г. до 64% в 2017 г.³

Еще один важный тренд — экологичное потребление. Все большее число потребителей сегодня готовы менять свое поведение, чтобы снижать негативное воздействие на окружающую среду, и ожидают того же от компаний-производителей. Загрязнение окружающей среды является одной из первоочередных проблем сегодняшнего дня. Люди понимают это и готовы лично содействовать защите природы, изменять свое поведение так, чтобы снижать негативное влияние на состояние экологии. Доля экологически сознательных потребителей выросла с 2014 по 2017 г. на 4%. В 2017 г. 66% людей в мире заявляют о том, что чувствуют себя виноватыми, когда делают что-то, что вредит окружающей среде.

Локальными российскими трендами являются:

- рационализация потребления, а проще говоря, практичность выбора и стремление населения экономить на всем;
- снижение потребительского потенциала населения;
- привыкание к жизни в условиях кризиса. Россияне смирились с тем, что кризис — долго;
- усиление потребительского патриотизма. Санкции Запада только укрепили россиян во мнении, что можно прожить, ориентируясь на свой собственный рынок. 66% населения России заметили политику импортозамещения на полках магазинов. Уровень одобрения такой политики остается высоким на протя-

жении последних трех лет и в июне 2017 г. составил 74%;

- интернетизация потребления. Как показывают исследования GfK, рост интернет-торговли только усиливается, несмотря на кризис. Если в 2005 г. лишь 8% населения интересовались торговлей через Интернет, то в 2016 г. — уже каждый третий. Все больше развиваются мобильная торговля и соответственно мобильные приложения. Это связано с ростом пользователей смартфонов и подключений пакетов связи с мобильным Интернетом;

- наконец, еще один локальный тренд, проявившийся в условиях кризиса, — улучшение отношения к рекламе. Этот тренд можно связать с потребностью россиян в информации о более дешевых и интересных покупках, в чем потребителю помогают рекламные ролики, листовки и объявления.

Помимо вышеупомянутых трендов, выявленных компанией GfK, следует выделить еще один, не менее значимый, который наблюдается и в России, — старение населения.

В 2025 г. в России примерно каждый третий житель будет старше 50 лет, и этих людей, по прогнозам экспертов, будет приходиться 80% покупательной способности. Действительно, по базовому прогнозу Росстата, в 2025 г. в России будет 44% населения старше 50 лет.

В Западной Европе и США розничные компании и производители потребительских товаров обнаружили, что стареющее население — очень интересный сегмент [7]. Скажем, у так называемых беби-бумеров (людей, родившихся в 1943–1963 гг., во времена беби-бума; от англ. *baby boom* — значительное и устойчивое увеличение рождаемости, имевшее место в середине XX в. во многих странах мира, главным образом развитых странах Запада. — *Примеч. ред.*), которые сейчас выходят на пенсию, как правило, высокая покупательная способность и особые потребности, в отличие от российского представителя, ввиду значительного разрыва в размере пенсий и накоплений. Поэтому в России компаниям придется искать подход к этому сегменту потребителей, делая свой сервис и предложения более доступными.

С точки зрения макроэкономики старение населения приводит к замедлению экономического роста, снижению роста доходов, уровня

³ Глобальные тренды и российский потребитель. Результаты международного исследования GfK Consumer Life и проекта «Портрет российского потребителя», 2017.

жизни и покупательской активности. Но для ритейла, в частности в сфере электроники, старение населения скорее создает новые ниши и спрос. У более старших потребителей иные предпочтения, и участникам рынка нужно это учитывать. Маркетинговые службы с каждым годом разрабатывают все новые и новые ин-

струменты воздействия на потребителя для вовлеченности его в покупку, используя инновационные решения и новые технологии [8]. Розничные магазины, которые совершенствуют систему лояльности потребителей, будут иметь конкурентные преимущества в ближайшие годы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Michael R. Solomon. *Consumer Behavior: Buying, Having, and Being*, 12th Edition. Pearson; 2016.
2. Щавель С. А. *Общественная миссия социологии*. Минск: Беларуская навука; 2010.
3. Алешина И. В. *Поведение потребителей*. М.: Экономистъ; 2006. 530 с.
4. Аликперова Н. В. Динамика инвестиционно-сберегательной активности населения России. *Народонаселение*. 2015;3(69):85–92.
5. Щавель С. А. Социология и экономика потребления. К единой парадигме. *Социологический альманах*. 2010;(1):39–48.
6. Ярашева А. В. Психологические особенности потребительского поведения как стиля жизни. Сб. науч. статей по итогам Всероссийской конференции. Региональный центр «Общественное содействие» Бельских И. Е., ред. М.: ВНМГЦ; 2015.
7. Michelle A. Shell and Ryan W. Buell. *Mitigating the Negative Effects of Customer Anxiety Through Access to Human Contact*. Harvard Business School; 2019.
8. Аликперова Н. В. *Социология потребления: сущность, проблемы, тенденции*. Учебное пособие. М.: ИНФРА-М; 2018. 124 с.

REFERENCES

1. Solomon Michael R. *Consumer Behavior: Buying, Having, and Being*. 12th Edition. Pearson; 2016. 624 p.
2. Shchavel S. A. *Social mission of sociology*. Publishing house Belaruskaya Navuka; 2010. 302 p. (In Russ.).
3. Aleshina I. V. *Consumer behaviour*. Publishing house: "Economist"; 2006. 530 p. (In Russ.).
4. Alikperova N. V. *Dynamics of investment and savings activity of the population in Russia*. *Narodonaselenie*. 2015;3(69):85–92. (In Russ.).
5. Shchavel S. A. *Sociology and economics of consumption. Towards a single paradigm*. *Sotsiologicheskii almanakh*. 2010:1:39–48. (In Russ.).
6. Yarasheva A. V. *Psychological features of consumer behaviour as a lifestyle*. In: *Collection of scientific articles on the results of the all-Russian conference*. I. E. Belsky, ed. Regional'nyi tsestr "Obshchestvennoe sodeistvie". Moscow: VNMGC; 2015. (In Russ.).
7. Shell Michelle A., Buell Ryan W. *Mitigating the Negative Effects of Customer Anxiety Through Access to Human Contact*. Harvard Business School; 2019. 42 p.
8. Alikperova N. V. *Sociology of consumption: essence, problems, tendencies: Textbook*. Moscow: INFRA-M; 2018. 124 p. (In Russ.).

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-4-52-56

УДК 004.8(045)

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Махаматов Таир Махаматович, д-р филос. наук, профессор, профессор Департамента социологии, истории и философии, Финансовый университет, Москва, Россия
makhamatov.tair@mail.ru

Аннотация. В статье обосновывается тезис о том, что развитие технологии искусственного интеллекта тесно связано не только с открытиями в области естествознания, антропологии и медицины, но и с достижениями в сфере философии познания и когнитивных наук. Свой тезис автор обосновывает философско-эпистемологическим анализом проблем по совершенствованию нейронной сети как ядра современного искусственного интеллекта и делает вывод о том, что принципы функционирования нейронной сети соответствуют принципам сенсуализма Дж. Локка, априоризма И. Канта и др. Результаты сравнительного исследования позволили автору прийти к следующему заключению: совершенствование исследованных С. Хайкином, С. Расселом, П. Норвигом способностей нейронной сети («очевидность ответа», «классификация образов» и «достоверность принимаемого решения») возможно при опоре на гносеологические идеи Дж. Локка, использовании кантовских принципов («синтетическое единство апперцепции», «я мыслю») и поиске алгоритма формирования нейронной сетью способности создавать антиномии в искусственном интеллекте. Дальнейшее развитие искусственного интеллекта, основанного на нейронной сети, может опираться также на теорию познания Т. Гоббса, Р. Декарта, Б. Спинозы, Г.В.Ф. Гегеля и результаты современных когнитивных наук.

Ключевые слова: антиномии разума; априорные понятия; вторичные качества; нейронная сеть; первичные качества; сенсуализм; синтетическая апперцепция

PHILOSOPHY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Makhamatov T.M.,

Doctor of Philosophy, Professor, Department of Sociology, History and Philosophy, Financial University, Moscow
makhamatov.tair@mail.ru

Abstract. In the article, the author substantiates the thesis that the development of artificial intelligence technology is closely related not only to discoveries in the field of natural science, anthropology and medicine, but also achievements in the field of philosophy of knowledge and cognitive sciences. The author conducted a philosophico-epistemological analysis of the problems of improving the neural network as the core of modern artificial intelligence led to the conclusion that the principles of functioning of the neural network corresponding to such principles of the cognitive process discovered and studied in the philosophical concepts of New Time, such as J. Locke's apriorism, I. Kant's apriorism other. The results of the comparative study allowed the author to come to the following conclusion: the improvement of the abilities of the neural network studied by S. Haikin, S. Russell, P. Norvig ("evidence of the answer", "classification of images" and "reliability of the decision") is possible when relying on the epistemological ideas of J. Locke, using Kant's principles ("synthetic unity of apperception", "I think") and searching for the algorithm of neural network formation of the ability to create antinomies in artificial intelligence. Further development of artificial intelligence based on the neural network can also be based on the theory of cognition of T. Hobbes, R. Descartes, B. Spinoza, G. V.F. Hegel and the results of modern cognitive sciences.

Keywords: antinomies of mind; a priori concepts; secondary qualities; neural network; primary qualities; sensationalism; synthetic apperception

ВВЕДЕНИЕ

История промышленных революций и современные технологические революции демонстрируют, что возникновение и распространение определенного типа мышления (речь идет о «конструктивном мышлении, основанном на схемах»), явилось «важнейшим фактором процесса масштабного экономического роста» [1, с. 39]. Сравнительный анализ логико-эпистемологических проблем нейронной сети и раскрытых Р. Декартом, Т. Гоббсом, Дж. Локком и И. Кантом логических ступеней познавательного процесса показывает, что результаты философских исследований принципов мышления и в настоящее время остаются важнейшим фактором качественного и количественного роста искусственного интеллекта как основы развития производительных сил современных передовых экономик. Однако рассмотрение философско-эпистемологических принципов как теоретических факторов развития технологий до сих пор остается вне поля зрения исследователей искусственного интеллекта, о чем свидетельствует полное отсутствие в работах о нейронной сети упоминаний имен и трудов вышеназванных и современных философов [2].

В наше время обострение международной конкуренции обусловило переход к расширению практического применения *искусственного интеллекта, опирающегося на принципы конструктивистского мышления*. Как отмечают В.В. Вдовин, П.Г. Щедровицкий, «смысл конструктивизации в том, что дело расслаивается на явно оформленные деятельную и мыслительную части, причем деятельное мышление получает инструмент схематизации (чертеж) как форму увещевания и мыслительной имитации замысла и работ по его воплощению, а также — самого процесса „замаливания“, постепенно приобретающая форму конструктивного мышления...» [1, с. 43].

Основное назначение искусственного интеллекта — облегчить умственный труд человека. В последнее время развитие искусственного интеллекта перешло на качественно новый этап. Его совершенствование уже не ограничивается только универсальными формами умственной деятельности, изучением природы человеческого мозга, но основывается на логических принципах творческого, конструктивного мышления человека, памяти [3, 4], философско-эпистемологических способностей [5] и психологии познания и мышления [6, 7]. В своем фундаментальном труде «Нейронные сети» (Neural Networks) Саймон Хайкин пишет, что «предметная область нейронных сетей лежит на пересечении многих наук. Ее корни уходят в нейробиологию, ма-

тематику, статистику, физику, науку о компьютерах и инженерии» [2, с. 989]. То же самое подтверждают исследования Стюарта Рассела и Питера Норвига [8, с. 37–38]. Здесь, на наш взгляд, для дальнейшего развития искусственного интеллекта, особенно его современного ядра — нейронных сетей — было бы целесообразно использовать достижения и поставленные проблемы сенсуалистической теории познания Джона Локка, априоризма И. Канта, что до сих пор остается вне поля зрения многих исследователей искусственного интеллекта.

УЧЕНИЕ ДЖ. ЛОККА ОБ ИДЕЯХ ПЕРВИЧНЫХ И ВТОРИЧНЫХ КАЧЕСТВ И АКТУАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ

Исследования механизма поэтапного функционирования человеческого мозга и нейронной сети как ядра искусственного интеллекта показывают, что первоначальный шаг познавательного процесса опирается на принципы сенсуализма. Согласно С. Хайкину, «большая часть усилий исследователей нейронных сетей была сфокусирована на задаче *распознавания образов*. Учитывая практическую важность этой задачи и ее повсеместную природу, а также тот факт, что нейронные сети исключительно хорошо подходят для решения задачи классификации, такая концентрация усилий ученых направлялась на поиск средств корректной классификации. Развивая это направление, стало возможным заложить основы *адаптивной классификации образов* (adaptive pattern classification). Однако мы достигли той точки, в которой системы классификации должны рассматриваться в более широком смысле, если мы хотим решать задачи классификации более сложной и интеллектуальной природы» [2, с. 990] (*курсив автора*).

На наш взгляд, решению этой задачи поможет сенсуалистическая теория познания Дж. Локка, согласно которой источником наших знаний являются чувственный опыт и рефлексия. Под рефлексией Дж. Локк подразумевает «то наблюдение, которому ум подвергает свою деятельность... вследствие чего в разуме возникают *идеи* этой деятельности» [7, с. 155]. Чувственный опыт дает разуму знания о таких качествах тел, как плотность, протяженность, форма, движение или покой и число. Эти качества Дж. Локк называет первичными и реальными. Идеи *этих* «качеств тел сходны с ними, и их прообразы действительно существуют в самих телах» [7, с. 186]. Такие «качества, как цвета, вкусы, звуки и т.д., которые на деле не играют никакой роли в самих вещах, но представляют собой силы, вызывающие в нас

различные ощущения *первичными качествами* вещей, т.е. объемом, формой, строением и движением их незаметных частиц», он называет вторичными качествами [7, с. 184]. Идеи, вызываемые в человеке этими качествами, вовсе не имеют сходства с телами. *Свет, тепло, белизна или холод реальны в телах «не более чем недомогание или боль — в манне. Уберите эти ощущения. Пусть глаза не видят света или цветов, пусть уши не слышат звуков, небо не ощущает вкуса, нос не обоняет — и все цвета, вкусы, запахи и звуки как особые идеи исчезнут, прекратят существование и сведутся к своим причинам, т.е. к объему, форме и движению частиц»* [7, с. 187].

Эти рассуждения очень близки к той задаче, о которой пишет С. Хайкин: «В контексте задачи классификации образов можно разработать нейронную сеть, собирающую информацию не только для определения конкретного класса, но и для увеличения *достоверности* (confidence) принимаемого решения. Впоследствии эта информация может использоваться для исключения сомнительных решений» [2, с. 35]. Задачи классификации, если отталкиваться от идей *первичных и вторичных качеств* Дж. Локка, тесно связаны с разработкой механизмов обнаружения взаимной обусловленности этих качеств предметов нейронными сетями искусственного интеллекта. Только в этом случае можно говорить, что, как пишет С. Хайкин, «использование нейронных сетей обеспечивает...очевидность ответа (evidential response)» [2, с. 35].

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТИВИЗМ И. КАНТА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ

Другая важнейшая проблема искусственного интеллекта, на наш взгляд, заключается в вопросе его *творческо-эпистемологического* конструктивизма мышления. Такие исследователи искусственного интеллекта и его современного ядра — нейронных сетей, как Дж. Баррат, М. Т. Джонс, Р. Курцвейг, Э. Бернхард, Д. Кэссин [9–12] и др., пишут о тенденции ускорения «эволюционного процесса» (за счет усложнения абстракции), создании саморазвивающегося искусственного интеллекта, который в скором будущем якобы превзойдет человека. Только немногие ученые, в числе которых С. Хайкин, пишут о границах возможности искусственного интеллекта, определяемых совокупным человеческим интеллектом. «Очень важно уяснить, что для создания компьютерной архитектуры, которая будет способна имитировать человеческий мозг

(если такое окажется возможным вообще), — пишет С. Хайкин, — придется пройти долгий и трудный путь» [2, с. 33].

В основании «компьютерной архитектуры, способной имитировать человеческий мозг» наряду с принципами сенсуализма Дж. Локка находится априоризм И. Канта. Программное обеспечение искусственного интеллекта, если говорить языком философии, по сути, является его априорной понятийной структурой. Его рамки определяют границы всех возможностей искусственного интеллекта, в том числе способности определения объекта оперативного контакта, т.е. способность *эпистемологического конструирования объекта*. «В структуру нейронных сетей должны быть встроены априорная информация и инварианты, что упрощает архитектуру сети и процесс ее обучения». Для выполнения такой задачи «необходимо понять, как разработать специализированную структуру, в которую встроена априорная информация. К сожалению, в настоящее время не существует четкого решения этой задачи» [2, с. 13, 62]. Здесь мы видим сходство с процессом образования «явления» в рассудке познающего субъекта, выступающего как результат соединения чувственных данных с априорными понятиями рассудка, о чем писал И. Кант в своей «Критике чистого разума».

Как известно, в наше время теория познания И. Канта, особенно его учение о явлении, вполне обоснованно рассматривается как эпистемологический конструктивизм [13]. Кантовское понятие «явление» с позиции логики научного познания *есть ни что иное как сконструированный посредством априорных понятий факт познания*. «Естествоиспытатели поняли, — пишет Кант, — что разум видит только то, что сам создает по собственному плану, что он с принципами своих суждений должен идти впереди, согласно постоянным законам, и заставлять природу отвечать на его вопросы, а не тащиться у нее словно на поводу, так как в противном случае наблюдения, произведенные случайно, без заранее составленного плана, не будут связаны необходимым законом, между тем как разум ищет такой закон и нуждается в нем» [13, с. 16]. Немецкий философ-неокантианец Э. Кассирер в «Феноменологии познания», в 3-м томе своего труда «Философия символических форм», анализируя кантовское понимание философии познания, особо выделяет эпистемологический конструктивизм И. Канта. Он пишет: «Знание не описывается ни как часть бытия, ни как его

отражение. Тем не менее ничуть не убывает его *соотнесенность* с бытием, которая, скорее, получает свое обоснование с новой точки зрения. *Функцией* знания оказывается построение и конституирование предмета — уже не абсолютного, но обусловленного именно этой функцией — как «явленного предмета». То, что мы называем «объективным» бытием, предметом опыта, возможно лишь при наличии предпосылаемого ему рассудка и его априорных объединяющих функций» [14, с. 14].

Одной из проблем нейронной сети, связанной с принципами «Критики чистого разума» И. Канта, является проблема формирования процесса обучения нейронной сети. Ее, на наш взгляд, следует рассматривать через призму двух гносеологических целей. **Первая цель:** спроектировать в структуре нейронной сети принцип «я мыслю», *т.е. самосознание* и его связь восприятиями-созерцаниями нейронной сети, который мог бы обеспечить их единство. Кант писал, что «все многообразное в созерцании имеет, следовательно, необходимое отношение к [суждению] “я мыслю” в том самом субъекте, в котором это многообразное находится». Принцип «я мыслю» обеспечивает единство и синтез всех представлений, а также «возможность априорного познания на основе этого единства» [13, с. 100].

Вторая цель: спроектировать в нейронной сети способность мыслить о «вещи в себе» и формировать антиномии, что означает выход за рамки действий в пространстве непосредственного восприятия и возможность творческого мышления.

Понятие «вещь в себе» выражает *попытку* Канта перейти к *эпистемологии теоретического знания* и демонстрирует наличие качественной глубокой разницы между чувственным и рациональным уровнями познания. Кант замечает, что кумулятивное накопление опытного знания *не может перевести* познание на рациональный уровень. Поэтому «вещь в себе» выступает как критерий *абсолютной* ограниченности наших чувственных восприятий, опыта.

В то же время кантовская «вещь в себе» как *мыслимая* сущность — есть показатель познавательных возможностей рационального, опережающего отражения теоретического мышления: «Что же касается предметов, которые мыслятся только разумом, и притом необходимо, но которые (по крайней мере, так, как их мыслит разум) вовсе не могут быть даны в опыте, то попытки мыслить их (ведь должны же они быть мыслимы) дадут нам затем превосходный критерий того, что мы считаем измененным мето-

дом мышления, а именно, что мы *a priori* познаем о вещах лишь то, что вложено в них нами самими» [13, с. 19].

По существу, кантовское *мышление* о вещах в себе, т.е. о сущностях, не данных в опыте, является *внеопытным, теоретическим познанием* внечувственных, теоретически конструированных объектов, что не связано с опытным, чувственным восприятием природы. Благодаря безусловности, «вещи в себе» Канта свободны от чувственной непосредственности, случайности и субъективности; они свою объективность и необходимость имеют в самих себе, т.е. они суть *causa sui*: «Так как мы познаем случайное только в опыте — здесь же речь идет о вещах, которые вовсе не должны быть предметами опыта, — то нам приходится выводить свое знание о них из того, что необходимо само по себе, — из чистых понятий о вещах вообще. Вот почему первый шаг, сделанный нами за пределы чувственно воспринимаемого мира, заставляет нас начинать свои новые знания с исследования абсолютно необходимой сущности и из ее понятий выводить понятия о всех вещах, поскольку они чисто умопостигаемые...» [13, с. 345]. Кантовские понятия «вещи в себе» и «антиномии чистого разума» следует рассматривать как философскую основу возможности разработки способностей нейронной сети *теоретического конструирования*. Нам представляется, что в принципе возможно обучить нейронную сеть создавать антиномии между своими способностями распознавать, классифицировать объекты в их трансформации и формировать чисто априорные, «умозрительные» схемы объектов и действий. Достижение этой задачи позволит переходить к разработке нейронной сети, обладающей способностью обучаться мыслить о развивающихся системах в рамках «структурной инвариантности» и максимизировать достоверность выводов и принимаемых решений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ достижений и актуальных задач нейронных сетей как ядра современного искусственного интеллекта показывает, что многие проблемы, обсуждаемые в этой области, давно были исследованы в теориях познания Т. Гоббса, Р. Декарта, Б. Спинозы и особенно в трудах Дж. Локка и И. Канта. Рассмотрение достижений и перспективных задач дальнейших разработок в области нейронной сети показывает, что совершенствование ее «способностей имитировать человеческий мозг» повторяет эволюцию человеческого

познания от сенсуализма к рационализму. Поэтому обращение к идеям Т. Гоббса о номинализме в познании, трудам “Cogito, ergo Sum” Р. Декарта, “Causa Sui” Б. Спинозы и особенно сенсуалистической теории познания Дж. Локка, априоризму И. Канта, феноменологии духа Г.Ф.В. Гегеля и исследованиям современных когнитивных наук послужит философско-методологическим основанием решения многих проблем и задач развития искусственного интеллекта.

В представленной статье автор коснулся лишь наиболее близких к задачам нейронных сетей аспектов учений Джона Локка и Иммануила Канта. Более детальное и глубокое исследование проблем искусственного интеллекта в диалектической взаимосвязи с достижениями и проблемами гносеологии и эпистемологии даст плодотворные результаты как ученым-разработчикам нейронных сетей, так и философам, изучающим диалекту познавательного процесса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вдовин В.В., Щедровицкий П.Г. Конструктивное мышление: неучтенный фактор развития. *Вопросы философии*. 2018;(9):39–49.
2. Хайкин С. Нейронные сети: полный курс, 2-изд., испр. Пер. с англ. М.: Вильямс; 2006.
3. Hoskins A. Memory Ecologies. *Memory Studies*. 2016;(3):348–357.
4. Лекторский В.А. и др. Когнитивный подход. Монография. Лекторский В.А., ред. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация»; 2008.
5. Harre R. Personal Being: A Theory for Individual Psychology. Harvard Univ. Press; 1984.
6. Harré R., & Gillett G. The discursive mind. London, England: Sage Publications; 1994.
7. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении. Соч. в 3-х т.: Т. 1. Пер. с англ. М.: Мысль; 1985.
8. Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект. Современный подход. 2-е изд. Пер. с англ. М.—СПб.: Диалектика; 2019.
9. Баррат Дж. Последнее изобретение человечества. Искусственный интеллект и конец эры Homo Sapiens. Пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн; 2015.
10. Джонс М.Т. Программирование искусственного интеллекта в приложениях. Пер. с англ. М.: ДМК Пресс; 2006.
11. Курцвейг Р. Эволюция разума. Пер. с англ. М.: ЭКСМО; 2015.
12. Barnard E. & Casasen D. Invariance and neuoral nets, IEEE Transactions. *Neural Networks*. 1991;2(5):498–508.
13. Кант И. Критика чистого разума. Пер. с нем. М.: Мысль; 1994.
14. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. III: Феноменология познания. М.: Академический проект; 2011.

REFERENCES

1. Vdovin V.V., Schedrovitsky G.P. Constructive thinking: The unaccounted development factor. *Voprosy filosofii*. 2018;(9):39–49. (In Russ.).
2. Haykin S. Neural Networks: A Comprehensive Foundation. 2nd ed. Transl. from English. Moscow: Williams publishing house; 2006.
3. Hoskins A. Memory Ecologies. *Memory Studies*. 2016;(3):348–357.
4. Lektorsky V.A. et al. Cognitive approach. Monograph. Moscow: “Canon+”; 2008.
5. Harré R. Personal Being: A Theory for Individual Psychology. Harvard University Press; 1984.
6. Harré R., Gillett G. The discursive mind. London, England: Sage Publications; 1994.
7. Locke J. The experience of human understanding. Works in 3 vol. Vol. 1. Transl. from English. Moscow: Thought; 1985.
8. Russell S., Norvig P. Artificial intelligence. Modern approach. 2ne ed. Transl. from English. Moscow-St. Petersburg: Dialectics; 2019.
9. Barratt J. Our Final Invention: Artificial Intelligence and the End of the Human Era. Transl. from English. Moscow: Alpina non-fiction; 2015. (In Russ.).
10. Jones M.T. AI Application Programming. Transl. from Eng. Moscow: DMK Press; 2006. (In Russ.).
11. Kurzweil R. Evolution of mind. Transl. from Eng. Moscow: EKSMO, 2015.
12. Barnard E., Casasent D. Invariance and neural nets, IEEE Transactions. *Neural Networks*. 1991;2(5):498–508.
13. Kant I. Critique of pure reason. Transl. from German. Moscow: Thought; 1994. (In Russ.).
14. Cassirer E. Philosophy of symbolic forms. Vol. III: The phenomenology of knowledge. Transl. from German. Moscow: Akademicheskii Proekt; 2011. (In Russ.).

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-4-57-62

УДК 32(045)

МНОГОЛИКИЙ ФАШИЗМ: ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ

Сургуладзе Вахтанг Шотович, канд. филос. наук, ведущий эксперт Аналитической группы «С.Т.К.»,
Москва, Россия
bafing@mail.ru

Аннотация. В условиях роста социального неравенства и усугубления проблем, связанных с необходимостью налаживания культурного диалога между представителями разных цивилизаций, особую актуальность приобретает новое осмысление такого социально-политического феномена, как фашизм. В политологическом смысле понятие «фашизм» как выражение правой социально-политической ориентации сохраняет свою актуальность и должно всесторонне исследоваться, особенно в условиях, когда радикализация настроений общества имеет под собой серьезные основания: рост социального неравенства, безработицы, ухудшение криминогенной обстановки, значительный приток иммигрантов – представителей иной культурной среды, активизация политических и общественных групп, готовых использовать радикальную риторику для достижения собственных целей и прихода к власти. Радикализация политической среды на Украине и в других странах, беспорядки на расовой почве в США, вызванный беспрецедентным притоком иммигрантов рост ультраправых настроений в Западной Европе, вызов, брошенный миру Исламским государством (запрещенная в РФ организация), – все эти факторы говорят о том, что фашизм как радикальное идейное направление и политическая практика не утрачивает своей актуальности, а при определенных обстоятельствах вполне может снова стать политической практикой. В статье предпринята попытка систематизации подходов к осмыслению содержания понятия «фашизм» и разных аспектов проявления данного феномена.

Ключевые слова: идеология; фашизм; национал-социализм; политические режимы

MANY FACES OF FASCISM: ATTEMPT OF COMPREHENSION OF THE CONCEPT

Surguladze V. Sh., PhD of Philosophy, “S.T.K.” Analytical group leading expert, Moscow, Russia
bafing@mail.ru

Abstract. In the context of rising social inequalities and worsening problems associated with the need to establish a cross-cultural dialogue between representatives of different civilisations, of particular urgency is a new understanding of the socio-political phenomenon of fascism. In the political sense of the word fascism as an expression of the right socio-political orientation remains relevant and should be comprehensively investigated, especially in conditions when the radicalization of the society's structures has serious grounds – the growth of social inequality; unemployment; the deterioration of the criminal situation; a significant influx of immigrants-representatives of a different cultural environment; the activation of political and social groups willing to use radical rhetoric to achieve their own goals and come to power. The radicalization of the political environment in Ukraine and other countries, the racial problems in the United States caused by the unprecedented influx of immigrants, the growth of ultra-right sentiments in Western Europe, the challenge posed to the world by the Islamic State (prohibited organization in Russia) – all these facts suggest that fascism as a radical ideological direction and political practice does not lose its relevance, and under certain circumstances may well become a political practice again. The author attempts to systematise approaches to understanding the concept of fascism, represent a summary of different aspects of the fascism phenomenon.

Keywords: ideology; fascism; national-socialism; political regimes; political science

Феномен фашизма относится к числу тех категорий, которые достаточно сложно определить. Например, большая часть советских словарей определяла фашизм как «террористическую диктатуру наиболее реакционной и агрессивной буржуазии» [1–3], «идеологию и политику воинствующего шовинизма и расизма» [4, 5], «ударную силу международной реакции»¹. Однако подобные определения-штампы не дают реального представления о том, чем был фашизм в широком смысле, тем более учитывая, что не все режимы, относимые к фашистским, были расистскими [6–8].

К сожалению, в советской действительности справочные издания зачастую становились инструментом пропаганды, а не надежным подспорьем в научном поиске. Тем не менее продираясь сквозь идеологические дебри, даже в советских справочниках можно найти крупинцы неидеологизированной информации, дающей представление о наиболее характерных чертах, общих для всех режимов фашистского типа.

МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЕ, ЗАПАДНОЕ И ПОСТСОВЕТСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ФАШИЗМА

Отдельная тема в постижении фашизма — работы авторов-коммунистов. Интерес к фашизму заметен в работах В. И. Ленина [9]. Уже на раннем этапе своего возникновения этот феномен вызывал большие опасения у деятелей международного коммунистического движения, например у Клары Цеткин [10]. Значительное внимание фашизму уделял Г. М. Димитров [11]. Уже в 1920–1930-е гг. стали появляться работы с попытками систематизации знаний о фашизме [12–13]. После Второй мировой войны акценты в массовом сознании несколько сместились, да и в научном сообществе фашизм стал прочно ассоциироваться с немецким национал-социализмом. Тем не менее даже в этих условиях появлялись отдельные специализированные исследования данной темы [14–15].

После распада СССР издаваемые в России справочники стали постепенно менять стилистику определения фашизма. Например, в иллюстрированном энциклопедическом словаре (2000) отмечается, что «многие черты фашизма

присущи различным социальным и национальным движениям правого и левого толка. При видимой противоположности идеологических установок (например, „класс” или „нация”), по способам политической мобилизации общества, приемам террористического господства и пропаганды к фашизму близки тоталитарные движения и режимы большевизма, сталинизма, „маоизма”, „красных кхмеров” и др.» [16]. Есть основания полагать, что уравнивание в указанном справочном издании фашизма со сталинизмом с акцентом на практику упомянутых режимов — проявление либеральной идеологической волны, захлестнувшей российское общество 1990-х гг. Примечательно, что та же идеологическая тенденция уравнивания сталинизма и фашизма прослеживается в «Истории философии» Мартина Оливера [17], и это неудивительно для представителя либерального англосаксонского мира. Даже термин «фашизм» в книге не употребляется. Заменой ему служит «тоталитарное государство», к которому автор относит и Советский Союз — портрет Сталина соседствует со сдвоенным изображением Гитлера и Муссолини. При этом размеры портрета советского лидера раза в три крупнее — излюбленный способ западных пропагандистов, использующих косвенное внушение и подрыв национального самосознания других народов, попытка внушить читателям мысль о том, что фашизм и коммунизм — одно и то же.

Достаточно комплексное и нейтральное определение фашизма дается в энциклопедии Britannica, в которой он рассматривается как «философия государственного управления, которая делает акцент на превосходстве и процветании государства, безусловном поклонении его лидеру, подчинении индивидуальной воле власти государства и жестком подавлении разногласий». При таком режиме «ценится военная сила, в то время как либеральные и демократические ценности дискредитируются. Фашизм возник в 1920–1930-х гг. частично из страха перед растущей мощью рабочего движения. Он отличался от его современника коммунизма (который практиковал И. В. Сталин) своей защитой элиты бизнеса и землевладельцев и их представлений о классовой системе»². Вообще в серьезных запад-

¹ Словарь иностранных слов. 15-е изд., испр. М.: Русский язык; 1988. 608 с.

² Настольная энциклопедия Britannica. В 2 т. М.: АСТ, Астрель; 2006.

ных справочных изданиях (если сравнивать с советскими аналогами) часто дается более взвешенная и деидеологизированная характеристика фашистских режимов [18].

Основным нюансом, который упускался из виду в советской пропаганде и написанных в ее идейном русле научных изданиях, было слишком «германоцентричное» понятие фашизма и смешение терминов. В узком историческом смысле фашизм — политическое движение Италии 1920–1940-х гг. [19–21]. В широком — политический термин, обобщающий такие черты различных государств, идеологий и режимов, как крайне правая ориентация и диктатура. В частности, к режимам, которые принято рассматривать как фашистские, относят Португалию Салазара [22] и Испанию Франко, в которых идеология носила достаточно традиционный, консервативный, преемственный характер, а установлению режима предшествовал затяжной экономический и политический кризис, сопровождавшийся дестабилизацией общества, нападками на католическую церковь, секуляризацией и сломом традиционных, устоявшихся общественных норм.

И в Испании, и в Португалии (как, впрочем, и в других странах) авторитарные режимы фашистского типа оказывались ответом военных, имущих классов и церкви, а часто и традиционно настроенного крестьянства на распространение левых настроений. И в этом отношении советская пропаганда не лгала — режимы действительно были военными и реакционными, реагируя на слишком быстрые, прогрессивные (с марксистской точки зрения) изменения, которые реально носили революционный характер, так как ломали устоявшиеся нормы и мораль.

К политическим режимам фашистского типа в широком смысле можно отнести военные хунты в Латинской Америке (Чили, Парагвай), режим черных полковников в Греции, расистские режимы в Южной Африке и Южной Родезии.

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ РЕЖИМОВ ФАШИСТСКОГО ТИПА

Для понимания общей сущности режимов фашистского типа важно разделить понятие «фашизм» по категориям: а) тип общественного устройства, б) идеология, теория и практика правоэкстремистских политических движений,

в) интеллектуально-эстетическая традиция [23, 24].

Последняя особенно важна, так как сложна для понимания, неочевидна и часто недооценивается, хотя именно на интеллектуально-эстетической традиции в значительной степени базируется эклектичное здание фашистской идеологии.

Похожие социальные процессы, протекавшие в Европе 1920–1930-х гг., выдвигали и в других странах мира схожие политические режимы, которые обрели в СССР и западных демократиях источник формирования сильной негативной идентичности. Представители фашистского авторитаризма усиливали собственное по-новому формулируемое самосознание примерами из жизни аналогичных режимов, выступавших в роли значимого другого: Италия, Германия, Испания, Португалия и ряд других государств встали на фашистский путь, помогая друг другу.

Выявляя общие черты режимов фашистского типа, можно выделить следующие особенности.

1. Широкое использование государственно-монополистических методов регулирования экономической политики, в том числе в псевдосоциалистическом духе, как это было в гитлеровской «национал-социалистической» Германии, «национал-синдикалистских» Испании и Португалии.

2. Значительный демагогический элемент в пропаганде с целью создания социальной базы для фашистских партий и организаций. Вопрос демагогии при осмыслении феномена фашизма особенно важен в связи с тем, что в практике режимов фашистского типа идеология часто выступает в сугубо инструментальной, а не ценностной плоскости — ее охотно меняют вместе с обстоятельствами [25, 26]. Эта особенность становится заметной при сравнении идеологической практики, существовавшей в СССР, с режимами Муссолини в Италии и Франко в Испании. Последние режимы постепенно меняли идеологические установки, в то время как в Советском Союзе они обрели черты сакральных текстов [27, 28].

3. Демагогическое содержание идеологических установок тесно связано с иррационализмом, мистицизмом и антиинтеллектуализмом. В частности, это выразилось в том, что у фашизма нет никакой крупной систематизиру-

ванной интеллектуальной работы по политической философии, вследствие чего принципы фашизма не получили четких очертаний [29]. Характерно, что расхваливаемая громадными тиражами книга Альфреда Розенберга считалась учебником нацистской партийной идеологии, но сам Гитлер, по воспоминаниям Альберта Шпеера, говорил, что это «малопонятный бред, написанный самоуверенным прибалтом, который крайне путано мыслит. И вообще Гитлер удивлялся, что подобная книга вышла столь большим тиражом» [30]. Фриц Тиссен был еще категоричнее: «„Миф XX века“ — вымученный продукт эдакого Вольтера без мозгов. Геринг как-то поинтересовался моим мнением о книге, заметив: „Мне она кажется абсолютно идиотской“» [31].

4. Эклектизм фашистской идеологии с широким использованием теорий и доктрин, появившихся до возникновения фашизма. В испанском случае эклектизм идеологии отразился даже в названии партии — Испанская фаланга традиционалистов и хунт (собраний) национал-синдикалистского наступления (*Falanga Española Tradicionalista y de las Juntas de Ofensivas Nacional Sindicalistas*). Это название объединило в себе большую часть тех ценностей и взглядов на жизнь, которые отстаивал Франко, буржуазные католические слои испанского общества, на которые он опирался, и многочисленные праворадикальные группы и объединения («хунты») [32–34].

5. Милитаризм.

6. Элитизм и вождизм (фюрер в Германии, дуче в Италии, каудильо в Испании).

7. Оценка государства как высшей ценности.

8. Отрицание классовой борьбы как губительной для государства (интегрализм, корпоративизм, национал-синдикализм, национал-социализм). При этом буржуазная, классовая подоплека фашизма проявлялась постоянно.

Так было в Италии, те же тенденции наблюдались и во время гражданской войны в Испании, когда вина людей становилась «очевидной» в силу их профессии: предполагалось, что чистильщик сапог уже только из-за своего рода занятий, несомненно, является коммунистом. Классовый шовинизм аристократии и буржуазии противостоял здесь классовому экстремизму рабочих. Отстаивание традиционных ценностей и вера в превосходство привилегированных классов приводили к размышлениям о том, что возрождение Испании требует уничтожения трети мужского населения страны, а гражданская война началась из-за улучшения санитарных условий жизни, в результате которых главари коммунистов не погибли при рождении [32].

Фашизм стал выражением чаяний средних и высших классов и людей, стремившихся к ним примкнуть либо с ними себя ассоциировавших. В частности, буржуазная классовая природа фашизма проявлялась в идеализировании многодетной патриархальной семьи, что в силу материальных причин было неприемлемо для рабочих, которые просто не могли позволить себе соблюдение патриархальных добродетелей [20]. Патриархальная буржуазная семья была идеалом и в фашистской Италии, и в национал-социалистической Германии, и в франкистской Испании.

* * *

Указанные особенности фашистских движений и их общие черты свидетельствуют о том, что «фашизм» как собирательный термин — достаточно неопределенное понятие и для ясности его осмысления полезно использовать более конкретные определения политических движений исходя из их принадлежности к определенной стране и эпохе в более узком и конкретном контексте.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лёхин И. В., Струве М. Э. Краткий политический словарь. Изд. 2-е, доп. и перераб. М.: Политиздат; 1969. 397 с.
2. Школьный словарь иностранных слов. Иванов В. В., ред. М.: Просвещение; 1983. 207 с.
3. Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А., Красин Ю. А., Плетнёв Э. П. Введение в марксистское обществознание. М.: Политиздат; 1989. 304 с.
4. Музрукова Т. Г., Нечаева И. В. Краткий словарь иностранных слов. М.: Русский язык; 1995.
5. Краткий политический словарь. Оников Л. А., Шишлин Н. В., ред. 3-е изд., доп. М.: Политиздат; 1983. 367 с.
6. Ludwig E. Talks with Mussolini. Boston: Little, Brown and Company; 1933. VIII + 230 p.

7. Payne S. G. *Fascism: Comparison and Definition*. University of Wisconsin Press; 1983. 242 p.
8. Сургуладзе В.Ш. «Государство создает нацию»: Идеология и практика итальянского фашизма. *Вопросы национализма*. 2016;1(25):104–141.
9. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. В 55 т. М.: Изд-во политической литературы; 1967–1970.
10. Цеткин К. Наступление фашизма и задачи пролетариата. Доклад на расширенном пленуме Исполкома Коминтерна. М.: Красная новь; 1923. 48 с.
11. Димитров Г. Наступление фашизма и задачи коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма. Доклад и заключительное слово. VII Всемирный конгресс коммунистического Интернационала. М.: Партиздат ЦК ВКП(б); 1935. 128 с.
12. Сандомирский Г. Закат фашизма. Вопросы современности. Ленинград: Прибой; 1925. 188 с.
13. Гейден К. История германского фашизма. М. — Л.: Государственное социально-экономическое издательство; 1935. 394 с.
14. Лопухов Б.Р. История фашистского режима в Италии. М.: Наука; 1977. 296 с.
15. Галкин А.А. Германский фашизм. Изд. 2-е, доп. М.: Наука; 1989. 352 с.
16. Иллюстрированный энциклопедический словарь. Бородулин В. И., Горкин А. П., Гусев А. А. и др., ред. М.: Большая Российская энциклопедия; 2000. 1038 с.
17. Мартин О. История философии. Минск: Белфаксиздатгрупп; 1999. 192 с.
18. Blackburn S. *The Oxford Dictionary of Philosophy*. 2nd edition. Oxford University Press; 2005. 408 p.
19. Устрялов Н.В. Италия — колыбель фашизма. М.: Алгоритм; 2012. 240 с.
20. Ридли Д. Муссолини. М.: АСТ; 1999. 448 с.
21. Pollard J.F. *The Fascist Experience in Italy*. London: Routledge; 1998. 163 p.
22. Новейшая история. 1939–1975 гг. Александров В.В., ред. М.: Высшая школа; 1977. 624 с.
23. Грицанов А. А., Румянцева Т.Г. Фашизм. Новейший философский словарь. Грицанов А. А., сост. Минск: Изд-во В.М. Скакун; 1998. 896 с.
24. Румянцева Т.Г. Освальд Шпенглер. Минск: Книжный дом; 2008. 192 с.
25. Устрялов Н.В. Германия: В круговороте фашистской свастики. М.: Алгоритм; 2012. 272 с.
26. Генри Э. Гитлер над Европой? Гитлер против СССР. М.: Русский раритет; 2004. 488 с.
27. Добрынин А. Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.) М.: Автор; 1996. 688 с.
28. Гайдар Е. Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: Российская политическая энциклопедия; 2006. 440 с.
29. Oakeshott M. J. *The Social and Political Doctrines of Contemporary Europe*. American edition. New York: Cambridge University Press; 1950.
30. Шпеер А. Воспоминания. Смоленск: Русич; 1998. 720 с.
31. Тиссен Фриц. Я заплатил Гитлеру. Исповедь немецкого магната. 1939–1945. М.: Центрполиграф; 2008. 255 с.
32. Ходжес Г.Э. Франко: Краткая биография. М.: АСТ, Ермак; 2003. 382 с.
33. Payne S. G. *Falanga: A History of Spanish Fascism*. Stanford University Press; 1961. 316 p.
34. Пожарская С.П. Франсиско Франко и его время. М.: Алгоритм; 2014. 352 с.

REFERENCES

1. Lyokhin I. V., Struve M. E. *Brief political dictionary*. 2nd ed. Moscow: Politizdat; 1969. 397 p. (In Russ.).
2. *School dictionary of foreign words*. Ivanov V. V., ed. Moscow: Prosveshhenie; 1983. 207 p. (In Russ.).
3. Burlatskij F. M., Galkin A. A., Krasin Yu. A., Pletnyov E. P. *Introduction to Marxist social science*. Moscow: Politizdat; 1989. 304 p. (In Russ.).
4. Muzrukova T. G., Nechaeva I. V. *Brief dictionary of foreign words*. Moscow: Russkij yazyk; 1995. 396 p. (In Russ.).
5. *Brief political dictionary*. Onikov L. A., Shishlin N. V., eds. 3rd ed. Moscow: Politizdat; 1983. 367 p. (In Russ.).
6. Ludwig E. *Talks with Mussolini*. Boston: Little, Brown and Company; 1933. VIII + 230 p.
7. Payne S. G. *Fascism: Comparison and Definition*. University of Wisconsin Press; 1983. 242 p.

8. Surguladze V. Sh. "The state creates the nation": Ideology and practice of the Italian fascism. *Voprosy nacionalizma*. 2016;1(25):104–141. (In Russ.).
9. Lenin V. I. Complete works. 5th ed. Vol. 55. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury; 1967–1970. (In Russ.).
10. Tsetkin K. The assault of fascism and the task of the proletariat. Report at the enlarged plenary session of the Comintern Executive Committee. Moscow: Krasnaya nov; 1923. 48 p. (In Russ.).
11. Dimitrov G. The assault of fascism and the task of the Communist international in the struggle for the unity of the working class against fascism. Moscow: Partizdat TsK VKP(b); 1935. 128 p. (In Russ.).
12. Sandomirskij G. The decline of fascism. Issues of our time. Leningrad: Priboj; 1925. 188 p. (In Russ.).
13. Gejden K. History of the German fascism. Moscow–Leningrad: Gosudarstvennoe sotsial'no-ehkonomicheskoe izdatel'stvo; 1935. XXXVI+394 p. (In Russ.).
14. Lopukhov B. R. History of the fascist regime in Italy. Moscow: Nauka; 1977. 296 p. (In Russ.).
15. Galkin A. A. The German fascism. 2nd ed. Moscow: Nauka, 1989. 352 p. (In Russ.).
16. Illustrated encyclopaedic dictionary. Borodulin V. I., Gorkin A. P., Gusev A. A. et al., eds. Moscow: Bol'shaya Rossijskaya ehntsiklopediya; 2000. 1038 p. (In Russ.).
17. Martin O. History of philosophy. Minsk: Belfaksizdatgrupp, 1999. 192 p. (In Russ.).
18. Blackburn S. The Oxford Dictionary of Philosophy. 2nd edition. Oxford University Press; 2005. 408 p.
19. Ustryalov N. V. Italy — a fascism cradle. Moscow: Algoritm; 2012. 240 p. (In Russ.).
20. Ridli D. Mussolini. Moscow: AST; 1999. 448 p. (In Russ.).
21. Pollard J. F. The Fascist Experience in Italy. London: Routledge; 1998. 163 p.
22. Modern history 1939–1975. Aleksandrov V. V., ed. Moscow: Vysshaya shkola; 1977. 624 p. (In Russ.).
23. Gritsanov A. A., Rumyantseva T. G. Fascism. In: The latest philosophical dictionary. by Gritsanov A. A., comp. Minsk: Izdatel'stvo V. M. Skakun; 1998. 896 p. (In Russ.).
24. Rumyantseva T. G. Oswald Spengler. Minsk: Knizhnyj dom; 2008. 192 p. (In Russ.).
25. Ustryalov N. V. Germany: in the swastika cycle. Moscow: Algoritm; 2012. 272 p. (In Russ.).
26. Genri E. Hitler over Europe? Hitler against USSR. Moscow: Russkij raritet; 2004. 488 p. (In Russ.).
27. Dobrynin A. F. Strictly confidential. Ambassador in Washington under six U.S. presidents (1962–1986). Moscow: Avtor; 1996. 688 p. (In Russ.).
28. Gajdar E. T. The fall of the Empire. Lessons for modern Russia. Moscow: Rossijskaya politicheskaya entsiklopediya; 2006. 440 p. (In Russ.).
29. Oakeshott M. J. The Social and Political Doctrines of Contemporary Europe. American edition. New York: Cambridge University Press; 1950.
30. Shpeer A. Reminiscence. Smolensk: Rusich; 1998. 720 p. (In Russ.).
31. Tissen F. I paid Hitler. Confession of the German magnate. 1939–1945. Moscow: Tsentrpoligraf; 2008. 255 p. (In Russ.).
32. Khodzhes G. E. Franco: brief biography. Moscow: AST, Ermak; 2003. 382 p. (In Russ.).
33. Payne S. G. Falanga: A History of Spanish Fascism. Stanford University Press; 1961. 316 p.
34. Pozharskaya S. P. Francisco Franco and his time. Moscow: Algoritm; 2014. 352 p. (In Russ.).

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-4-63-69

УДК 32(045)

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ*

Пырма Роман Васильевич, канд. полит. наук, доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
rpyrma@gmail.com

Аннотация. В статье проведен обзор исследований, оценивающих эффекты влияния цифровых технологий коммуникации на политическое участие граждан. Политическое участие понимается как проявление гражданской активности. Автор рассматривает изменения форм политического участия граждан при переходе цифровых коммуникаций от однонаправленных информационных технологий Web 1.0 к интерактивным технологиям Web 2.0, используемых в социальных медиа. Оценка влияния цифровых коммуникаций на общественную активность показана с различных обоснованных позиций «кибер»-пессимистов и оптимистов. Пессимисты отмечают негативные эффекты расширения использования цифровых коммуникаций, которые состоят в общественной разобщенности, размывании социального капитала и, как следствие, в снижении гражданской и политической активности. В свою очередь, оптимисты утверждают, что интенсивное использование цифровых коммуникаций открыло возможности для доступа к нужной информации и создания новых форм политического участия, существенно снижая издержки (время, усилия) мобилизации сторонников и координации действий. Причем цифровые медиа создали условия для реализации творческих и неполитических форматов участия, которые часто преобразуются в политические действия. На основании метаданных автор делает вывод об усилении и разнообразии эффектов воздействия цифровых коммуникаций на гражданское и политическое участие.

Ключевые слова: политическое участие; гражданское участие; цифровые коммуникации; молодое поколение; цифровое гражданство

THE INFLUENCE OF DIGITAL COMMUNICATIONS ON POLITICAL PARTICIPATION**

Pyрма R.V., Ph.D. of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
rpyrma@gmail.com

Abstract. The article provides a review of studies assessing the effects of digital communication technologies on the political participation of citizens. Political participation is understood as civic engagement. The author considers the changes in the forms of political participation of citizens in the transition of digital communications from unidirectional information technologies Web 1.0 to interactive technologies Web 2.0 used in social media. Evaluation of the impact of digital communications on public activity is shown from various well-founded positions of 'cyber-pessimists' and 'cyber-optimists'. Pessimists note the negative effects of the increased use of digital communications, which consist of social disunity, the erosion of social capital and, as a result, in a decrease in civil and political activity. In turn, optimists argue that the intensive use of digital communications has opened up opportunities for access to the necessary information and the creation of new forms of political participation, significantly reducing the cost (time, effort) of mobilising supporters and coordinating action. Moreover, digital media has created conditions for the implementation of creative and non-political formats of participation, which are often transformed into political actions. Based on the metadata, the author concluded it is necessary to strengthen and diversity of the effects of digital communication on civic and political participation.

Keywords: political participation; digital communications; young generation; digital citizenship

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта 19-011-31291 опн.

** The study was carried out with the financial support of RFBR and ANO EISI in the framework of the scientific project 19-011-31291 OPN.

Понятие «политическое участие» обычно используется для обозначения взаимодействия граждан с государственными институтами, их вовлеченности в политические процессы и принятия политических решений, тогда как «гражданское участие» обозначает взаимодействие граждан по поводу решения общественно значимых проблем в интересах блага общества [1]. Гражданское участие является средством влияния на жизнь общества, тогда как политическое участие более явно относится к видам деятельности, ориентированным на политику, и непосредственно включает в себя решение политических проблем и формирование системы государственных институтов [2]. Таким образом, политическое участие представляет собой особый тип гражданской активности. Определившись с основными понятиями, рассмотрим, каким образом технологические изменения в массовых коммуникациях оказывают влияние на политические процессы.

СЛАБЫЕ ЭФФЕКТЫ ИНТЕРНЕТА WEB 1.0

В 1990-х гг. XX — начале XXI в. только избранным пользователям «сетевого клуба» была доступна возможность осваивать однонаправленные потоки электронной информации из Интернета. Исследователи расходились во мнениях относительно влияния Интернета на гражданскую и политическую активность. Одни утверждали, что использование Интернета способствует гражданскому упадку, а другие считали, что, напротив, оживляет гражданскую жизнь.

Тогда метаданные большинства исследований свидетельствовали о том, что Интернет оказывает скорее негативное, но несущественное влияние на общественное взаимодействие граждан. Негативной стороной использования Интернета считалось то, что люди отдают предпочтение электронному серфингу вместо того, чтобы заниматься гражданской и политической деятельностью. Ряд авторитетных исследователей утверждали, что Интернет окажет пагубное влияние на взаимодействие граждан, поскольку эта информационная технология используется в основном для развлечений. В результате увлечения Интернетом у людей стало меньше времени для гражданской деятельности, такой как вхождение в социальные группы и общественные ассоциации, общение с семьей и друзьями. Гражданская активность является важным фактором, определяющим участие в политической жизни в связи с ее ролью в создании социального капитала, который обеспечивает фундаментальную составляющую демокра-

тических действий, способствуя межличностному доверию и сотрудничеству, тогда как уменьшение социального капитала ведет к политической разобщенности, что находило подтверждение в наблюдаемом снижении гражданской активности в течение последних нескольких десятилетий [3, 4].

В ответ на негативное видение последствий широкого использования Интернета оптимистично настроенные исследователи обосновывали позитивные стороны его влияния на гражданскую и политическую активность. По их мнению, использование Интернета ведет к расширению социального взаимодействия и быстрому поиску нужной информации, для все большего числа граждан он служит источником получения новостей, способом участия в политической деятельности [5]. В этой группе исследователей-оптимистов одна часть утверждала, что Интернет способствует активизации тех граждан, которые уже предрасположены к участию, осведомлены о политике, вовлечены в политическую деятельность или заинтересованы в ней, так как Интернет сокращает затраты (время, усилия) на доступ к политической информации и предлагает более удобные способы участия в политической жизни (например, онлайн-петиции) [6, 7]. Из этого следует положение о том, что, поскольку предикторы использования Интернета схожи с предикторами взаимодействия, его преимущества распространяются на тех, кто участвует в онлайн-коммуникации. Данное положение основано на концепции «добродетельного круга» П. Норрис, которое заключается в том, что использование СМИ способствует активизации вовлеченных, но не мобилизации новых участников политического процесса [8].

Другая группа исследователей-оптимистов утверждала, что Интернет может мобилизовать политически неактивное население, приводя ряд аргументов. Удобство и доступность интернет-коммуникаций побуждает более широкий круг граждан к участию в политике. Расширение доступа к информации увеличивает политическую осведомленность. Онлайн-возможности самовыражения способствуют выявлению и организации единомышленников, расширению взаимодействия различных групп населения. Удобство или новизна онлайн-взаимодействия может привлечь тех, кто разочаровался в традиционных методах политического участия [9]. Самые видные сторонники этого подхода были сосредоточены на исследовании возможности Интернета влиять на уровень вовлеченности молодых граждан, которые признавались наиболее квалифицированными и интенсивными

пользователями, что повышало их потенциал взаимодействия [10].

При этом обе группы исследователей-оптимистов согласны с тем, что Интернет может активизировать гражданскую жизнь путем расширения доступа к политической информации, содействия политическим дискуссиям, развития социальных сетей и предоставления альтернативного места для политического выражения и участия [11]. Они совместно оспаривали тревожное мнение в научном мире о том, что Интернет способствует гражданскому упадку. Методические данные показали, что существует мало доказательств аргумента о том, что использование Интернета ведет к общественной разобщенности и деградации. Полученные результаты свидетельствовали скорее о положительном влиянии использования Интернета на взаимодействие, но в большинстве случаев эффекты признавались несущественными. При этом многие исследователи полагали, что эффективность воздействия со временем нелинейно, но будет возрастать: расширение доступа к большому и разнообразному набору политической информации будет способствовать гражданской активности, так как Интернет снижает издержки (время, усилия) на политическое участие [12].

НЕОДНОЗНАЧНЫЕ ЭФФЕКТЫ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА WEB 2.0

Переход информационных коммуникаций на интерактивные технологии Web 2.0 расширил пространство взаимодействия граждан на форумах различных сайтов и цифровых платформах социальных медиа. Неограниченный доступ к контенту дополняется неограниченным участием в создании и распространении контента. Каждый потребитель информации теперь сам потенциально является медиа, со своим контентом и своим тиражом. Каждый хочет, может, должен принять участие в общественном разговоре и оказаться услышанным. Web 2.0 создает технологические и психологические возможности для реализации идеологических концептов открытости, равенства, участия. Многие граждане участвуют в политических действиях онлайн, развлекаясь и чувствуя свою значимость, распространяют информацию, координируют уличные акции и т.д. Традиционные формы политического участия теперь опосредованы действиями пользователей онлайн, также приобретающими политический характер. Гражданин сам распространяет политический контент, сам его подгоняет под запросы и интересы своей аудитории. Сегодняшний гражданин под влиянием социальных сетей все

больше становится «политическим потребителем», приобретающим то, что ему нравится, — возможность совершать необременительные и интересные действия, имеющие общественную и политическую значимость (или создающие такую иллюзию).

Через политические события, таких как «арабская весна» 2011 г., итоги избирательных кампаний Б. Обамы в 2008 и 2012 гг., а затем Д. Трампа в 2016 г., вызвали интерес к тому, как цифровые коммуникации в целом и социальные медиа в частности могут повлиять на участие общества в гражданской и политической жизни. На новой волне интереса исследователи пытались оценить влияние использования социальных сетей на политическое участие граждан. «Арабская весна» подогрела интерес к тому, как социальные медиа формируют акции протеста. Ряд исследований, которые рассматривают протестную деятельность (марши, демонстрации, петиции и бойкоты), показывают, что социальные медиа играют положительную роль в участии граждан [13–15]. Однако исследования не прояснили эффекты от влияния социальных медиа на эту форму политической деятельности. Основная часть исследований использует составные индексы, которые сочетают в себе самые разные виды деятельности, что затрудняет определение взаимосвязи использования социальных сетей и протестом [16]. Согласно российским исследованиям, среди активных пользователей социальных сетей уровень симпатии к оппозиции и участникам акций протеста оказывается лишь немного выше. Ряд исследователей не находят оснований, чтобы квалифицировать социальные сети в качестве ключевого триггера общественного и политического активизма [17].

Темы взаимодействия в социальных сетях и получения интернет-новостей доминируют в исследованиях влияния социальных медиа на гражданское и политическое участие. При этом возникло множество конкурирующих концепций о том, как использование социальных медиа может повлиять на политическое участие. Одна из них фокусируется на социальных сетях как форуме для сбора информации или новостей, исходящих от семьи, друзей или традиционных СМИ [18–20]. Исследователи отмечали, что получение знаний по политическим вопросам в социальных сетях будет способствовать гражданскому и политическому участию. Концепция в значительной степени опирается на упомянутые исследования традиционных СМИ, которые показывают, что граждане, получающие из них сведения о текущих событиях, скорее всего будут политически осведомлены и вовлечены [21].

Другая концепция делала акцент на роли социальных медиа в формировании связей, которые могут быть использованы для политической мобилизации. В этом контексте исследования социальных медиа можно подразделить на три потока: 1) размер сети; 2) социальные связи с группами, организациями и активистами; 3) распространение через группы сверстников [22]. Более крупные сети могут увеличить доступ к информации о том, как и почему гражданин должен стать активным. Крупные сети основаны на слабых связях пользователей, что увеличивает вероятность предложений участвовать в общественной и политической деятельности [23]. Например, наличие большой социальной сети может увеличить вероятность увидеть приглашение подписать петицию или принять участие в бойкоте. С другой стороны, широкие сети могут увеличить вероятность увидеть сообщения о том, почему нужно голосовать за одного или другого кандидата. Некоторые исследования посвящены связям с политическими или активистскими организациями с возможностью привлечения сторонников и координации их действий [24]. В части исследований оценивается степень заразительности гражданского и политического участия среди пользователей социальных сетей. Например, какое воздействие оказывает выражение политических взглядов друзей в Интернете на собственное политическое мнение, какие эффекты оказывает социальное давление [25].

В целом метаданные исследований показывали положительную взаимосвязь использования социальных сетей с политическим участием, но оставался открытым вопрос о том, является ли эта связь причинно-следственной и преобразующей. По обобщенным показателям только половина коэффициентов оказалась статистически значимыми [26]. Метаданные также свидетельствовали о том, что использование социальных сетей оказывает минимальное влияние на участие в избирательных кампаниях. Обсуждение было сосредоточено на использовании социальных медиа в избирательных кампаниях Б. Обамы. Хотя эти кампании, возможно, произвели революцию, по результатам исследований было выявлено мало оснований считать социальные медиа эффективными в изменении уровня электорального участия. Несмотря на то что многие признают социальные медиа ключевым фактором победы Д. Трампа на президентских выборах в США, основным каналом получения политических новостей остается телевидение [27]. Таким образом, более широкое использование социальных сетей не повлияло на вероятность голосования граждан [16].

ПОИСК СИЛЬНЫХ ЭФФЕКТОВ ЦИФРОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Несмотря на общие скептические результаты исследований цифровых медиаэффектов в политике, ряд исследователей по мере формирования массового цифрового сообщества делают попытки найти доказательства их сильного воздействия. Аргументы в пользу растущего влияния состоят в том, что Интернет стал доминирующей силой, когда речь идет о сборе средств на избирательную кампанию, получении доступа к информации, обмене мнениями и обсуждении, а также мобилизации людей на политическую деятельность. Сайты социальных сетей, веб-сайты и твиты все чаще служат как проводником политической информации, так и главной общественной ареной, где граждане выражают свои политические идеи, собирают средства и мобилизуют других для голосования, протеста и волонтерской деятельности.

Ряд исследователей, рассматривающих вовлечение молодежи в онлайн-среду, предлагают более широкую интерпретацию гражданской активности. Они находят важные различия между формами онлайн-активности и использованием платформы социальных медиа. Некоторые ученые сосредоточились на конкретных технологиях (например, смартфонах) или платформах социальных сетей (например, Facebook, Google+ или Twitter) [28, 29]. Другой аналитический подход делает акцент на целях (например, поиск информации) и интерактивной динамике взаимодействия (например, обмен информацией) [30].

Отдельные исследователи выделили три вида онлайн-активности: сбор информации, социальное взаимодействие и творческое производство. Они установили, что творческое производство оказывает непосредственное влияние на участие в политической жизни в автономном режиме и Интернете, в то время как результаты сбора информации и социального взаимодействия носят косвенный характер. Последние формы онлайн-активности ведут к более активному участию в политических дискуссиях в Интернете, что, в свою очередь, ведет к более активному политическому участию онлайн и офлайн. Точно так же различают два типа использования социальных сетей: для получения новостей и для социального взаимодействия [31].

Многие исследователи отмечают, что онлайн-активность коренным образом трансформирует политическое участие молодежи. Политическое взаимодействие в молодом возрасте является сильным предиктором будущих моделей взаимодействия

или разъединения [32]. В исследовании политического участия молодежи используют перекрестную структуру, позволяющую определить, в какой степени общие формы онлайн-деятельности способствуют онлайн- и офлайн-формам политической активности. Исследователи считают, что молодежь часто включается в политическое участие через две формы онлайн-активности: деятельность, основанная на дружбе (FD), и деятельность, основанная на интересах (ID). Таким образом, вместо того чтобы группировать онлайн-активность в одномерную категорию или фокусироваться на конкретной технологической платформе (например, Facebook или Twitter), следует различать причины участия молодежи и характер социального взаимодействия в интернете [33].

При этом существуют размытые или пересекающиеся границы между различными формами молодежной онлайн-активности и участия в политической жизни. В рамках своей деятельности в области FD и ID люди часто обмениваются информацией или мнениями по политическим вопросам. Нормы гражданства расширяют формы политического участия. Даже деятельность, которая не находится на политической арене или непосредственно не направлена на влияние на политических акторов, может рассматриваться как составляющая политического участия, если она используется участниками «для выражения своих политических целей и намерений» [34]. Онлайн-мероприятия могут соответствовать определению как политического участия, так и деятельности ID или FD, поскольку они подчас имеют несколько мотиваций, как политических, так и неполитических [35]. Сравнительные исследования подтверждают, что большинство молодых людей используют социальные медиа для общения с друзьями и семьей, занятий интересным делом и развлечений, а не для политической деятельности [36]. Однако эти и связанные с ними исследования также обнаруживают, что на пользователей Интернета оказывается преднамеренное или случайное политическое воздействие.

На основании этого формулируется гипотеза, что практика использования цифровых медиа создает стимулы для политической активности (как онлайн, так и офлайн) путем развития социальных сетей, которые способствуют выявлению политических проблем. В итоге исследователи приходят к выводу, что размер социальных сетей, используемых молодыми людьми, взаимосвязан с онлайн-активностью FD и ID для продвижения политической активности. Участие пользователей, включенных в большие

социальные сети (более слабые связи), как FD, так и ID, приводит к увеличению уровня офлайн-политической активности, а сочетание ID с крупными социальными сетями — к увеличению уровня онлайн-политической активности. Выводы подтверждают предположение о том, что деятельность FD и ID онлайн способствует политическому участию, и это подчеркивает политическое значение слабых связей, воплощенных в крупных социальных сетях [37]. Хотя молодежь выказывает неприятие политики, она использует все имеющиеся средства для выполнения основных задач гражданского участия. Посредством сочетания личных и цифровых коммуникаций молодые граждане обсуждают важные вопросы со сверстниками и референтными лицами, переопределяя динамику гражданской жизни [32].

Хотя исследователи находят мало доказательств того, что использование цифровых коммуникаций оказывает серьезное влияние на политическую активность молодежи, они установили прямую зависимость положительного воздействия на молодых людей таких цифровых медиа, как блоги, онлайн-новости и общественная дискуссия. Отдельные онлайн-действия, такие как общение с должностными лицами, политические заявления, волонтерские акции и протесты, имеют самостоятельное значение. Исследователи обнаружили также тесную связь между политическими действиями в Интернете (такими как присоединение к политическим группам и подписание петиций) и офлайн, которые подрывают представления о пассивности молодежи [38].

По мнению исследователей, формы политического участия в демократических обществах быстро расширяются и принимают различные виды: голодание, демонстрации, волонтерство, бойкотирование, ведение блогов и флешмобы. Также появляется множество разнообразных творческих, выразительных, индивидуализированных и цифровых форм участия. Старые и новые формы систематически интегрируются в многомерную модель политического участия, охватывающую (1) голосование, (2) участие в цифровой сети, (3) институционализированное участие, (4) протест, (5) гражданское участие и (6) участие потребителей. Принимая во внимание, что творческие, экспрессивные и индивидуализированные способы, по-видимому, являются экспансиями протестных действий, формы с цифровой сетью четко устанавливают новый и отличный способ политического участия, который вписывается в общий репертуар политического участия [39]. Результаты исследований подчеркивают необходимость изучения многочисленных форм онлайн-активности

наряду с политически ориентированной онлайн-деятельностью, чтобы понять тенденции развития политических коммуникаций и участия.

В заключение следует заметить, что цифровые коммуникации стали играть все более заметную роль в гражданской и политической жизни. В частности, новые медиа способствуют политическому участию, так как имеют свойство интерактивности, возможности координации действий сторонников, посредством которых оказывается влияние на электоральную активность и обсуждение важных для общества вопросов. Последствиями цифрового сдвига в информационных коммуникациях стали новые возможности и риски политического взаимодействия, которые привели к формированию новых практик и форм участия.

Все больше исследователей отмечают очевидное снижение политического участия и негативные тенденции для демократии. Вместе с тем Р. Далтон утверждает, что в предыдущих исследованиях были

неверно диагностированы источники политических изменений и последствия изменений норм гражданства для политической активности американцев. Нормы гражданства переходят от модели гражданства, основанного на долге, к активному гражданству. Этот сдвиг в норме не разрушает участие, а меняет и расширяет модели политического участия [40]. Р. Далтон показывает, что вопреки общепринятому мнению нынешнее поколение молодежи более политически активно и терпимо, более привержено социальной справедливости. Молодежь создает новые нормы гражданства, которые ведут к возрождению демократического участия [41].

В целом же цифровые медиа создали различные творческие способы участия в социальной и политической жизни, которые в конечном итоге превращаются в значимые действия. Неполитические формы участия в цифровой сети иногда могут быть гораздо более эффективными, чем политические.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Barrett M., Zani B. *Political and Civic Engagement: Multidisciplinary Perspectives*. London: Routledge; 2014. 562 p.
2. McCartney A. R. M., Bennion E. A., Simpson D. W. *Teaching Civic Engagement: From Student to Active Citizen*. Washington: American Political Science Association; 2013; 536 p.
3. Putnam R. Tuning In, Tuning Out: The Strange Disappearance of Social Capital in America. *Political Science and Politics*. 1995;28(4):664–683.
4. Putnam R. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster; 2000. 357 p.
5. Howard P. N. *New media campaigns and the managed citizen*. New York: Cambridge University Press; 2006. 264 p.
6. Bimber B. The Internet and citizen communication with government: Does the medium matter? *Political Communication*. 1999;16:409–429.
7. Weber L. M., Loumakis A., Bergman J. Who participates and why? An analysis of citizens on the Internet and the mass public. *Social Science Computer Review*. 2003;21:26–42.
8. Norris P. *A Virtuous circle: Political communications in postindustrial societies*. New York: Cambridge University Press; 2000.
9. Barber B. The uncertainty of digital politics: Democracy's uneasy relationship with information technology. *Harvard International Review*. 2001;23:42–48.
10. Carpini D. Gen.com: Youth, civic engagement, and the new information environment. *Political Communication*. 2000;17:341–350.
11. Polat R. K. The Internet and political participation: Exploring the explanatory links. *European Journal of Communication*. 2005;20:435–459.
12. Boulianne Sh. Does Internet Use Affect Engagement? A Meta-Analysis of Research. *Political Communication*. 2009;26:2:193–211.
13. Macafee T., De Simone J. J. Killing the bill online? Pathways to young people's protest engagement via social media. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 2012;15(11):579–584.
14. Gil de Zúñiga H., Copeland L., Bimber B. Political consumerism: Civic engagement and the social media connection. *New Media & Society*. 2013;16(3):488–506.
15. Valenzuela S. Unpacking the use of social media for protest behavior: The roles of information, opinion expression, and activism. *American Behavioral Scientist*. 2013;57(7):920–942.
16. Boulianne Sh. Social media use and participation: a meta-analysis of current research. *Information, Communication & Society*. 2015;18(5):524–538.

17. Петухов В.В., Бараш Р.Э., Седова Н.Н., Петухов Р.В. Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия. *Власть*. 2014;(9):11–19.
Petukhov V.V., Barash R.E., Sedova N.N., Petukhov R.V. Civic activism in Russia: Motivation, values and forms of participation. *Vlast*. 2014;(9):11–19. (In Russ.).
18. Dimitrova D.V., Shehata A., Strömbäck J., Nord L.W. The effects of digital media on political knowledge and participation in election campaigns: Evidence from panel data. *Communication Research*. 2014;41(1):95–118.
19. Holt K., Shehata A., Strömbäck J., Ljungberg E. Age and the effects of news media attention and social media use on political interest and participation: Do social media function as leveller? *European Journal of Communication*. 2013;28(1):19–34.
20. Towner T. All political participation is socially networked? New media and the 2012 election. *Social Science Computer Review*. 2013;31(5):527–541.
21. Tang G., Francis L.F. Lee. Facebook use and political participation: The impact of exposure to shared political information, connections with public political actors, and network structural heterogeneity. *Social Science Computer Review*. 2013;31(6):763–773.
22. Gil de Zúñiga H., Jung N., Valenzuela S. Social media use for news and individuals' social capital, civic engagement and political participation. *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2012;17:319–336.
23. McPherson M., Smith-Lovin L., Brashears M.E. Social Isolation in America: Changes in Core Discussion Networks over Two Decades. *American Sociological Review*. 2006;71(3):353–375.
24. Bode L., Vraga E.K., Borah P., Shah D.V. A new space for political behavior: Political, social networking and its democratic consequences. *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2014;19:414–429.
25. Vitak J., Zube P., Smock A., Carr C.-T., Ellison N., Lampe C. It's complicated: Facebook users' political participation in the 2008 election. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 2011;14(3):107–114.
26. Xenos M., Vromen A., Loader B.D. The great equalizer? Patterns of social media use and youth political engagement in three advanced democracies. *Information, Communication & Society*. 2014;17(2):151–167.
27. Mitchell A., Gottfried J., Barthel M. Trump, Clinton Voters Divided in Their Main Source for Election News, 2017. URL: <https://www.journalism.org/2017/01/18/trump-clinton-voters-divided-in-their-main-source-for-election-news/> (дата обращения/accessed on 03.07.2019).
28. Theocharis Y., Quintelier E. Stimulating citizenship or expanding entertainment? The effect of Facebook on adolescent participation. *New Media & Society*. 2016;18(5):817–836.
29. Zhang W., Seltzer T., Bichard S.L. Two sides of the coin: Assessing the influence of social network site use during the 2012 U.S. presidential campaign. *Social Science Computer Review*. 2013;31(5):542–551.
30. Ekström M., Östman J. Information, interaction, and creative production: The effects of three forms of Internet use on youth democratic engagement. *Communication Research*. 2015;42(6):796–818.
31. Gil de Zúñiga H., Molyneux L., Zheng P. Social media, political expression, and political participation: Panel analysis of lagged and concurrent relationships. *Journal of Communication*. 2014;64(4):612–634.
32. Plutzer E. Becoming a habitual voter: Inertia, resources, and growth in young adulthood. *American Political Science Review*. 2002;96(1):41–56.
33. Ito M., Baumer S., Bittanti M., Boyd D. et al. Hanging out, messing around, and geeking out. Cambridge, MA: MIT Press; 2009. 440 p.
34. Van Deth J.W. A conceptual map of political participation. *Acta Politica*. 2014;49(3):349–367.
35. Hooghe M. Defining political participation: How to pinpoint an elusive target? *Acta Politica*. 2014;49(3):338–341.
36. Kahne J., Bowyer B. The Political Significance of Social Media Activity and Social Networks. *Political Communication*. 2018;35(3):470–493.
37. Soep E. Participatory Politics: Next-Generation Tactics to Remake Public Spheres; 2014. URL: https://ypp.dmlcentral.net/sites/default/files/publications/Participatory_Politics_Next_Generation.pdf (дата обращения/accessed on 03.07.2019).
38. Boulianne S., Theocharis Y. Young people, digital media, and engagement: a meta-analysis of research; 2018. URL: <https://doi.org/10.1177/0894439318814190> (дата обращения/accessed on 03.07.2019).
39. Theocharis Y., Van Deth J. The continuous expansion of citizen participation: A new taxonomy. *European Political Science Review*. 2018;10(1):139–163.
40. Dalton R.J. Citizenship Norms and the Expansion of Political Participation. *Political Studies*. 2008;56(1):76–98.
41. Dalton R.J. The Good Citizen: How a Younger Generation Is Reshaping American Politics. CQ Press; 2015. 240 p.

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-4-70-77

УДК 32(045)

ЭКОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА: ДЕСТРУКТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ИДЕОЛОГИИ ЭКОЛОГИЗМА И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ*

Шатилов Александр Борисович, канд. полит. наук, профессор, декан факультета социологии и политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
ashatilov@fa.ru

Аннотация. Статья посвящена деструктивным и экстремистским аспектам идеологии экологизма (энвайронментализма), а также деятельности современных экологических организаций в России и за рубежом, прежде всего в развитых государствах мира, где «зеленая» тема является наиболее актуальной. Особое внимание уделяется теме ангажированности и субъективной составляющей политической активности экологов, их вовлеченности в проекты политической и экономической конкуренции. Также исследуются различные проявления негативной для общества деятельности «зеленых»: от участия в политических и идеологических манипуляциях до экотерроризма. Кроме того, в статье поднимается вопрос о профилактике и способах борьбы с радикальным экологизмом.

Ключевые слова: экологизм; энвайронментализм; политика; «зеленые»; деструктивность; экстремизм; экотерроризм

ECOLOGY AND POLITICS: DESTRUCTIVE ASPECTS OF THE IDEOLOGY OF ENVIRONMENTALISM AND ENVIRONMENTAL ORGANIZATIONS' ACTIVITIES**

Shatilov A.B.,

Ph.D., Professor, Dean of the Faculty of Sociology and Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia
ashatilov@fa.ru

Abstract. The article is devoted to destructive and extremist aspects of the ideology of ecologism (environmentalism), as well as the activities of modern environmental organisations in Russia and abroad, especially in the developed countries of the world, where the “green” theme is the most relevant. Particular attention the author paid to the topic of engagement and subjective component of the political activity of environmentalists, their involvement in projects of political and economic competition. Also explores the various manifestations of the negative activities of “green”: from political and ideological manipulation to the terror. Also, the article raises the question of prevention and ways to combat radical environmentalism.

Keywords: environmentalism; environmentalism; politics; “green”; destructiveness; extremism; ecoterrorism

---

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article is prepared according to the results of studies carried out at the expense of budgetary funds on the state task of the Financial University.

В общественном мнении, публицистике, да и в научной литературе идеологию экологизма (энвайронментализма) и деятельность экологических организаций принято рассматривать исключительно в позитивном ключе, подчеркивая их роль в деле защиты окружающей среды и здоровья населения. Действительно, активность энтузиастов-экологов не может не внушать уважения, особенно с учетом того, что урбанизация, технологическая революция и активная эксплуатация природных богатств бросают человечеству серьезные вызовы и создают существенные риски.

Тем не менее, в отличие от непрофессионалов, многие экологи и экологические организации ведут деятельность, далекую от интересов общества, к тому же отмеченную выраженной или латентной политической ангажированностью. Более того, как показывает практика, организованная деятельность экологов невозможна без серьезной финансовой подпитки, а это означает, что в большинстве своем они имеют спонсоров, а стало быть в той или иной степени вынуждены обслуживать интересы поддерживающих их государственных и коммерческих структур.

Поэтому, невзирая на свой образ бескорыстных и бескомпромиссных защитников «зеленого мира» и биосферы, современные экологи чаще всего являются вполне рациональными и ангажированными политическими и бизнес-акторами. И нередко их деятельность носит деструктивный, а то и экстремистский характер. При этом их участие в большой политике и большом бизнесе обусловлено целым рядом объективных и субъективных причин.

Во-первых, такой причиной является их ярко выраженный экологический эгоизм, который проявляется в абсолютизации «зеленой идеи» и принудительном навязывании своих субкультурных приоритетов всему остальному обществу в качестве обязательных. Во многом именно такая жесткая нормативность и безапелляционность экологов привели их к политической активизации на рубеже 1970–1980-х гг. и созданию профильных политических партий и движений.

Во-вторых, политическая активность экологов обусловлена их несамостоятельностью и зависимостью от источников финансирования. Ввиду того что экологическая актив-

ность даже на уровне регионов (не говоря уже о национальном и международном уровнях) требует существенных организационных и материальных затрат, экологические структуры не в состоянии существовать на членские взносы или периодические пожертвования меценатов. Это заставляет их искать поддержку в лице политических либо предпринимательских субъектов, которые в ответ требуют от экологов публичной активности и лоббирования тех или иных инициатив спонсоров. Кстати, именно этим обстоятельством чаще всего обусловлены непоследовательность и выборочность деятельности ведущих экологических организаций мира.

В-третьих, политизация современного экологического движения вызвана их идеологическими и мировоззренческими предпочтениями. В настоящий момент большинство экологических организаций (особенно на Западе) встроено в процессы глобализации и либерализации и активно участвует в них на правах «младшего брата». Соответственно их внутри- и внешнеполитическая деятельность вольно или невольно направлена против традиционных обществ и недемократических режимов.

В-четвертых, с учетом того что в развитых странах мира базовые политические, экономические и социальные проблемы решены, существует общественный запрос на латентную и пограничную политику. Поэтому деятельность современных экологов является вполне актуальной и востребованной в благополучных государствах, где население хочет обновления политики, а элиты пытаются изыскать дополнительные возможности для поддержания к ней общественного.

В-пятых, в условиях медиатизации и виртуализации социально-политического пространства ведущие экологические организации просто вынуждены заниматься политической деятельностью и участвовать в политических проектах, чтобы поддерживать свою общественную значимость. Соответственно политическая активность позволяет экологистам регулярно присутствовать в медиаполе и «пираться» в общественном мнении.

Но, как уже говорилось выше, политическая и квазиполитическая активность современных «зеленых» нередко имеет деструктивную направленность. Она проявляется в следующих формах.

УЧАСТИЕ В ПОЛИТИЧЕСКИХ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ МАНИПУЛЯЦИЯХ

Прежде всего это касается постепенной трансформации идеологических и политических принципов экологизма и его участия в различного рода коалиционных соглашениях. Раньше его традиционными ценностями являлись гуманизм, пацифизм, социальная справедливость, защита окружающей среды. Однако позже в соответствии с принципами политической целесообразности эти приоритеты серьезно изменились. Так, например, если в 1970–1980-х гг. партия «Зеленые» (ФРГ) резко выступала за выход страны из НАТО и против размещения в Германии ядерного оружия и военных баз США, то в 1990-е гг. эти темы у нее отходят на второй план. А в 2002 г. принимается новая партийная программа, в которой партия отказывается от пункта о выходе ФРГ из Североатлантического альянса, невзирая на то, что геополитическая картина мира с крушением СССР и распадом Организации Варшавского договора кардинально изменилась и блок НАТО превратился в откровенный анахронизм времен холодной войны. Более того, пацифистский настрой деятельности западных «зеленых» также пересматривается. Так, например, министр иностранных дел Германии от немецких экологов, в прошлом — леворадикальный активист Йошка Фишер, невзирая на протесты однопартийцев, в 1999 г. открыто выступил в поддержку военной операции НАТО против Югославии, несмотря на то что активные боевые действия угрожали резко ухудшить экологическую обстановку не только на Балканах, но и в Европе в целом. А в начале 2000-х гг. он, хотя и придерживался официальной линии кабинета Г. Шредера о непризнании легитимности американского вторжения в Ирак, тем не менее активно лоббировал участие НАТО в послевоенном восстановлении Ирака (<https://www.dw.com/ru/%D0%B9%D0%BE%D1%88%D0%BA%D0%B0%D1%84%D0%B8%D1%88%D0%B5%D1%80-%D0%B2-%D1%81%D1%88%D0%B0-%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B9-%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%B-%D0%B0%D1%82/a-919358>).

Также в 2000-е гг. почти повсеместно «зеленые» стали разбавлять свою экологическую программу ранее необязательными, а то и вовсе чуждыми ценностями. В частности, в качестве их приоритетов начинают постулироваться

содействие глобализации, защита прав ЛГБТ, поощрение миграции из стран третьего мира на Запад, борьба с авторитарными и тоталитарными режимами и пр. (http://russian-greens.ru/sites/default/files/filepicker/781/hartiya_vsemirnyh_zelenyh.pdf).

Тем самым экологи идеологически содействовали западным элитам в продвижении в общественном мнении новой ценностной повестки дня и обработке своего электората в неолибертарианском ключе.

ДЕЗОРИЕНТАЦИЯ ОБЩЕСТВА И ПОДДЕРЖАНИЕ НЕЗДОРОВОГО «ЭКОЛОГИЧЕСКОГО АЛАРМИЗМА»

Помимо позитивной части своей программы, «зеленые» активно задействуют в своем политическом продвижении фобии населения современных развитых государств. Более того, во многом с их подачи в современном мире весьма распространенной болезнью становится экофобия, порожденная страхом значительного числа людей относительно возможной глобальной экологической катастрофы. Справедливости ради нужно отметить, что экологистам в этом подыгрывают также литература, СМИ и кинематограф, которые дополнительно нагнетают ужасы нового потопы, великой засухи, ядерного апокалипсиса и прочего экологического свержнегатива.

Кроме того, экологи регулярно формируют в обществе бытовые фобии и предрассудки, которые потом опровергаются учеными. Так, современная наука уже опровергла целый ряд базовых «алармистских» мифов экологов. Например, речь идет о так называемом принципе «гринвошинг», который при поддержке экологов культивируется в ведущих отелях мира с начала 2000-х гг. Постояльцам настойчиво напоминают, что они должны беречь воду и моющие средства, чтобы избежать «истощения ресурсов Земли». В действительности же такая политика является не более чем стремлением отельеров сэкономить на своих гостях. Аналогичная ситуация с обвинениями «зеленых» в адрес промышленного производства — якобы его развитие ведет к увеличению выбросов вредных веществ в атмосферу. При этом не учитывается тот факт, что рост производства в мире происходит параллельно с совершенствованием технологий. На самом деле с 1957 по 2001 г. промышленные выбросы

в атмосферу сократились на 62% (<https://www.kp.ru/daily/22575/18375/>). Научкой и практикой были опровергнуты и другие экологические мифы: о вреде кислотных дождей, рукотворном происхождении озоновых дыр, глобальном потеплении, необходимости раздельного сбора коммунальных отходов и пр.

При этом радикальные экологи, вписанные в неолибертарианскую «повестку», находят все новые пути давления на современные общества, зачастую втягивая в свою активность детей и подростков. Примером может служить раскрутка проекта «Грета Тунберг». Грета Тунберг — шведская школьница, экологическая активистка, которая создала движение Fridays For Future (пятницы ради будущего) и призвала всех учащихся страны и мира вместо учебы по пятницам проводить забастовки, чтобы привлечь внимание политиков к изменению климата. При всей абсурдности акции и невежестве школьницы этот флешмоб получил мощную медиаподдержку в западных СМИ, сама Тунберг в декабре 2018 г. была принята генсеком ООН Антониу Гутеррешем, а в январе 2019 г. посетила Всемирный экологический форум в Давосе (<https://baltnews.ee/authors/20190411/1017575802/ekologiya-dubinka-21-vek-zapad-shantazh.html>).

Более того, продвигая в жизнь свои идеалистические (эгоистические) принципы, экологи зачастую игнорируют текущую политическую и экономическую конъюнктуру, а также интересы большинства. В частности, как в России, так и в других странах мира центральные и региональные власти нередко сталкиваются с требованиями «зеленых» активистов закрыть то или иное производство по причине «недостаточной экологичности». При этом «зеленые» чаще всего не учитывают тот факт, что многие предприятия являются градообразующими, и при осуществлении «экологического сценария» тысячи людей останутся без работы и средств к существованию. Как отметил блогер Олег Макаренко, «по мнению экологов, хороший завод — это закрытый завод, территория которого густо засажена диким лесом». Более того, автор обвиняет экологов в тотальном лицемерии: «Они будут подкармливать зимой птичек салом убитых свиней. Они будут мыть руки вместо обычной воды влажными салфетками — на изготовление каждой из которых уходит больше воды, чем можно потратить на

мытьё с мылом нескольких десятков конечностей» (<https://yablor.ru/blogs/dvenadcat-prichinenavidet-ekologov/2448160>).

РАДИКАЛЬНЫЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АКТИВИСТЫ ПРИНИМАЮТ УЧАСТИЕ В АТАКАХ НА ИНСТИТУТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ И СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ И БИЗНЕС-ИГРОКОВ

Еще одним важным направлением политико-экономической активности современных экологов является протестная деятельность. Невзирая на то что экологические организации уверяют общественность в чистоте своих помыслов и бескорыстности, есть все основания подозревать их в ангажированности и лоббировании проектов тех или иных заказчиков, т. е. в ведении банальной коммерческой деятельности под «зеленым» прикрытием. Чаще всего профессиональные экологи задействованы в различного рода корпоративных и отраслевых конфликтах, а также используются крупным бизнесом для давления на власть при продвижении ресурсоемких проектов. Как пишет один из современных исследователей, «На Западе «зеленые», в первую очередь — Гринпис — давно превратились в могущественные корпорации с миллиардными оборотами денежных средств. Они успешно конвертируют в деньги свое влияние. Для этого они организуют яркие и зрелищные публичные акции, привлекающие внимание телевидения и тиражируемые затем по всему миру» (<http://ecoleaks.info/6447-2/>). В качестве примера можно привести скандальную акцию Гринпис против нефтяного освоения Арктики, начатую в то время, когда российские власти обозначили приоритетность «арктического вектора» своей энергетической политики. Тогда, в августе 2012 г., активистами организации была атакована буровая платформа «Газпрома» — «Приразломная», а также российское сейсморазведочное судно «Геолог Дмитрий Наливкин», что привело к вмешательству погранслужбы Российской Федерации, которая временно задержала агрессивно настроенных экологов. В свою очередь, это вызвало бурную правозащитную кампанию в ведущих западных СМИ, результатом которой стала заморозка на один год работы «Газпрома» и его партнерской компании Royal Dutch Shell (http://www.greenpeace.org/russia/ru/news/2012/September/21-09-2012-Gazprom_broken_dreens).

Тем не менее это не остановило радикальных экологов и с подачи своих заказчиков (прежде всего конкурентов «Газпрома») 18 сентября 2013 г. они вторично атаковали «Приразломную», спровоцировав ответные жесткие контрдействия нефтяников и пограничников (задержание активистов и арест судна «Арктик Санрайз»).

Примечательно, что откровенная заказная и радикальная направленность данной акции Гринписа вызвала негативную реакцию даже у российской либеральной общественности. В частности, известная журналистка Юлия Латынина в эфире радиостанции «Эхо Москвы» назвала Гринпис «экологическим Хамасом, который считает, что может отмотать все, что угодно, и им все сойдет с рук» (<https://dni.ru/society/2013/10/7/261372.html>). Кстати, в настоящее время Гринпис продолжает свою активную антироссийскую геополитическую и геоэкономическую игру, теперь уже торпедируя газопровод «Северный поток-2» (<https://www.greenpeace.org/russia/ru/news/blogs/greenplanet/2/blog/61606>).

Справедливости ради стоит сказать, что привлечение экологов враждующими сторонами к бизнес-конфликтам — не редкость и для российской корпоративной действительности. Взять хотя бы противостояние в 2005–2010 гг. по поводу нефтепровода «Восточная Сибирь — Тихий океан» (ВСТО), который лоббировали «Роснефть» и ее китайские партнеры, а им противостоял альянс «Газпрома» и РЖД (косвенно на их стороне также находилось руководство «Транснефти», всячески затягивающее строительство). Последние привлекли на свою сторону экологов, которые стали атаковать ВСТО по «зеленой» линии, используя то тему загрязнения Байкала, то тему угрозы местам обитания дальневосточного леопарда, находящегося под защитой ЮНЕСКО (<https://textarchive.ru/c-1055759-pall.html>).

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АКТИВИСТЫ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ НКО ПРЯМО ИЛИ КОСВЕННО ПРИНИМАЮТ УЧАСТИЕ В СВЕРЖЕНИИ НЕУГОДНЫХ ИХ СПОНСОРАМ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ (В ТОМ ЧИСЛЕ В РАМКАХ СЦЕНАРИЕВ «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ»)

В силу своей аффилированности с неолитарными элитами экологи нередко принимают участие (прямое или косвенное)

в проектах по свержению недемократических режимов, в том числе «цветных революциях». Их обязанности сродни обязанностям других «правозащитных» организаций — «максимальная дискредитация государства посредством сбора информации о мнимом нарушении прав человека» (<https://topwar.ru/71740-kadrovyy-resurs-cvetnyh-revoluciy-na-kogo-opiraetsya-ssha-v-provokacii-haosa.html>), в данном случае — о нарушении «экологических прав». Кроме того, их активисты довольно часто принимают участие в различного рода акциях протеста, начиная от пикетов и сидячих забастовок до «майданов». Особенно эффективным участие экологов в оппозиционном движении является в развитых странах, где «экологическая повестка дня» стала насущной для значительной части населения (особенно это касается мегаполисов). Конечно, в Тунисе, Египте или Ливии роль экологов в «цветных революциях» была минимальна, однако в Югославии и на Украине «зеленые» внесли достаточно весомый вклад в свержение С. Милошевича и В. Януковича.

Кстати, в последние годы оппозиционные экологи активизировались и в Беларуси, где они тесно смыкаются с белорусскими националистами. Более того, на рубеже 1980–1990-х гг. «зеленые» приняли активное участие в сломе системы управления СССР и дискредитации власти КПСС. В частности, в своем большинстве экологические структуры того времени либо были прямыми участниками движения «Демократическая Россия», либо поддерживали ее платформу. Как отмечают современные ученые Г. А. Трифонова и И. А. Чувашенко: «Идея всеспасительности западных форм цивилизации, доминировавшая в сознании общественно-активного населения, увлекла в тот период и экологическое движение. Пример западных стран, „справившихся“ с экологическими проблемами у „себя дома“, казался убедительным доказательством экологической эффективности частной собственности и парламентской демократии» (<https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-ekologicheskogo-dvizheniya-v-rossii>).

А в 2018–2019 гг. экологи активно задействованы Западом в проектах по дискредитации уже российской власти и раскачиванию ситуации на местах. Например, уже упоминавшийся Гринпис требует остановить строительство Юго-Восточной хорды в Москве, которая якобы пройдет через могильник ядерных отходов.

Реальная цель — затормозить разгрузку столичных магистралей и породить у москвичей-автолюбителей негативное отношение к городской власти.

Но наибольший резонанс имеют акции политэкологов и их союзников в отношении так называемой «мусорной реформы», связанной с созданием системы регулирования сбора и утилизации мусора, в частности со строительством мусоросжигательных заводов и новых полигонов для захоронения отходов. Одновременно реформа сопровождается ростом тарифов на вывоз и утилизацию мусора. Во многом ее запуск был вынужденным, поскольку практически 40 лет никаких подвижек с проблемой утилизации мусора (особенно в мегаполисах) не было. Более того, после 1991 г. была ликвидирована советская централизованная система сбора и вывоза отходов. «В 1990-е гг. от этой системы отказались, что параллельно с новыми вызовами (например, появился пластик) позволило образоваться масштабной мусорной проблеме. Повсеместно во всех регионах стали образовываться стихийные свалки, переполнялись полигоны для утилизации ТБО, жители близлежащих с ними населенных пунктов задыхались от смрада. Ежегодно в России образовывалось 70 млн т мусора, утилизировать который оказалось некуда. Стало ясно, что пришло время для реформирования мусорной сферы», — отмечается на специализированном сайте, посвященном «мусорной реформе» (<https://xn--7sbbt6addhepdce1ax6o.xn--p1ai>).

Все это стало поводом для активизации оппозиции. Причем «левая» ее часть выбрала для критики Правительства России тему повышения тарифов, а либеральная — экологическую. В этом плане показателен пример протестов либеральной общественности на станции Шиес Сольвычегодского региона Северной железной дороги, где планируется создать полигон (ЭкоТехноПарк) для захоронения твердых бытовых отходов из Московского региона. Показательно, что как сама станция, так и территория в округе 20 км является необитаемой. Тем не менее несистемные оппозиционеры активно будируют проблему «экологических рисков для местных жителей», попутно нагнетая негатив по поводу эгоизма москвичей (<https://tass.ru/nacionalnye-proekty/6540861>).

В случае с оппозиционной деятельностью экологов многое проясняется, когда раскры-

ваются имена их спонсоров. Финансирование «зеленым» предоставляли и предоставляют до сих пор «надгосударственные образования и союзы (специальные программы помощи „новым независимым государствам“ со стороны Европейского союза, НАТО и др.); государственные институции (типа Агентства по международному развитию США или посольства Королевства Нидерландов с его программой „малых грантов“); неправительственные организации (бывший Институт советско-американских отношений, Мильеконтакт-Ост Европа в Нидерландах и др.); межрегиональные квазиобщественные организации (наиболее известной из них является Региональный экологический центр в Будапеште, первоначально обслуживавший страны Центральной Европы, а затем распространивший свое влияние и на Восточную Европу); инициативы отдельных государств (Лондонская инициатива) и, наконец, многочисленные общественные и частные фонды (Фонд Эберта, Сороса, Форда, Карнеги фонд)» (<https://www.planet-kob.ru/articles/4045>). Заинтересованность Запада в деятельности наших оппозиционных экологов налицо. Недаром так много экологических НКО в России попали в списки иностранных агентов, которыми они во многом и являются — не только по источникам финансирования, но и в силу политической направленности своей деятельности.

ОПРЕДЕЛЕННАЯ ЧАСТЬ «ЗЕЛЕННЫХ» ПРИНИМАЕТ УЧАСТИЕ В ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ТЕРРОРИЗМЕ

Экологическая культура, несмотря на, казалось бы, свой миролюбивый и плюралистический характер, на самом деле является весьма агрессивной и монологичной, нетерпимой к альтернативным точкам зрения. Радикальные экологи часто используют некорректные методы давления на оппонентов, причем в их среде такие акции «прямого действия» не только не осуждаются, но и воспринимаются с одобрением. При этом их методы «отстаивания истины» могут быть самыми жесткими и противоправными: обливание краской «врагов экологии», поджоги офисов обвиняемых компаний, перекрытие автомобильных и железнодорожных магистралей, неолуддизм, черный пиар в прессе и пр.

Наиболее экстремистски настроенные сторонники «зеленой идеи» встают на путь

экоотерроризма. Конечно, не всякий экологический радикализм можно огульно отнести к террористическому, между ними есть существенная разница. Тем не менее акции экологов и прочих защитников природной среды зачастую наносят существенный материальный урон физическим и юридическим лицам, а бывает, создают угрозу безопасности граждан. ФБР США определяет экологический терроризм как «применение или угроза применения насилия криминального характера против невинных жертв или имуществу граждан со стороны экологически ориентированных, межнациональных групп по эколого-политическим причинам, либо направленных с целью привлечения внимания» (<https://ca.idebate.org/ru/debatabase/tematika/ekonomika/ep-nebudet-nakazyvat-za-ekologicheskij-terrorizm>). При этом экстремисты от экологии руководствуются не правовыми нормами, а эмоциями или чисто произвольно понимаемой справедливостью.

Такого рода правовой нигилизм сродни деятельности террористических структур, которые также пытаются навязать обществу свой субкультурный порядок насильственными средствами. Так, например, в январе 2015 г. трое экоактивистов разбили рекламную вывеску, два окна, холодильную витрину и камеру наблюдения мясного магазина «Страшный сон вегана» в Санкт-Петербурге. При этом, по словам участницы акции Анастасии Соколовой, причиной погрома стало лишь «правдивое, но оскорбительное для зоозащитников название» (<https://www.the-village.ru/village/city/ustory/327131-ekoterra>). Тем не менее отечественные экологи-экстремисты пока не могут конкурировать со своими западными «коллегами». Особо опасными экоотеррористами считаются, например, «члены Фронта освобождения животных (ALF), которые выступают против использования животных в медицинских экспериментах, а также Фронта освобождения Земли (ELF), защищающего путем насилия природную среду от уничтожения и эксплуатации». Наиболее резонансные акции Фонда освобождения животных в США — поджоги горнолыжного курорта в Вейле (1996), бюро по управлению земельными ресурсами в штате Орегон (1997), жилого комплекса в Сан-Диего, штат Калифорния (2003 г.) (<https://www.the-village.ru/village/city/ustory/327131-ekoterra>).

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ НЕРЕДКО ЯВЛЯЮТСЯ «КРЫШЕЙ» ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ РАЗВЕДОК, А ИНОГДА САМИ ВЕДУТ ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ПРОМЫШЛЕННЫЙ ШПИОНАЖ

Экологическая активность и/или экологические исследования уже со второй половины XX в. стали удобным прикрытием для работы разведок различных государств на иностранной территории. Широкими слоями населения данная деятельность обычно воспринимается как безобидная и даже имеющая значительную общественную ценность. Это приводит к тому, что на работу экологов не только граждане, но и правоохранительные органы смотрят сквозь пальцы, зачастую выпуская ее полностью из-под контроля. При этом в большинстве стран мира значительная часть экологической информации относится к числу закрытой и секретной. Это связано с тем, что данные об объемах повышенной экологической опасности, добыче стратегических запасов природных ресурсов, выбросах в атмосферу загрязняющих веществ предприятий, утилизации ядерного, химического и бактериологического оружия и пр. являются информацией «двойного назначения» и могут быть использованы против страны как ее зарубежными противниками, так и террористами.

Зачастую экологический шпионаж осуществляется под видом международного научного сотрудничества. Для России эта проблема была особо актуальна в 1990-е гг., когда ее контрразведка находилась в полуразрушенном состоянии, а ведущих сомнительную деятельность отечественных и зарубежных «экологов» прикрывали высокопоставленные чиновники и общественные деятели (например, председатель Межведомственной комиссии Совбеза России по экологической безопасности в 1993–1997 гг. А. В. Яблоков).

Тем не менее на рубеже 1990–2000-х гг. отечественные спецслужбы пресекли деятельность целого ряда российских специалистов, которые передавали иностранным государствам сведения закрытого характера. Особенно резонансным стало дело Григория Пасько, который, работая военным журналистом, собирал для японской стороны секретную информацию о ВМФ России. При этом сам Пасько отказался признать себя виновным и настаивал на том, что пострадал за сбор информации сугубо эко-

логического характера (<https://rg.ru/2009/10/29/pasko.html>).

Схожие претензии у российских правоохранительных органов возникли также в отношении председателя правления экологического правозащитного центра «Беллона» Александра Никитина (за подготовку доклада «Северный флот — потенциальный риск радиоактивного загрязнения региона» с использованием секретных данных), заведующего лабораторией ядерной океанологии Тихоокеанского океанологического института Владимира Сойфера (за хранение секретных гидрологических данных и совершенно секретной карты бухты Чажма в Японском море, где базируются атомные подводные лодки Тихоокеанского флота), заведующего сектором отдела военно-политических исследований Института США и Канады Игоря Сулягина (за передачу иностранным государствам секретных материалов, касающихся российского атомного подводного флота) (http://www.ng.ru/politics/2002-09-19/1_ecologists.html).

Кроме того, на экологическом шпионаже периодически попадают российской контрразведке и зарубежные «ученые» и «специалисты». Так, например, по делу И. Сулягина был проведен обыск у американского исследователя, сотрудника Принстонского университета Джошуа Хэндлера, который проходил официальную стажировку в Институте США и Канады РАН (<http://trud-archive.ru/?news=6068>). Еще раньше, летом 1995 г., в окрестностях закрытого города Железногорска был задержан Джеймс Карл Линч, профессиональный американский разведчик, якобы проводивший экологическое исследование уровня загрязненности Енисея. При нем было найдено шпионское оборудование, в частности, прибор GPS, карты министерства обороны США, дневниковые записи с цифровыми пометками и зарисовки отдельных участков территории Железногорска (https://www.e-reading.club/chapter.php/54984/14/Strigin_-_KGB_byl%2C_est%27_ibudet._FSB_RF_pri_Barsukove_%281995-1996%29.html).

Экологический шпионаж и разглашение государственной тайны по экологической линии характерны не только для России, но и для других государств мира. В качестве примера можно привести скандал в Израиле в 2007 г., когда местные экологические «доброжелатели»

передали в Гринпис в рамках кампании за безъядерный Ближний Восток данные о ядерных объектах этого государства, которые экологи потом обнародовали в своем официальном докладе (<http://www.ecocommunity.ru/news.php?id=1819>).

КАКИЕ МЕТОДЫ БОРЬБЫ С «ПОЛИТИЗИРОВАННЫМИ» ЭКОЛОГАМИ МОЖЕТ ПОЗВОЛИТЬ СЕБЕ СОВРЕМЕННОЕ ГОСУДАРСТВО?

С точки зрения сложившейся социально-политической конъюнктуры, наименее эффективными являются методы регулярного силового давления и тотальных запретов. Во-первых, это практически сразу приводит к брожению в обществе и контрдавлению на государство со стороны различного рода правозащитных организаций. Во-вторых, это создает экологам романтический образ гонимых и обиженных властью борцов за «зеленую идею». Конечно, речь не идет о том, чтобы игнорировать противозаконную деятельность политиков-экологистов, которая выходит за рамки Уголовного кодекса, тут наказание должно следовать неукоснительно. Однако наиболее целесообразными, с точки зрения регулярной работы на «экологическом фронте», представляются действия в русле политики «мягкой силы». К таковым (применительно к России) относятся:

1. Создание популярных «лоялистских» экологических организаций, находящихся в конструктивном диалоге с властью.

2. Привлечение на свою сторону молодых экологов через создание массового волонтерского движения по образцу советских студенческих дружин по охране природы и студенческих экологических отрядов.

3. Регулярный мониторинг экологической ситуации на местах и разъяснение его результатов специалистами населению регионов.

4. Разоблачение ангажированности и подрывной деятельности экологических организаций — иностранных агентов, прежде всего в СМИ.

5. Разъяснение населению необоснованности экологического алармизма, популяризация идеи здорового образа жизни.

6. Введение наказания для политических и бизнес-акторов, которые для лоббирования своих проектов используют тему экологического алармизма.

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-4-78-82
УДК 327(045)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И ТУРЦИИ ПО ПРОБЛЕМЕ МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА: ГЛУБИННЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ КАК СЛЕДСТВИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ

Зубов Вадим Владиславович, канд. ист. наук, доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
zubov305@yandex.ru

Аннотация. Рост числа беженцев из стран Среднего Востока и Северной Африки в Европу, который произошел после «арабской весны» и активизации движения Талибан в Афганистане, стал серьезным вызовом для Европейского союза (ЕС). Миграционный кризис вынудил ЕС активизировать переговоры с Турцией – страной, которая стала промежуточной точкой для мигрантов на пути в Европу. Очевидно, что обе стороны не заинтересованы в росте числа террористических актов, повышении уровня уличной преступности и появлении обособленных анклавов на территории стран – участниц переговоров. Однако Турция и ЕС не пришли к окончательному соглашению, которое смогло бы полностью обезопасить Европу от неконтролируемого потока беженцев. Несмотря на снижение количества беженцев в 2018 г., опасность для ЕС сохраняется: стремление курдов к созданию независимого государства может быть пресечено силовым путем, а повторный приход талибов к власти вполне реален. Возникает закономерный вопрос: почему Турция, которая была членом НАТО с 1952 г., активно проводила вестернизацию своего общества со времен Мустафы Кемаля и подписала соглашение об ассоциации в 1963 г., занимает недружественную по отношению к ЕС позицию? В статье рассматривается история взаимоотношений Турции и ЕС, анализируется роль стран – членов ЕС в формировании общей позиции по отношению к потенциальному вхождению Турции в организацию. Особое внимание уделяется изменению внешнеполитической конъюнктуры как фактора, который повлиял на приоритеты сторон.
Ключевые слова: миграционный кризис; Ближний Восток; Европейский союз; Турция; многополярность; арабская весна; НАТО; США

THE INTERACTION OF THE EUROPEAN UNION AND TURKEY ON THE PROBLEM OF THE MIGRATION CRISIS: DEEP CONTRADICTIONS AS A RESULT OF CHANGES IN THE GEOPOLITICAL REALITIES

Zubov V.V., PhD of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Political Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
zubov305@yandex.ru

Abstract. The growing number of refugees from the Middle East and North Africa to Europe, which occurred after the onset of the Arab spring and the military strengthening of the Taliban in Afghanistan, has become a severe

challenge for the European Union. The migration crisis has forced the EU to step up negotiations with Turkey, a country that has become a transit point for migrants on their way to Europe. It seems evident both parties are not interested in the increase in the number of terrorist acts, the increase in the level of street crime and the appearance of separate enclaves in the territory of the countries participating in the negotiations. However, Turkey and the EU could not reach a final agreement that could completely secure the "European" border from the uncontrolled flow of refugees. Despite the decrease in the number of refugees in 2018, the danger for the European Union remains: the desire of the Kurds to create an independent state can be stopped by military force, and the re-entry of the Taliban to power is quite real. A legitimate question arises: why has Turkey, which has been a member of NATO since 1952, actively pursued the westernisation of its society since Mustafa Kemal and signed the association agreement in 1963, which is unfriendly towards the EU? The article discusses the history of relations between Turkey and the European Union, analyses the role of the EU member states in forming a common position about Turkey's potential membership in the organisation. The author paid particular attention to changing the foreign policy situation as a factor that influenced the priorities of the parties.

Keywords: migration crisis; Middle East; European Union; Turkey; multipolarity; Arab Spring; NATO; the USA

Начало современного этапа сотрудничества стран Запада и Турции стоит определять с момента окончания Второй мировой войны и денонсации советско-турецкого Договора о дружбе и нейтралитете в марте 1945 г. Турция, сохранявшая нейтралитет во время войны, столкнулась с необходимостью определения своих внешнеполитических ориентиров в рамках формирующегося биполярного мира. Территориальные претензии СССР к Турции (Карс, Артвин и Ардаган), имеющие более чем двадцатилетнюю историю, потенциальные претензии Турции на Крым в случае победы нацистской Германии в войне, последующая депортация крымских татар, имевших тесные взаимоотношения с Турцией, щедрые денежные вливания, предложенные Соединенными Штатами Америки в рамках Доктрины Трумэна, повлияли на выбор Турецкой республики. Вступив в 1952 г. в НАТО, Турция на десятилетия вперед определила роль в международной политике, фактически предопределив свое дальнейшее сотрудничество со странами Западной Европы, объединявшимися вокруг Европейского экономического сообщества (ЕЭС).

Взаимодействие Турции и Европейского союза (как и его логических предшественников) отсчитывается с 1959 г. и делится на несколько этапов [1]. Первый этап начался с момента подачи Турцией заявки на вступление в ЕЭС и закончился в 1989 г. после отказа ЕЭС принять Турцию в свои ряды, что объяснялось недостаточностью проведенных реформ, несмотря на позитивные сдвиги, отмеченные в отчете Комиссии ЕЭС. Второй этап следует отсчитывать

с момента подписания в 1995 г. таможенного соглашения с ЕС, оформленного в нынешнем виде Маастрихтским договором в 1992 г. Третий этап начался в 1999 г. после получения Турцией официального статуса страны-кандидата на вступление в Европейский союз (ЕС) и продолжается до сих пор.

Представляется, что рассматривать взаимодействие ЕС и Турции по проблеме миграционного кризиса невозможно в отрыве от множества факторов, повлиявших в конечном итоге на изменение внешнеполитических приоритетов Турции, элита и остальное население которой стали относиться к идее о вступлении в ЕС более критично.

На протяжении последних 100 лет отношения европейских стран и Турции во многом определялись греческо-турецким конфликтом, который так и не был решен окончательно. Во время Первой мировой войны страны Антанты поддерживали Грецию в ее противостоянии с силами кемалистов. Однако Антанта не приняла серьезных усилий для того, чтобы обеспечить победу Греции в войне, что привело к военному поражению последней и подписанию Лозаннского мирного договора в 1923 г., который сохранил Турцию в качестве серьезного регионального игрока. Стоит подчеркнуть, что данные события рассматриваются в Турции как война за независимость и считаются ключевым событием в турецкой истории новейшего времени. По этой причине, несмотря на прозападную ориентацию Мустафы Кемала, последующее турецкое взаимодействие с европейскими странами было непростым. Боевые действия между Грецией и Турцией, происходившие на Кипре в 1974 г.

и приведшие к разделению острова на два независимых государства, подчеркивают ожесточенность греко-турецкого конфликта: обе страны входили в НАТО, а инцидент случился в период холодной войны, логика которой требовала от членов альянса проявлять единение и тем более не вступать в открытые конфликты друг с другом. После принятия Греции в ЕС страна активно противодействовала попыткам Турции вступить в организацию без одновременного решения проблемы Северного Кипра. Это привело к тому, что в 1999 г. в перечень требований, предъявляемых ЕС к Турции (для вступления республики в ЕС), был включен пункт о необходимости решения греко-турецкого конфликта на Кипре, что было воспринято политическим руководством Турции как обман и фактический отказ со стороны ЕС.

Также существенное влияние на отношения Турции и Европейского союза оказывает история германо-турецкого взаимодействия. Германия, поддерживавшая свою экономику через привлечение иностранных рабочих, к началу XXI в. имела крупнейшую общину турок в Европе (около 3,5 млн чел.), что создает сложности для взаимодействия двух стран из-за их зависимости друг от друга. Турция (прежде всего через многочисленную диаспору) обладает внушительным набором рычагов влияния на Германию, которая, в свою очередь, способна удовлетворить потребности ослабленной турецкой экономики в инвестициях. При этом позиции ключевых немецких партий по отношению к вступлению Турции в ЕС разнились от сугубо отрицательной — у «официальных» консерваторов (ХДС/ХСС) до положительной — у представителей «левых» (СДПГ) [2]. Недоверие и осторожность со стороны Ангелы Меркель к любым интеграционным процессам, проходившим между ЕС и странами, значительно отличавшимися от стран Западной Европы своим политическим и культурным укладом (Россия, Украина, Грузия), вызывали существенное недовольство у турецких элит.

Однако надо думать, что вышеупомянутые противоречия послужили основой для внешнеполитической переориентации Турции, причиной которой следует считать распад Советского Союза, который открыл широкое окно возможностей перед страной. При этом Турция имеет серьезный потенциал для реализации трех направлений (доктрин), зачастую взаимосвязан-

ных друг с другом: неоосманизма, пантюркизма и панисламизма.

Во время холодной войны Ближневосточный регион был местом противостояния Советского Союза и США. СССР поддерживал различные политические силы, объединенные идеей модернизации арабского общества и стремлением к созданию единого государства, построенного на началах арабского социализма (Египет, Сирия, ИДРЙ, Ирак). При этом данные страны имели напряженные отношения с Турцией, которая воспринималась ими как наследница Османской империи, против которой вели борьбу идеологические предшественники арабских социалистов. Также имели место территориальные конфликты между Турцией и Сирией по поводу региона Хатай, который был присоединен к Турции в 1939 г. США поддерживали традиционные монархии Ближнего Востока, Израиль и различных консервативных деятелей, выступавших против секуляризации, проводимой арабскими социалистами.

Уход СССР из большинства стран региона, вторжение американских войск в Ирак и вывод сирийских войск из Ливана серьезно изменили обстановку на Ближнем Востоке. Неудавшийся проект по созданию Объединенной Арабской республики Сирии и Египта, вражда между сирийскими и иракскими ветвями партии БААС и общее разочарование арабов в идеях социализма привели к тому, что в этих странах образовался серьезный идеологический вакуум, который постепенно стала заполнять Турция. В данном направлении (неоосманизм) Турция активизировала свою деятельность после событий «арабской весны» и начала гражданской войны в Сирии в 2011 г. После нескольких лет гражданской войны идея турецкого покровительства над отдельными территориями Сирии для большинства противников сирийского правительства, фактически проигравших борьбу с ним, остается наиболее привлекательным вариантом. Контролируя данные территории, Турция получила возможность ограничивать доступ сирийских беженцев к себе. Это дает ей возможность угрожать Европейскому союзу новыми волнами беженцев, не обременяя себя содержанием мигрантов на своей территории. При этом попытки интегрировать сирийские территории в турецкую правовую и административную действительность входят в явное противоречие с условиями ЕС о вхождении Турции в его

состав (<https://mk-turkey.ru/politics/2018/11/02/mo-turciya-rasshiryayet-svooyo-vliyanie.html>).

Развал Советского Союза привел к образованию множества независимых государств, большинство населения которых составляют тюркские народы, составляющие одну этноязыковую общность с турками. В 2009 г. был создан Тюркский совет — организация, в состав которой входят государства, населенные тюркоязычными народами. Турция распространяла свое влияние при помощи образовательных учреждений, создаваемых движением «Хизмет» Фетхуллага Гюлена, которые активно действовали в странах бывшего СССР (в России движение было особенно активно в Татарстане) [3]. Сотрудничество с тюркоязычными странами дает широкие возможности для Турции по использованию дешевой рабочей силы из этих государств, что в будущем позволит ей укрепить свою экономику и снизить зависимость от Европейского союза, на объемы инвестиций которого все больше влияет политическая конъюнктура.

Противостояние Саудовской Аравии, возглавляющей суннитский лагерь, и Ирана — крупнейшей шиитской страны существенно подрывало авторитет первой из-за противоречивой политики, проводимой ее руководством (сотрудничество с Израилем и США, неудачная война в Йемене, убийство журналиста Джамала Хашогги, используемое Турцией для шантажа семьи Саудов). Турция в данном случае представит в качестве потенциального лидера суннитов, создавая комфортные условия для проживающих в стране арабов. Именно через турецкую границу иностранные исламисты попадали на территорию Сирии и Ирака, не сталкиваясь с серьезными трудностями при ее переходе. Оставаясь крупнейшей базой снабжения боевиков, Турция использовала данное положение для укрепления своих позиций среди сирийских антиправительственных группировок, которые также поддерживались Саудовской Аравией и Катаром. Использование исламского фактора во внешней политике дает Турции серьезный инструмент для воздействия на ЕС, который после окончательного разгрома военного крыла исламистов столкнется с неизбежным возвращением большинства своих граждан, воевавших в составе террористических группировок. Турция имеет широкие возможности по выявлению бывших боевиков, возвращающихся в свои страны с потоком беженцев, однако сотрудничество с ЕС на

данном направлении также стоит рассматривать как предмет торга между сторонами.

Можно констатировать, что в настоящий момент для Турции складывается крайне благоприятная внешнеполитическая конъюнктура, позволяющая ей как лавировать между интересами крупных коалиций, участвующих в противостоянии на Ближнем Востоке, так и использовать свой уникальный исторический и культурный капитал для проведения самостоятельной политики сразу в нескольких регионах. При этом потенциальные возможности Турции несопоставимы с состоянием ее экономики, зависимой от иностранных инвестиций и ограничительных мер, которые, как показала практика (конфликт с Россией, вызванный нападением на российский самолет), достаточно эффективны.

Также нестабильна внутриполитическая обстановка, несмотря на успешное пресечение попытки военного переворота в 2016 г. Требование Турции о выдаче Фетхуллага Гюлена (бывшего ранее союзником действующего президента) Соединенными Штатами Америки остается невыполненным, что наносит урон по репутации Эрдогана.

Доктрины неоосманизма, пантюркизма и панисламизма во многом являются взаимоисключающими, так как имеют под собой различные основания: национальное (гражданское), культурное и религиозное соответственно. Данное обстоятельство вынуждает Турцию расходовать свои ограниченные ресурсы в различных направлениях, что не позволяет ей добиться больших успехов и вынуждает к ситуативному сотрудничеству со множеством игроков, которое зачастую не отвечает ее долгосрочным интересам.

При этом именно в переговорах с Европейским союзом у Турции самые сильные позиции. Страны ЕС имеют возможность оказывать экономическое давление на Турцию, однако на политической арене они остаются младшими союзниками США, без одобрения которых добиться существенных уступок от турецких правящих элит крайне проблематично. Несмотря на серьезные противоречия с США, Турция остается их стратегическим союзником, отношения с которым строятся на взаимовыгодных условиях. В случае если Турция выйдет из американской зоны влияния, США потеряют контроль над Черноморскими проливами и важными инфраструктурными объектами, находящимися

на территории Турции и обеспечивающими американские интересы в регионе. Турция, окончательно отказавшись от союзнических отношений с США, потеряла бы возможность лавировать между двумя лагерями, которые представлены, с одной стороны, США и его союзниками, а с другой стороны, группой стран, противостоящих доминированию США в регионе (Россия, Иран, Китай). Долгосрочный конфликт с последними также не принесет Турции успеха, существенно сократив пространство для маневра.

Противоречия по вопросу миграционного кризиса между Европейским союзом и Турцией были вызваны, по всей вероятности, не техническими разногласиями между сторонами (несогласие Турции с объемом денежных средств, направляемых ЕС для содержания беженцев), а отсутствием у ЕС политических рычагов влияния на Турцию. Оставаясь в американской зоне влияния, Турция имеет возможность вступать в конфликты (Европейский союз, Саудовская Аравия) и альянсы (Катар) с другими американскими союзниками, пользуясь напряженными отношениями президента Трампа с лидерами Европейского союза и сложной внутривнутриполитической обстановкой в США, которая позволяет Турции конфликтовать с Саудовской Аравией, косвенно помогая Демократической партии США, использующей «дело Хашогги» для давления на президентскую администрацию.

Политическая платформа Партии справедливости и развития, включавшая в себя такие взаимоисключающие пункты, как традиционализм (фактически подразумевая его религиозную составляющую) и стремление к сотрудничеству с ЕС, конструировалась, как представляется, на прагматических началах. Членство в Европейском союзе могло предоставить Турции существенные экономические преимущества, однако обе стороны понимали, что фактическая реализация данных планов невозможна. Развал СССР и выстраивание однополярной модели мироустройства, существование которой невозможно на протяжении длительного времени, запустили процесс переориентации Турции на Восток. Очевидно, что потенциальные выгоды от изменения идеологических и политических ориентиров были слишком велики, а перспективы дальнейшей интеграции в Европейский союз — слишком туманны.

Надо полагать, что существующие разногласия между Турцией и ЕС стоит рассматривать в рамках противостояния между сложившейся однополярной моделью мироустройства, поддерживаемой США, и объективно обусловленным противодействием со стороны множества стран, которое дает Турции широкие возможности для проведения самостоятельной политики вне идеологических рамок, характерных для периода холодной войны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кудряшова Ю. С. Турция и Европейский Союз: история, проблемы и перспективы взаимодействия. М.: Институт Ближнего Востока; 2010. 364 с.
2. Белов В. С. Позиции ведущих политических партий Германии по вопросу вступления Турции в ЕС (по материалам масс-медиа). Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2010;1(17):145–150.
3. Сулейманов Р. Р. «Мягкая сила» Турции в Татарстане: инфраструктура влияния Анкары в регионе в постсоветский период. Человеческий капитал. 2016;(2):115–117.

REFERENCES

1. Kudryashova Yu. S. Turkey and the European Union: History, problems and prospects of interaction. Moscow: Institute of the Middle East; 2010. 364 p. (In Russ.).
2. Belov V. S. Positions of the German government party on Turkey's accession to the EU (according to mass media). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2010;1(17):145–150. (In Russ.).
3. Suleimanov R. R. "Soft Power" of Turkey in Tatarstan: Infrastructure of Ankara's influence in the region in the post-Soviet period. *Chelovecheskii kapital*. 2016;2:115–117. (In Russ.).

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-4-83-87
УДК 329.8(045)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПАРТИЙНЫХ СТРУКТУР ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ДИСКУРСЕ РОССИЙСКИХ ЛЕВЫХ СИЛ НА ПРИМЕРЕ «СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ»

Митрахович Станислав Павлович, преподаватель Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
spmitrahovich@fa.ru

Аннотация. В статье на примере партии «Справедливая Россия» рассматриваются стратегии российских левых политических сил в построении отношений с партийными структурами Европейского союза. Подобные партийные стратегии являются одновременно частью внутренней политики и выстраиваемых Россией отношений с Европейским союзом, т.е. де-факто – частью внешнеполитической деятельности. Новизна исследования связана с совмещением подходов, характерных для партологии, и рассмотрения партии как рационального актора, действующего в условиях страновой политической конъюнктуры, с исследовательскими подходами, принятыми в современной европеистике. Партии выступают как внутривнутриполитические игроки, но одновременно и как контрагенты иностранных элит, в данном случае – партийных элит Евросоюза, членов партийных групп Европарламента, партийных интернационалов, «европейских партий» (ранее известных как «партии на европейском уровне»). Из российских парламентских политических сил нескольких последних электоральных циклов именно «Справедливая Россия», используя дискурс современного социализма, смогла активнее других наладить взаимодействие с европейскими левыми, в том числе влияющими на принятие значимых решений в ЕС, например по реформе Газовой директивы ЕС и Третьего энергопакета ЕС. Партия через призму социалистической идеологии пытается сближать отдельные позиции партийных элит РФ и ЕС, вынося разногласия по вопросам социального авангардизма и политики идентичностей за скобки. Поэтому в последнее время партия сфокусировалась на проблематике санкционных вопросов, рассматривая свою коммуникацию с Партией европейских социалистов и социалистическими группами в Европарламенте как еще один потенциально востребованный дипломатический трек для страны.

Ключевые слова: партийная политика; партийная стратегия; российско-европейские отношения; Европейский союз; Европарламент; политические партии

INTERACTION OF PARTY STRUCTURES OF THE EU AND THE RUSSIAN FEDERATION IN A DISCOURSE OF THE RUSSIAN LEFT FORCES ON THE EXAMPLE OF “A JUST RUSSIA” PARTY

Mitrakhovich S.P.,

Lecturer at the Department of Political Sciences and Mass Communication, Financial University, Moscow, Russia
spmitrahovich@fa.ru

Abstract. The article using “A Just Russia” case deals with the party strategies of the Russian left political forces for the creation of the relations with party structures of the European Union. Similar party strategy is at the same time a part of domestic policy and development of the Russian political processes, and at the same time, they are a part of the relationship with the European Union which is built up by Russia. Consequently, that is de facto a part of

foreign policy activity. The novelty of the research consists in a combination of the research approaches used in a "partology" while considering a party to be a rational actor acting in conditions of a country political environment and the research approaches accepted in modern European studies. Parties act as internal political players, but at the same time and as contractors of foreign elite, in this case – party elite of the European Union, members of party groups of European Parliament, party Internationals, "the European parties" (earlier known under the term of "party at the European level"). From the Russian parliamentary political forces of several last electoral cycles "A Just Russia", using a discourse of modern socialism, could establish more actively than others cooperation with European left, including influencing adoption of significant decisions in the EU, for example, on reform of the EU Gas Directive and the Third Energy Package of the EU. The party, through the prism of socialist ideology, is trying to bring together certain positions of the party elites of the Russian Federation and the EU, bringing differences on social avant-garde and identity politics out of the brackets. Therefore, it focuses recently on the problems of sanctions issues, considering its communication with the Party of European socialists and socialist groups in the European Parliament as another potentially popular diplomatic track for the country.

Keywords: party politics; party strategy; Russia-Europe relations; European Union; European Parliament; political parties

Партийная политика чаще всего изучается и оценивается на национальном уровне, однако имеет значение и существующее на международном уровне партийное и межпартийное взаимодействие, включающее межпартийные интернационалы, партии международного уровня (например, так называемые «европейские партии», ранее называвшиеся «партии на европейском уровне» вроде Европейской народной партии), политические группы/фракции в Европарламенте и межпарламентских ассамблеях вроде ПАСЕ.

Межпартийное взаимодействие является частью игры самой партии, когда ей как рациональному актору необходимо повысить свой статус внутри национальной политической системы за счет апелляции к внешнеполитической тематике. В зависимости от своей тактики и текущей стратегии во внутриполитическом процессе партия может как занимать резко критические позиции в отношении внешних игроков (включая зарубежные партийные или околопартийные образования), подчеркивая свою лояльность властному центру собственной национальной политической системы, так и апеллировать к внешним игрокам с целью создания эффекта консолидированной критики данного властного центра (за нарушения на выборах, нарушения социальных прав и т.п.). Одновременно межпартийное взаимодействие даже в своем минимальном варианте может рассматриваться как еще один «дипломатический трек», канал для межгосударственной коммуникации, востребованный, например, для сближения по отдельным вопросам, когда общеполитический диалог на уровне глав государств

или правительств затруднен из-за общей неблагоприятной политической конъюнктуры.

Возможен вариант поиска тактических союзников в межпартийной коммуникации для реализации конкретных инициатив, включая публичную критику третьих стран, конструирования проблем либо оптимальных условий для реализации некоторых неоднозначных крупных промышленных проектов вроде трубопроводов и т.д. Ярким доказательством восприятия российским руководством данного подхода как опции является, например, сохранение членства России в Совете Европы и попытки использовать площадки этой международной структуры для критики тех же властей Украины после 2014 г., несмотря на многочисленные и многолетние призывы некоторых политических и общественных деятелей внутри России к выходу из Совета Европы либо хотя бы к сознательному и одностороннему прекращению попыток вернуться в ПАСЕ после соответствующих санкций 2014 г. в отношении российской делегации.

Применительно к отношениям России и Европейского союза (ЕС) в их партийном аспекте наиболее значимым представляется взаимодействие российских партий со структурами и политическими группами Европарламента. Европарламент играет значимую роль в развитии публичных политических процессов и «представительной демократии в ЕС» [1]. Его не стоит считать сугубо декоративным органом (такое впечатление может сложиться с учетом многочисленных резолюций Европарламента, носящих только рекомендательный характер). Напротив, Европарламент играет роль в принятии изменений в праве ЕС, например столь важные для России и ее проекта «Северный поток-2» поправки

в Газовую директиву ЕС сначала были приняты Европарламентом с подачи Еврокомиссии и лишь потом утверждены Советом ЕС [2] (т.е. в данном вопросе важны все три указанных института ЕС).

В случае с российскими левыми политическими силами (из представленных в федеральном парламенте 2003–2019 гг. речь идет о «Справедливой России» и КПФР) наибольшую активность в межпартийном взаимодействии с Европарламентом, а также Социнтерном проявляли именно «эсеры», коммунисты же чаще выступали «комментаторами» в отношении своих соседей по идейному флангу. Первым из крупных международных партийных проектов «эсеров» стало вступление в Социнтерн, которое партия объявила важнейшей целью своей международной активности. 30 июня 2008 г. «Справедливая Россия», несмотря на высказывавшиеся многими наблюдателями (например, из числа российских коммунистов) сомнения в реалистичности достижения подобной задачи, действительно была принята в Социнтерн. Правда, партия предпочитала не заострять внимание на том факте, что являлась сначала лишь наблюдателем, а затем стала консультативным членом Социнтерна, не имея возможности участвовать в решении некоторых кадровых вопросов. Полноправным членом Социнтерна партия стала в 2012 г. Тем не менее С. Миронов оперативно объявил «Справедливую Россию» уникальным участником российской политики, поскольку ни одна другая российская партия «не участвует ни в одном столь авторитетном и влиятельном международном межпартийном объединении, каким является Социалистический Интернационал»; и поскольку «на протяжении многих десятилетий в наиболее развитых странах мира, прежде всего в Европе, у власти находились и находятся именно партии Социнтерна, можно сказать, что Социнтерн — это лицо мировой политической элиты». Это был явный выпад и против коммунистов, сохранявших двойственное отношение к Социнтерну, и против «Единой России», состоявшей в менее известном и медийно раскрученном Центристском демократическом интернационале.

По мнению Миронова, вступление «эсеров» в Социнтерн «позволило расширить поле взаимодействия нашей страны с влиятельными политическими кругами... В Социнтерне мы не только общаемся с единомышленниками, мы представляем национальные интересы России, создаем новые инструменты российского участия в мировой политике» [3]. Участие в работе Комиссии Социнтерна

по устойчивому развитию мирового сообщества, как считал лидер «Справедливой России», является одним из механизмов «повышения общей конкурентоспособности нашей страны». Фактически «эсеры» объявили о нахождении ими нового, ранее активно не использовавшегося способа защищать интересы России через межпартийное взаимодействие: «это важно не только для дальнейшего становления нашей партии, это важно для нашей страны, для нашего государства. Социнтерн — одна из авторитетных международных площадок, на которых можно эффективно защищать национальные интересы России» [4].

Отметим, что особого внимания к конкретным проектам, которые предлагали иные участниками Социнтерна для реализации в их странах (особенно связанным с социалистическими интерпретациями проблем «новых идентичностей», «дискурса меньшинств» и т.д.), «Справедливая Россия» не проявляла, больше ориентируясь на номинальное представление себя как члена солидного межпартийного сообщества и выражение солидарности с общей идеей о необходимости увеличения государственного вмешательства в экономику. Не стимулировало участие в Социнтерне партию и к более позитивному взгляду на главное интеграционное образование в Европе — Евросоюз, не вело к предположениям о необходимости глубокой институциональной интеграции РФ и ЕС.

Вторым после Социнтерна крупным проектом «Справедливой России» по интенсификации межпартийного сотрудничества на европейском направлении стало установление постоянного контакта (режима периодических консультаций) с (общеевропейской Партией европейских социалистов (ПЕС, Party of European Socialists) и фракцией (группой) социалистов в Европарламенте (Socialist Group in the European Parliament, название группы несколько раз менялось, с 2009 г. она существует под названием «Прогрессивный альянс социалистов и демократов» — Progressive Alliance of Socialists and Democrats), подавляющее большинство которой составляют как раз делегаты от ПЕС. В апреле 2008 г. в Брюсселе был подписан Меморандум о сотрудничестве между фракцией «Справедливой России» в Госдуме и социалистами в Европарламенте. Документ декларировал убежденность подписантов в том, что сотрудничество на межпарламентском уровне «призвано способствовать лучшему взаимопониманию между народами и государствами, поиску решений актуальных политических, экономических,

культурных и других вопросов сотрудничества между Российской Федерацией и Евросоюзом». Фракции заявили о том, что их объединяет «общая приверженность ценностям свободы, демократии и права, идеям социальной справедливости» и договорились о сотрудничестве по ряду вопросов, включая «подготовку к заключению нового Договора о сотрудничестве и партнерстве между ЕС и РФ, решение проблем поставок энергоносителей, развитие политики добрососедства (включая расширение ЕС) и обеспечение стабильности политики безопасности (включая расширение НАТО)» (<http://www.spravedlivo.ru/3009610>). Также стороны договорились о налаживании практики обмена группами специалистов и экспертов, организации и проведения совместных мероприятий, регулярного обмена информацией и мнениями.

Как показало дальнейшее развитие событий, объективный успех был достигнут лишь по последним упомянутым пунктам. Стороны действительно провели немалое количество общих мероприятий, круглых столов, заседаний рабочей группы, в том числе в Брюсселе. «Справедливая Россия» стала чаще позитивно высказываться в адрес Европарламента, где работали их новые союзники. В частности, по итогам военного конфликта с Грузией Миронов указывал на встрече с руководством группы социалистов в Европарламенте во главе с ее председателем Мартином Шульцем на то, что «депутаты группы социалистов в Европейском парламенте искреннее старались разобраться в ситуации и не пытались во всем обвинить Россию», «люди прекрасно понимали: агрессия есть агрессия».

Программа партии 2009 г. закрепила суждения «эсеров» о работе с социалистами в Европарламенте как о «важном шаге на пути укрепления парламентского сотрудничества между Россией и Европой». На профильном круглом столе на данную тему заместитель Миронова Н. Левичев подтвердил уверенность в том, что межпартийное взаимодействие и, как выразился политик, наличие «множества горизонтальных связей между Россией и Европой в политике и в сфере культуры» способны стимулировать сближение РФ и ЕС. По словам партийца, «политические партии — важные акторы, которые помогают сблизить позиции, лучше понять взаимные интересы и потребности, найти компромиссы, позволяющие выстроить взаимовыгодную модель сотрудничества» (<http://www.spravedlivo.ru/3013210>). А на конференции, посвященной годовщине подписания Меморандума, тот же Левичев указывал на планы дальнейшей

совместной работы по «выработке глобальной антикризисной стратегии», «достижения взаимопонимания в области энергетической безопасности», «совершенствования трудового законодательства» (<http://www.spravedlivo.ru/3029510>). Однако никакой «материальной» конкретики, например обещанного проекта нового базового Соглашения между РФ и ЕС, представлено не было — наличествовали лишь обещания продолжать работу по этому направлению.

После смены власти на Украине в 2014 г. через Майдан и начала российско-западного санкционного конфликта «Справедливая Россия» заявляет, что сотрудничество с ПЕС продолжается на уровне отдельных стран-членов (их партийных структур). На самом деле «эсеры» не прекращают контакты с институциональными структурами ПЕС (<http://www.spravedlivo.ru/6986610>), рассматривая эти контакты и как способ заявления о себе как о партии, глубже других включенной в общеевропейские процессы, и как способ показать свои потенциальные возможности договариваться хотя бы с отдельными силами в Европарламенте о перспективном решении санкционного вопроса или о способствовании блокированию сценария эскалации санкций.

Тем более что в Европарламенте призывы к новым санкциям звучат жестче и чаще, чем в других институтах ЕС. Но в том же Европарламенте есть представители иных точек зрения, и это не только правоконсервативные евроскептики, но и левые популисты, зеленые («Европейские объединенные левые/Лево-зеленые Севера») [5] и тому подобные силы, с которыми как раз «Справедливая Россия» имеет контакты.

С делегацией упомянутой политической лево-зеленой группы Миронов продолжал встречи и после Майдана. Делегаты раскритиковали санкции, а Миронов подчеркнул, что «ценит политическую позицию фракции в отношении политики России и антироссийских санкций, которая отличается от позиции большинства в Европарламенте» (<http://www.spravedlivo.ru/7199010>). Подобные встречи продолжались и позже, Миронов публично настаивал на необходимости и желательности продолжения работы «Справедливой России» с ПЕС и социалистическими фракциями Европарламента (<http://www.spravedlivo.ru/9402310>).

Выводы относительно видения «Справедливой Россией» перспектив взаимодействия с общеевропейскими партийными структурами можно сделать следующие. «Эсеры» (что необычно

для российских парламентских партий) с явной симпатией в течение нескольких электоральных циклов относились к Европарламенту и феномену общеевропейских политических партий и надпартийных структур, считая взаимодействие с ними признаком собственной принадлежности к «солидному клубу», пространству продвинутой политической конкуренции и демократии. Работу в Социнтерне и консультации с Партией европейских социалистов «Справедливая Россия» презентовала как одну из своих важнейших отличительных черт, причем полезных как и в период применения провластной политической стратегии внутри РФ, так и в случае окончательного поворота на оппозиционный курс.

В то же время по большей части все взаимодействие с европейскими национальными и наднациональными структурами сводилось у «эсеров» в рассматриваемый период к декларациям, оставаясь «шапочным», без продуцирования даже сколько-нибудь конкретных общих предложений по отдельным вопросам отношений по линии РФ-ЕС. В немалой степени подобному результату

способствовала базовая внешнеполитическая идеология «Справедливой России», не предполагавшая институциональную интеграцию РФ в ЕС, — т.е. не рассматривавшая хотя бы гипотетическую возможность для «эсеров» стать членом той же ПЕС, а не просто посещать ее мероприятия в роли «дружественной делегации».

Тем не менее принципиален тот момент, что ни российско-западный санкционный конфликт, ни базовые идейные расхождения по социально-авангардистской части политики современных левых Европарламента (политика идентичностей, политика меньшинств, аффирмативные действия и т.п.) не стали основанием для «Справедливой России» закрывать свою коммуникацию с партиями ЕС. Кооперация была скорее сокращена и «подморожена» — по аналогии с отношением к ПАСЕ. Партия ожидала, что российская власть решит восстановить этот дополнительный дипломатический трек, который пока находится в спящем состоянии, но теоретически может стать востребованным ресурсом и для партии, и для государственной внешней политики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Корнева А.А. Роль Европарламента в развитии представительной демократии в Европейском союзе. Новые тенденции развития интеграционного и европейского права. М.: Русайнс; 2016.
2. Митрахович С.П. Политическая борьба за продвижение проекта «Северный поток-2»: часть отношения России с Евросоюзом. *Постсоветский материк. Специальный выпуск. Геоэкономика энергетики*. 2019;1(5):150–158.
3. Миронов С. Участие в Социнтерне позволило «Справедливой России» выйти на мировой «рынок идей». URL: <http://mironov.ru/news/sergej-mironov-primet-uchastie-v-rabote-komissii-sotsialisticheskogo-internatsionala-po-ustojchivomu-razvitiyu-mirovogo-soobshhestva-g-nyu-jork/>.
4. Миронов С. Благодаря Социнтерну «Справедливая Россия» все увереннее участвует в партийной дипломатии. URL: <http://www.spravedlivo.ru/3268510>.
5. Басов Ф. Германия, Европарламент и политика санкций в отношении России. *Мировая экономика и международные отношения*. 2016;(12):62–68.

REFERENCES

1. Korneva A.A. The role of the European Parliament in the development of representative democracy in the European Union. In: *New trends in the development of integration and European law*. Moscow: Rusains; 2016. (In Russ.).
2. Mitrakhovich S.P. Political struggle for the promotion of the “Nord Stream-2” project: Part of Russia’s relations with the European Union. *Postsovetskii materik. Spetsial’nyi vypusk. Geoekonomika energetiki*. 2019;1(5):150–158. (In Russ.).
3. Mironov S. Participation in the Socialist International allowed “A Just Russia” to enter the world “market of ideas”. URL: <http://mironov.ru/news/sergej-mironov-primet-uchastie-v-rabote-komissii-sotsialisticheskogo-internatsionala-po-ustojchivomu-razvitiyu-mirovogo-soobshhestva-g-nyu-jork/>. (In Russ.).
4. Mironov S. Thanks to the Socialist International “A Just Russia” more and more confidently participates in party diplomacy. URL: <http://www.spravedlivo.ru/3268510>. (In Russ.).
5. Basov F. Germany, the European Parliament and the policy of sanctions against Russia. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2016;(12):62–68. (In Russ.).

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-4-88-92
УДК 327.8(045)

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОТНОШЕНИИ ГОСУДАРСТВ БАЛТИИ (1992–2009 ГОДЫ)

Пашковский Пётр Игоревич, канд. полит. наук, доцент кафедры политических наук и международных отношений, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Республика Крым, Россия
petr.pash@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности интеграционной политики России в отношении государств Балтии в период 1992–2009 гг. Показано, что в первой половине 1990-х гг. механизмами российской интеграционной политики в отношении балтийских государств (провозгласивших приоритет евро-атлантической интеграции) были двусторонние и многосторонние переговоры. С середины и до конца 1990-х гг. Россия декларировала концепцию разноскоростной и разноуровневой интеграции на постсоветском пространстве. Под влиянием внутренних и внешних факторов Российская Федерация в этот период переживает снижение влияния и кризис интеграционной политики относительно новых независимых государств. С начала 2000-х гг. российская интеграционная политика характеризуется приоритетом двусторонних связей и экономическим прагматизмом. Отношения России с Латвией, Литвой и Эстонией строятся на взаимовыгодных основах при наличии многих нерешенных проблем и подчас высокой степени напряженности. Во второй половине первого десятилетия XXI в. под влиянием внутренних и внешних факторов Российская Федерация концентрируется на внутренней модернизации и защите своих интересов на постсоветском пространстве в целом и в регионе государств Балтии в частности.

Ключевые слова: интеграционная политика; параметры; Россия; государства Балтии; Латвия; Литва; Эстония; постсоветское пространство

FEATURES OF INTEGRATION POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION TOWARDS THE BALTIC STATES (1992–2009)

Pashkovsky P.I., PhD in Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Sciences and International Relations, Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Republic of Crimea, Russia
petr.pash@yandex.ru

Abstract. In this article, the author described features of Russian integration policy towards the Baltic States (1992–2009). I showed that in the first half of the 1990s, the mechanisms of Russian integration policy were bilateral and multilateral negotiations. From the mid to late 1990s, Russia declared the concept of multi-speed and multi-level integration. Under the influence of internal and external factors, Russia in this period is experiencing its decline in influence and the crisis of integration policy in the post-Soviet space. Since the beginning of the 2000s, Russian integration policy has been characterised by the priority of bilateral ties and economic pragmatism. The relations of Russia with Latvia, Lithuania and Estonia in this period are built on mutually beneficial bases, with many unresolved problems and sometimes a high degree of tension. In the second half of the first decade of the XXI century, under the influence of internal and external factors, Russia concentrates on internal modernisation and protection of its interests in the post-Soviet space in general and in the Baltic States region in particular.

Keywords: integration policy; parameters; Russia; Baltic States; Latvia; Lithuania; Estonia; post-soviet space

Балтийский регион традиционно имеет стратегическое значение для России в контексте обеспечения ее военно-политических, торгово-экономических и гуманитарных интересов. При этом с момента дезинтеграции СССР в отношениях Российской Федерации и государств Балтии — Латвии, Литвы и Эстонии — наблюдаются перманентные проблемы, связанные с притеснением там русского и русскоговорящего населения, фактами фальсификации истории и героизации пособников нацизма, нерешенными пограничными вопросами, систематически проявляющейся антироссийской позицией этих стран на международной арене и т.д.

Различным аспектам взаимоотношений России и государств Балтии посвящены многочисленные труды отечественных [1–7] и зарубежных [8–14] исследователей. Вместе с тем недостаточно изученными представляются вопросы сущности и динамики российских внешнеполитических подходов в регионе. Целью данной статьи является анализ особенностей интеграционной политики Российской Федерации в отношении государств Балтии. Хронологические рамки исследования охватывают политические процессы 1992–2009 гг., где нижний рубеж обусловлен дезинтеграцией СССР и началом формирования интеграционной политики РФ в отношении новых независимых государств, а верхний — усилением геополитической конкуренции в регионе, влиянием глобального финансово-экономического кризиса и новыми подходами в российской интеграционной политике.

С момента обретения независимости Латвия, Литва и Эстония всячески демонстрировали стремление к евро-атлантической интеграции. Под воздействием ряда факторов в государствах усиливались русофобские настроения. В свою очередь, Россия зависела от эксплуатации балтийских портов, транзита через территорию стран Балтии нефтепродуктов в Европу, а также необходимости транзита товаров для жизнеобеспечения Калининградской области [8, 10].

Проведенный автором анализ динамики внешнеполитических контактов РФ и новых независимых государств [15, с. 178–181] свидетельствует, что количество связей с государствами Балтии в 1990-е гг. было значительно меньшим в сравнении с аналогичными показателями по другим странам постсоветского пространства. Внешнеполитические контакты, как правило, характеризовались напряженным (а иногда и конфликтным) характером либо явным затягиванием переговорного процесса.

Наибольшие затруднения вызывали вопросы о границах, транзите товаров и нарушении прав русскоязычного населения в Латвии и Эстонии. Меньшим, чем со странами СНГ, был и уровень товарооборота России с государствами Балтии [15, с. 182].

В результате отношения РФ с Латвией, Литвой и Эстонией к середине 1990-х гг. практически зашли в тупик. Однако России было крайне важно не допустить альянса балтийских стран с Польшей и Украиной, что способствовало бы созданию балто-черноморского союза антироссийской направленности. Также российское руководство волновало стремление Латвии, Литвы и Эстонии вступить в ЕС и НАТО, означавшее окончательный (или долговременный) выход данных государств, интегрированных в рамках западного проекта, из сферы влияния России и приближение евро-атлантических структур вплотную к ее границам [12].

Главной целью американской политики в отношении стран Прибалтики в 1990-е гг. становится максимальная поддержка их интеграции в западные институты. Для достижения этой цели Вашингтон организует специальные проекты: Балтийский план действий (август 1996 г.) и Северо-европейскую инициативу (сентябрь 1997 г.). Они предусматривали поддержку демократических реформ в государствах Балтии, налаживание их добрососедских и равноправных отношений с Россией, укрепление связей США с государствами Северной Европы. Кроме того, американское руководство большое внимание уделяло усилению регионального экономического сотрудничества в Балтийском регионе [3].

После одобрения в 1994 г. на декабрьской сессии НАТО программы «Партнерство во имя мира» лидеры балтийских государств заявили, что примут активное участие в ее реализации. В соответствии со стандартами НАТО перестраивались их Вооруженные силы. Создавалось специальное формирование «Балтбат». По рекомендации Госдепартамента США, еще 1 октября 1994 г. был принят меморандум военных министров Великобритании, Дании, Норвегии, Финляндии и Швеции. Северные страны взяли на себя вооружение и снаряжение «Балтбата», в котором на контрактной основе служили около 800 человек [2].

В ответ на это в феврале 1997 г. принимается «Долговременная линия России в отношении балтийских стран». Документ впервые на официальном уровне характеризовал интересы, цели и приоритеты российской политики в Прибалтийском регионе. К стратегическим интересам относилось

обеспечение региональной безопасности, к гуманитарным — защита соотечественников, к экономическим — взаимовыгодное сотрудничество. Отмечалось, что РФ отказывается от силовых методов в отношениях с Латвией, Литвой и Эстонией и готова использовать механизмы международного и многостороннего сотрудничества [8, с. 73].

Однако к концу 1990-х гг. отношения России и государств Балтии стали более прохладными, в первую очередь вследствие укрепления евроатлантических устремлений последних. На встрече руководителей балтийских стран, Польши и Украины, 27 мая 1997 г. в Таллине (в день подписания «Основополагающего акта Россия–НАТО») было заявлено о намерениях государств Балтии стать членами Альянса [14, р. 31–32]. 10 ноября 1997 г. президенты Латвии, Литвы и Эстонии объявили о своем отказе принять гарантии безопасности, предложенные РФ, по причине нежелания оказывать в ее сфере влияния [12]. А 18 января 1998 г. они с президентом США подписывают проект Хартии США и балтийских государств. После его подписания руководство государств Балтии продолжило проводить курс на скорейшее вступление в НАТО, тем самым усложняя отношения с РФ. Показательным в этом контексте видится заключение американского исследователя Н. Сокова о том, что Россия слишком поздно начала предпринимать практические шаги в ответ на решительные действия балтийских стран по вступлению в Альянс [13, р. 20].

Количество внешнеполитических контактов между РФ и государствами Балтии в период 2000–2009 гг. по сравнению с аналогичными показателями в 1990-е гг. существенно не менялось [15, с. 178–181]. Периодическое увеличение контактов зачастую обуславливалось возникновением конфликтных ситуаций. К наиболее обсуждаемым и резонансным проблемам относились: положение русскоязычного населения в Латвии и Эстонии; территориальные споры (Латвия, Эстония); трактовка спорных вопросов истории XX в. (события 1940 г., Вторая мировая война, советский период); строительство газопровода между Россией и Германией по дну Балтийского моря и т.д.

С приходом в США к власти республиканской администрации активизировалась «индивидуальная подгонка» стран Балтии к требованиям НАТО [3]. В результате на Пражском саммите в ноябре 2002 г. три прибалтийские республики (вместе с Болгарией, Румынией, Словакией и Словенией) получили приглашение присоединиться к Альянсу,

что и произошло в марте 2004 г. В этом отношении важно отметить, что развертывание на территории балтийских стран военно-морских и военно-воздушных частей НАТО представляет серьезную угрозу безопасности России, значительно сокращая подлетное время ракет и авиации к российским объектам, увеличивая их досягаемость до рубежа Архангельск–Нижний Новгород–Воронеж [2]. Обостряется и проблема Калининграда. Военно-стратегические позиции РФ в регионе резко ослабевают вследствие того, что ее Балтийский флот оказывается «запертым» в Калининградском и Финском заливах. Кроме того, вопрос о транзите российских граждан и товаров из Калининграда в Россию и обратно Запад может использовать как политический рычаг давления на нее (<http://www.psifoundation.ru/publications/2003/05/baltika1.htm>).

С 2001 г. начинается новый этап в политике РФ в отношении государств Прибалтики. Новую внешнеполитическую линию Москвы можно обозначить как «энергетическую дипломатию» в целях преодоления зависимости от портов стран Балтии при экспорте энергоресурсов, в первую очередь нефти. Усиление российского контроля над ведущими объектами транспортно-энергетической инфраструктуры балтийских стран начинает вызывать определенную озабоченность США. Как отмечалось в итоговом докладе вашингтонского Центра стратегических и международных исследований (подготовленном в конце 2002 г.), «агрессивная российская экономическая политика является потенциальной угрозой стабильности Евроатлантического сообщества, особенно в сфере энергетики» [3].

Однако российский рынок постепенно теряет свое приоритетное значение для Прибалтийских государств. Этот процесс особенно ускорился после финансового кризиса в России в 1998 г. Доля РФ в экспорте Литвы сократилась с 24,5% в 1997 г. до 7,1% в 2000 г. В 2002 г. торговый оборот России с этими странами достиг 4644,4 млн долл., что составило примерно 3% российского внешнеторгового оборота. Главная статья российского экспорта в страны Балтии — нефть и другие энергоресурсы. Основу импорта составляют продукция сельского хозяйства и средства наземного транспорта (подержанные легковые автомобили иностранного производства, реэкспортируемые через балтийские государства в РФ) (<http://www.psifoundation.ru/publications/2003/05/baltika1.htm>).

Следует признать, что Соединенные Штаты смогли за 1990-е гг. успешно выполнить свою задачу по

интеграции Латвии, Литвы и Эстонии в западные институты. Неспособность России помешать этому процессу объяснялась в первую очередь позицией прибалтийских стран, для которых вхождение в ЕС и НАТО являлось высшим приоритетом [9]. В результате попытки российского руководства использовать для давления на Прибалтийские государства меры экономического воздействия в виде строительства собственных портовых мощностей на Балтике стали иметь определенный предел, поскольку РФ приходится строить отношения не отдельно с Латвией, Литвой или Эстонией, а с ЕС или НАТО в целом [11].

При этом перспективы российской интеграционной политики к 2008–2009 гг. в регионе бывшего СССР представлялись неопределенными [5, 16]. «Цветные революции» 2003–2005 гг., события грузино-российского конфликта 2008 г. и мировой экономический кризис определенным образом повлияли на внешнюю политику России. На официальном уровне происходит оформление отдельных позиций новой внешнеполитической стратегии РФ, в том числе на постсоветском пространстве, в основе которой находится «сосредоточение» на решении внутренних проблем, а также прагматическая внешняя политика с приоритетом двусторонних отношений и «симметричными ответами» в контексте императива защиты национальных интересов [15, с. 116].

Проведенное исследование показало, что механизмами российской интеграционной политики в первой половине 1990-х гг. (с учетом средней

частоты внешнеполитических контактов и уровня товарооборота) являлись двусторонние и многосторонние переговоры с государствами Балтии, изначально заявившими о приоритете евро-атлантической ориентации. С середины и до конца последнего десятилетия XX в. (в условиях снижения частоты контактов и уровня товарооборота), декларируя концепцию разноскоростной и разноуровневой интеграции на постсоветском пространстве, РФ переходит к реализации формулы «региональные союзы плюс двусторонние связи». Но экономические трудности, политика глобальных и региональных акторов, усиливающая дифференциация внешнеполитических подходов новых независимых государств приводят к снижению влияния и кризису интеграционной политики России в регионе.

С начала 2000-х гг. (при увеличении частоты внешнеполитических контактов и товарооборота) интеграционная политика РФ в отношении новых независимых государств в большей степени характеризуется приоритетом двусторонних связей и экономическим прагматизмом. Отношения со странами Балтии строятся на взаимовыгодных основах с учетом наличия многих нерешенных проблем и подчас высокой степени напряженности. Во второй половине первого десятилетия XXI в. внутренние и внешние факторы (учитывая изменения частоты контактов, тональности переговоров и товарооборота) способствовали утверждению курса России на внутреннюю модернизацию и защиту своих интересов на постсоветском пространстве.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абрамова Е. Ключевые проблемы российско-балтийских отношений. URL: <http://www.ia-centr.ru/archive/comments4971.html?id=597>.
2. Вахрамеев А. Страны Балтии у ворот НАТО. URL: <http://www.ieras.ru/journal/journal4.2000/8.htm>.
3. Володин Д. А. Россия, США и страны Балтии после холодной войны. URL: <http://alkir.narod.ru/ssc/ref-liter/usa2004-1-sng.html>.
4. Карабешкин Л. Россия и Прибалтика. Трудный путь от «любви» к дружбе. *Международные процессы*. 2004;1(4):85–91.
5. Плотников А. Прибалтийский рубеж. К десятилетию заключения российско-литовского договора о границе. М.: Либроком; 2009. 112 с.
6. Симонян Р. Х. Россия и страны Балтии. М.: Academia; 2003. 456 с.
7. Фоменко А. Прибалтика как русская проблема. *Международная жизнь*. 2008;(5):30–51.
8. Аракелян Д. Взаємовідносини країн Балтії і Росії (територіальний та національний аспекти). *Вісник Київського національного університету ім. Т. Шевченка. Серія: Міжнародні відносини*. 2006;(22–24):72–76.
9. Голбрет Д., Ларомо Дж. У. Бастион, маяк или мост? Роль стран Балтии в отношениях ЕС с «восточными соседями». Продвижение демократических ценностей в расширяющейся Европе: изменяющаяся роль балтийских государств от импортеров к экспортерам. Сб. докладов международной конференции (Европейский колледж, Тартуский университет, Тарту, 5 и 6 мая 2006 г.). А. Касекамп, Х. Пяэбоюю, ред.; Голубева А. и др., пер. с англ. Тарту: Tartu University Press; 2006.

10. Blank S. Russian Policy on NATO Expansion in the Baltics. URL: http://www.wilsoncenter.org/index.cfm?topic_id=1422&fuseaction=topics.publications&doc_id=18911&group_id=7427 (accessed on 27.03.2019).
11. Bult J. Everyday Tensions Surrounded by Ghosts from the Past: Baltic-Russia Relation since 1991. Global and Regional Security Challenges: A Baltic Outlook. Tiirmaa-Klaar H., Marques T., eds. Tallinn: Tallinn University Press; 2006.
12. Moshes A. Russia Policy in the Baltic Region. Stability and Security in the Baltic Sea Region: Russian, Nordic and European Aspects. Knudsen O.F., ed. London: Frank Cass & Co. Ltd; 1999.
13. Sokov N. Russian Policy Towards the Baltics: What the West Can Expect and What It Could Do; With Additional Commentary by E. Wayne Merry. Washington D.C.: The Atlantic Council of the United States, 1999; 43 p.
14. Vitkus G. Changing Security Regime in the Baltic Sea Region. Final Report. June 28, 2002. Vilnius: NATO Euro-Atlantic Partnership Council, 2002; 46 p.
15. Пашковский П.И. Интеграционная политика России на постсоветском пространстве (1991–2011 гг.). Киев: Интерсервис; 2012. 189 с.
16. Пашковский П.И. Параметры интеграционной политики России в отношении государств Центральной Азии (1992–2009 гг.). *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2017;2(26):88–93.

REFERENCES

1. Abramova E. Key problems of the Russian-Baltic relations. URL: <http://www.ia-centr.ru/archive/comments4971.html?id=597> (accessed on 27.03.2019). (In Russ.).
2. Vakhrameev A. The Baltic countries at the gates of NATO. URL: <http://www.ieras.ru/journal/journal4.2000/8.htm> (accessed on 27.03.2019). (In Russ.).
3. Volodin D.A. Russia, the United States and the Baltic countries after the Cold War. URL: <http://alkir.narod.ru/ssc/ref-liter/usa2004-1-sng.html> (accessed on 27.03.2019). (In Russ.).
4. Karabeshkin L. Russia and the Baltics. The hard way from «love» to friendship. *Mezhdunarodnye protsessy*. January-April 2004;1(4). URL: <http://www.intertrends.ru/four/008.htm> (accessed on 27.03.2019). (In Russ.).
5. Plotnikov A. Baltic frontier. By the decade of the conclusion of the Russian-Lithuanian border treaty. Moscow: Librokom; 2009. 112 p. (In Russ.).
6. Simonyan R. Kh. Russia and the Baltic countries. Moscow: Academia; 2003. 456 p. (In Russ.).
7. Fomenko A. Baltic as a Russian problem. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 2008;(5):30–51. (In Russ.).
8. Arakelyan D. Relations between the Baltic countries and Russia (territorial and national aspects). *Visnyk Shevchenko Kyi'vs'kogo nacional'nogo universytetu. Serija: Mizhnarodni vidnosyny*. 2006; (22–24):72–76. (In Ukrainian).
9. Golbret D., Laromo Dzh. U. Bastion, lighthouse or bridge? The role of the Baltic States in the EU's relations with “eastern neighbours”. In: Promoting democratic values in an expanding Europe: the changing role of the Baltic states from importers to exporters: Collection of reports of an international conference (European College, University of Tartu, Tartu, May 5–6, 2006). Kasekamp A., Pyaebouyuy Kh., eds. Transl. from English. Tartu: Tartu University Press; 2006:112–127. (In Russ.).
10. Blank S. Russian Policy on NATO expansion in the Baltics. URL: http://www.wilsoncenter.org/index.cfm?topic_id=1422&fuseaction=topics.publications&doc_id=18911&group_id=7427 (accessed on 27.03.2019).
11. Bult J. Everyday Tensions Surrounded by Ghosts from the Past: Baltic-Russia Relation since 1991. In: Global and Regional Security Challenges: A Baltic Outlook. H. Tiirmaa-Klaar, T. Marques, eds. Tallinn: Tallinn University Press; 2006:127–165.
12. Moshes A. Russia Policy in the Baltic Region. In: Stability and Security in the Baltic Sea Region: Russian, Nordic and European Aspects. Knudsen O.F., ed. London: Frank Cass & Co. Ltd; 1999:99–112.
13. Sokov N. Russian Policy Towards the Baltics: What the West Can Expect and What It Could Do; With Additional Commentary by E. Wayne Merry. Washington DC: The Atlantic Council of the United States; 1999. 43 p.
14. Vitkus G. Changing Security Regime in the Baltic Sea Region. Final Report. June 28, 2002. Vilnius: NATO Euro-Atlantic Partnership Council; 2002. 46 p.
15. Pashkovsky P.I. Integration policy of Russia in the post-Soviet space (1991–2011). Kyiv: Interservice; 2012. 189 p. (In Russ.).
16. Pashkovsky P.I. Parameters of Russian integration policy towards Central Asia States (1992–2009). *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. 2017;2(26):88–93. (In Russ.).

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-4-93-99

УДК 327.56(045)

ГИБРИДНЫЕ ВОЙНЫ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Родачин Владимир Михайлович, д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры философии, Российский новый университет (РосНОУ), Москва, Россия
Rodvm@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена военным конфликтам XXI в. и существующим в зарубежной и отечественной научной литературе подходам к их осмыслению. Предмет исследования – феномен и теория «гибридной войны», зародившиеся в конце 1990-х – начале 2000-х гг. и получившие широкое распространение в современных условиях. Родоначальниками термина, теоретического концепта и военно-доктринальных основ «гибридной войны» являются американские военные эксперты. В статье раскрываются этапы становления теории гибридной войны, сложившиеся военно-теоретические и политико-идеологические подходы к характеристике ее сущности. Подчеркивается необоснованный характер обвинений в адрес Российской Федерации по поводу «аннексии» Крыма, осуществления «гибридной агрессии» на юго-востоке Украины и в других регионах. Дается анализ действительных, а не вымышленных признаков «гибридной войны». Делается вывод о том, что «гибридные войны» являются новым инструментом агрессии неимперских западных держав, направленной на суверенные государства, выступающие против гегемонии США в условиях кризиса однополярного миропорядка. Обосновывается необходимость совершенствования системы обеспечения национальной безопасности России с учетом развязывания США и НАТО против нашей страны «гибридной войны» и возможной ее эскалации.

Ключевые слова: войны нового поколения; «постсовременная война»; «гибридная война»; гибридные угрозы; неконвенциональная война; «асимметричная» война; нелинейная война; «гибридная война» как инструмент комплексной («мультимодальной», «мультидоменной») агрессии против суверенных государств

HYBRID WAR AND THE NATIONAL SECURITY OF RUSSIA

Rodachin V. M., Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Russian New University (RosNOU)
Rodvm@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the military conflicts of the XXI century and the existing approaches to their understanding of the foreign and domestic scientific literature. The subject of research is the phenomenon and theory of “hybrid war”, which originated in the late 1990s – early 2000s, and are widely used in current conditions. The founders of the term, theoretical concept and military doctrinal foundations of “hybrid war” are American military experts. The article reveals the stages of formation of the theory of hybrid war, the existing military-theoretical and political-ideological approaches to the characterisation of its essence. The author emphasised the unfounded nature of the accusations against the Russian Federation about the “annexation of Crimea”, the implementation of “hybrid aggression” in the South-East of Ukraine and other regions. Further, the author presented the analysis of real, not fictional signs of “hybrid war”. The author concluded that hybrid wars are a new instrument of aggression of the neo-Imperial Western powers against sovereign States as opposed to the hegemony of the United States in the crisis of the unipolar world order. The necessity of improving the system of national security of Russia taking into account the USA and NATO unleashing against our country “hybrid war” and its possible escalation is substantiated.

Keywords: a new generation of warfare; “postmodern war”; hybrid warfare; hybrid threats; conventional war; asymmetric war; non-linear war; hybrid war as a tool for integrated (“multimodal”, “multi-domain”) aggression against sovereign States

Актуальное значение в современных условиях имеет философское осмысление такого нового и сравнительно малоизученного явления, как гибридная война. Известно, что гибрид (от лат. *hibrida, hybrida* — помесь) — продукт скрещивания генетически различающихся форм, первоначально использовался в ботанике и зоологии. В последующем это понятие получило широкое применение в самых разных сферах, включая военную.

Обращение к проблематике «гибридных войн» обусловлено, с одной стороны, кризисом теории и практики классических войн и многообразием современных форм вооруженных конфликтов. Обобщая современные тенденции в области ведения войн, Мартин Кревельд в книге «Трансформация войны» констатировал, что по мере того «как традиционные формы вооруженных конфликтов уходят в прошлое, появляются совершенно новые, которые готовы прийти им на смену» [1]. Для описания войн нового типа стали применяться различные понятия, отражая активно ведущийся научный поиск в этом ключе: «война нового поколения», «постсовременная война», «неконвенциональная война», «нелинейная война», «асимметричная война», «сетевая война», «кибервойна», «прокси-война», «гибридная война». Вместе с тем все большее внимание исследователей концентрируется на феномене «гибридной войны» (ГВ) как «наиболее распространенной формы конфликта двадцать первого века» [2], сочетающей «сложность и потенциальную связность различных угроз» [3]. Именно ГВ и гибридные угрозы «в существенной степени определяют многие современные тенденции в развитии мира и войны» (<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/gibridnaya-voyna-prevratilas-v-novyy-vid-mezhgosudarstvennogo-protivostoyaniya/>).

С другой стороны, сохраняется дискуссионный характер понимания ГВ в военно-теоретической и социально-философской мысли. Отсутствует единство взглядов на природу, генезис, сущность, структуру, специфику ГВ.

СУЩНОСТЬ И ХАРАКТЕРНЫЕ ПРИЗНАКИ «ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ»

В настоящее время вопрос о том, что представляет собой ГВ и чем она отличается от других типов военных конфликтов, является неоднозначным. Понятие ГВ «остаётся не операционализированным» [4]. Вместе с тем в самом общем, схематич-

ном виде ее характеризуют как тип конфликта, возникший в смешении сил, способов, тактики обычной и иррегулярной войны (рис. 1).

Также с момента возникновения и по настоящее время происходит заметная трансформация представлений о субъектах ГВ. Изначально, в период конца 1990-х — начала 2000-х гг., они ассоциировались с *негосударственными иррегулярными силами*. «Чеченская борьба против России считалась гибридной», — пишет профессор международных отношений Карлтонского университета Элинор Слоан, — поскольку чеченцы наряду с преобладающей партизанской тактикой применяли современные военные коммуникационные технологии и крупные скоординированные военные операции. Точно так же во время израильской войны 2006 г. против Ливана «Хезболла» объединила террористическую деятельность и кибервойну с использованием высокотехнологичного военного потенциала, такого как противоспутниковое оружие, чтобы эффективно блокировать израильские цели» [5]. Не случайно и в сущностном понимании ГВ характеризовалась американским аналитиком, полковником Уильямом Дж. Неметом как «современный вид партизанской войны», применяющей «новейшие технологии и методы мобилизации». И в этом плане «чеченское повстанческое движение» представлялось им в качестве «модели для гибридной войны» [6]. С позиций современного опыта очевидно, что подобный подход не исчерпывает все проявления и виды ГВ как конфликта XXI в. и более сложный набор используемых в ней инструментов силы. Вместе с тем ГВ *негосударственных незаконных вооруженных формирований* против суверенных государств и законных Вооруженных сил не исчерпали свой потенциал в современном мире.

После якобы вторжения России в Крым в 2014 г. гибридная война в концептуальном плане стала ассоциироваться и с *поведением государства* как одного из ее субъектов. «Гибридная война под руководством государства, — указывает профессор Элинор Слоан, — еще более сложна, поскольку она может также включать некоторые из „новых нерегулярных“ подходов, которые недоступны негосударственным субъектам. Кроме того, именно государственные субъекты будут иметь возможность включить методы политической войны в свой подход к гибридной войне» [5]. Причем осуществляя действия в «се-

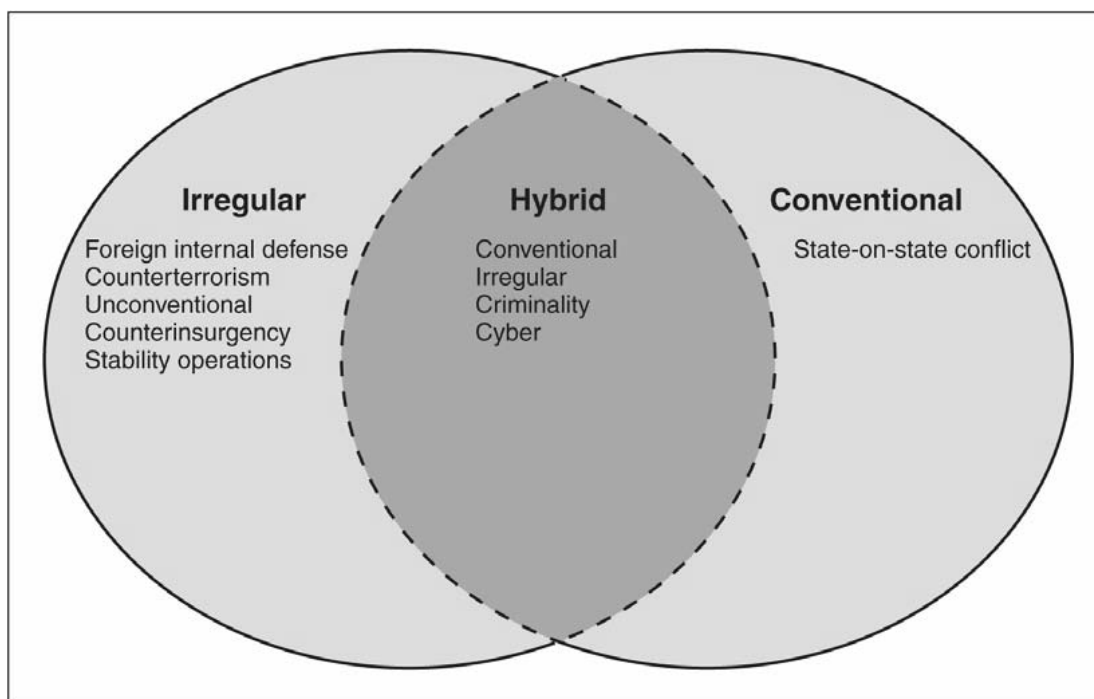

Рис. 1 / Fig. 1. Соотношение иррегулярной, обычной и «гибридной войны» / The relationship between irregular, conventional and “hybrid war”

Источник / Source: Hybrid Warfare. Briefing to the Subcommittee on Terrorism, Unconventional Threats and Capabilities, Committee on Armed Services, House of Representatives. 2010;(Sept.10):16.

рой зоне» между миром и войной так, чтобы не переступить порог развязывания обычной войны и «маскируя свое вмешательство» [7]. Особенности «серой зоны» позволяют «использовать различные способы военного и невоенного насилия постепенно, скрытно и косвенно. При скрытом воздействии применяются нерегулярные военные формирования, ведется война „чужими руками“, используются частные военные компании, что позволяет скрывать истинных инициаторов конфликта. Таким образом, „серая зона“ становится податливым пространством между войной и преступностью на пересечении нетрадиционных средств, незаконных методов и международных норм, порядка и анархии» [8]. Важно добавить, что ГВ не следует соотносить с действиями любого государства в конфликтах XXI в. ГВ — инструмент агрессии *неоимперских держав* и стран, стремящихся сохранить однополярный порядок в мире и гегемонию США, осуществить новый территориальный передел в интересах контроля мировых ресурсов, десоверенизации субъектов мировой политики, развала сопротивляющихся стран, а также *милитаристских государств*, нацеленных на расширение сферы геополитического влияния, силовое решение территориальных споров, ре-

ализацию экспансионистских территориальных притязаний.

Сущностной чертой ГВ является ее *асимметричный характер*, поскольку противоборство в ней ведется между государством и негосударственными субъектами, в военных силах которых имеется существенный дисбаланс (асимметрия) либо которые применяют кардинально различные стратегии и тактику. Эти асимметричные методы и действия характеризуют также и невоенную область противоборства, поскольку ГВ — «это вооруженный конфликт, осуществляемый сочетанием невоенных и военных средств с их синергетическим эффектом»¹. В целом следует отметить, что ГВ все же не тождественна понятию «асимметричная война» и имеет более сложный характер.

В стремлении раскрыть сложную природу ГВ Натан Фриер, научный сотрудник Центра стратегических и международных исследований (США), определяет ее как «противоборство, в котором хотя бы одна сторона использует два из четырех существующих методов войны (традиционная

¹ Hybrid warfare: A new phenomenon in Europe’s security environment. Praha; Ostrava: Published by Jagello 2000 for NATO Information Centre in Prague; 2015:8.

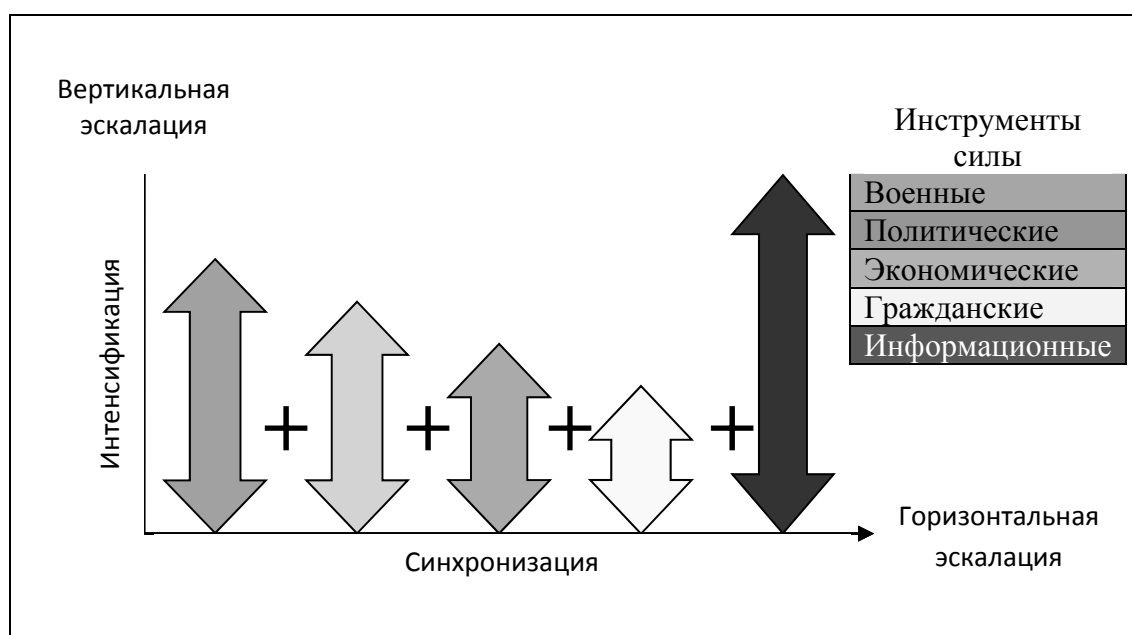

Рис. 2 / Fig. 2. Эскалация гибридной войны / The escalation of the hybrid war

Источник / Source: Guidance. Countering hybrid warfare project: understanding hybrid warfare. PDF, 2.25MB, Published 2017;(28 Sept.):36. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/647776/dar_mcdc_hybrid_warfare.pdf

война, иррегулярная война, терроризм, разрушительные технологии» [9]. В рамках данного подхода многие авторы представляют различные комбинации множественных способов и средств, применяемых в ГВ. Редактор *Global Security Review* Джозуа Стоувелл, например, пишет: «термин „гибридная война” описывает стратегию, использующую обычную военную силу в сочетании с действиями иррегулярных сил и с тактикой кибервойны» [10]. В «Руководстве по противодействию гибридной войне» отмечается, что ГВ, «ведущая государственными или негосударственными субъектами, как правило, рассчитана на то, чтобы оставаться ниже очевидных порогов обнаружения и реагирования. В ней синхронизировано применяются 5 основных компонентов, которые выходят далеко за рамки военной сферы.

Кроме того, в ГВ осуществляется «горизонтальная и вертикальная эскалация силового воздействия для достижения стратегического эффекта» (рис. 2).

Многомерный облик ГВ ее основоположник, подполковник морской пехоты США Ф. Хоффман описывает в терминах *мультимодальности* (многообразия и разнородности применяемых способов и средств ее ведения), «которые оперативно и тактически направлены и координируются в рамках основного боевого пространства

для достижения синергетических эффектов», *многовариантности* режимов ведения и *мультимодального* характера войны [11].

«ГИБРИДНЫЕ ВОЙНЫ» КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Анализ имеющегося опыта ведения определенными государствами и подконтрольными им негосударственными субъектами ГВ показывает, что они выступают угрозой государственному суверенитету, территориальной целостности и безопасности национальных государств, прежде всего тех, которые проводят независимый от США и их союзников политический курс, не приемлет их глобальную гегемонию, роль мирового жандарма с игнорированием международного права. «Методы ведения „гибридной войны” разработаны не нами. Спецслужбы Запада давно применяют их в первую очередь против России. Однако, пытаясь замаскировать свои действия, в этом бездоказательно обвиняют нашу страну. Вот только готовых поверить в эту ложь становится все меньше и меньше» (<http://foto-i-mir.ru/2019/04/24/выступление-первого-заместителя-министра/>).

Поэтому в своей *политической сущности государственные ГВ* являются инструментом комплексной («мультимодальной», «мультимодальной»)

доменной») агрессии против суверенных государств, направленной на дезорганизацию системы государственного и военного управления, экономики, социальных институтов, свержение легитимного правящего руководства методами экономических санкций, международной изоляции, лживой массивированной пропаганды, поддержки внутренней радикальной оппозиции и экстремистов всех мастей, разжигания «цветных революций», реализации террористических акций, государственных переворотов, гражданской войны, кибератак, с последующим проведением извне военно-силовой операции на грани войны и мира (в «серой зоне») с использованием высокоточных авиационных и ракетных ударов, сил специального назначения, вооруженных формирований негосударственных субъектов в целях установления власти марионеточного правительства и обеспечения геополитического контроля за территорией и ресурсами государства-жертвы.

Сущность негосударственных ГВ воплощается в экстремистской и террористической агрессии ультрарадикальных политических сил, их незаконных вооруженных формирований и несиловых компонентов, поддерживаемых извне заинтересованными неоимперскими и милитаристскими государствами против конституционного строя, легитимного правительства и государственного руководства суверенного государства-мишени в интересах незаконного установления реакционного режима, реализации заявленных идеологических целей и политических программ, подконтрольных «внешним управляющим».

Командование США и НАТО активно прорабатывают ведение ГВ в военно-стратегических документах и служебных наставлениях². В первом президентском меморандуме Д. Трампа по национальной безопасности NSPM-1 «Перестройка ВС США» (2017) заявлено, что необходимо продолжить трансформацию Вооруженных сил как основного гаранта продвижения американских интересов с позиции силы, и США должны готовиться к войнам нового поколения. В 2017 г. разработан документ, уточняющий перспективы строительства и развития Сил специальных операций на период до 2035 г. и на дальнейшую перспективу — концепция «ССО

Сухопутных войск-2035». В документе отмечается, что военные конфликты будущего по своей сути будут гибридными, сочетающими действия группировок ВС, иррегулярных формирований, а также деятельность в информационном и киберпространствах [12]. Пентагон приступил к разработке современной стратегии ведения военных действий на основе гибридных методов, которую уже окрестили «троянский конь». Суть ее заключается в активном использовании «протестного потенциала пятой колонны» в интересах дестабилизации обстановки с одновременным нанесением ударов ВТО по наиболее важным объектам³.

Именно таким характером отличались действия США и НАТО в комбинации с использованием экстремистов, бандформирований, террористов в Югославии, Афганистане, Ираке, Ливии, Ливане, Йемене, Сирии, Грузии, Украине.

В современных условиях главным объектом ГВ является Российская Федерация. При этом, к сожалению, в российских военно-политических документах стратегического планирования ГВ как угроза военной, национальной, государственной, информационной, пограничной или иной безопасности не фиксируется. Только в Военной доктрине Союзного государства, утвержденной Советом министров Республики Беларусь 13 декабря 2018 г. и Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 19 декабря 2018 г., впервые указывается на усиление угрозы ГВ и цветных революций [13].

Стратегией ГВ предусматривается предварительная подготовка «инфраструктуры» для ее ведения на театре действий «гибридной войны» (ТДГВ), охватывающем территорию государства — объекта ГВ («государства-мишени» или «жертвы гибридной агрессии») и прилегающие к его границам части территории континента (с прибрежными водами океана, морями и воздушным пространством), в пределах которых могут быть развернуты или ведутся операции «гибридной войны». Таким образом, в границы ТДГВ входит территория государства-жертвы с прилегающими приграничными зонами. Эти зоны включают территории союзников и партнеров, которые используются государством-агрессором на различных этапах ГВ [8]. В настоящее время ведется активная деятельность по созда-

² The Army Operating Concept (AOC): Win in a Complex World (2020–2040). 31.10.2014. TRADOC Pamphlet 525–3–1.

³ Генштаб России объяснил суть американского «Троянского коня». РИА Новости. 02.03.2019.

нию «серых зон» инфраструктуры ГВ у границ Российской Федерации «на протяжении всей „дуги нестабильности“ от западного побережья Африки до Центральной Азии», где размещаются военные базы, разведывательные центры, тренинговые структуры, логистические объекты. «В перспективе следует ожидать формирование ТДГВ в Арктике и на дальневосточных рубежах с участием США и Японии» (https://slovakia.mid.ru/vnesnepolitieskie-diskussii-i-analitika?p_auth=ZEWIf19O&p_p_id=3&p_p_lifecycle=1&p_p_state=normal&p_p_state_rcv=1).

Политиками, руководством США и НАТО открыто высказываются намерения спровоцировать территориальный распад Российской Федерации, отторгнуть ее отдельные, прежде всего приграничные регионы, поощряя и используя внутренний протестный потенциал, сепаратистские силы и настроения. Американские аналитики из ЦРУ и других ведомств прямо делают ставку на развал России изнутри после 2020 г. Произойдет это, по их мнению, из-за внутренних социальных и межэтнических конфликтов, инициируемых извне с использованием проблем социального и регионального неравенства, а также снижения уровня жизни населения нашей страны (<http://www.dal.by/news/1/27-10-14-8>). Напомним, что предыдущие прогнозы о распаде России в 2015 г. не оправдались. Однако настойчивое внушение мировой общественности мысли о недолговечности России — неотъемлемая часть «гибридной войны» против нашей страны.

Бывший посол США в РФ Майкл Макфол по случаю двухлетия возвращения Крыма в состав России напомнил, что Кенигсберг был немецким городом на протяжении многих веков, после чего задался вопросом: возможно, Германия имеет право на то, чтобы аннексировать российский Калининград по крымскому варианту⁴? При

⁴ Бывший посол США в России поспорил о принадлежности Калининграда. РИА Новости. 20.03.2016.

этом в ходе учений «Анаконда-2018» войска НАТО отрабатывали захват Калининграда. Западные стратеги «гибридной войны» делают ставку на деструктивные процессы, чреватые социально-политическими кризисами, внутренними конфликтами, угрозой сепаратизма в других приграничных субъектах Российской Федерации. Существует экспертное мнение, что раскол РФ может пройти по границам восточнославянской, исламской (Северный Кавказ и Поволжье) и буддистской (Калмыкия, Тува, Бурятия) культур. По другим прогнозам, распад России произойдет с отделения Сибири и Дальнего Востока, выделения территорий, тяготеющих к Балтике, и автономизацией Юга России и Поволжья (<https://politua.org/novosti/34831-separatizm-rossijskih-regionov-stan>).

Таким образом, *государственная «гибридная война»* — современный инструмент геополитической агрессии, прежде всего США и НАТО, используемый в целях сохранения гегемонии коллективного Запада в однополярном мире и нового территориального передела. *Негосударственная «гибридная война»* — инструмент экстремистской и террористической агрессии ультрарадикальных политических сил, их незаконных вооруженных формирований и несиловых компонентов, поддерживаемых извне заинтересованными неоимперскими и милитаристскими государствами.

Современная гибридная война является угрозой национальной и пограничной безопасности России, нацеленной на подрыв государственного суверенитета и территориальной целостности страны, суверенизацию отдельных приграничных регионов, насильственную смену законной власти на подконтрольное Западу марионеточное правительство, призванное обеспечить ему, и прежде всего США, геополитический контроль за территорией Российской Федерации, пространствами и ресурсами Евразии в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кревельд М. Трансформация войны. Пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Бук; 2005.
2. Kilcullen D. The Accidental Guerrilla: Fighting Small Wars in the Midst of a Big One. Oxford University Press; 2009.
3. Арзуманян Р. В. Стратегия иррегулярной войны: теория и практика применения. Теоретические и стратегические проблемы концептуализации, религиозные и военно-политические отношения в операционной среде иррегулярных военных действий. Михайловский А. Б., ред. М.: АНО ЦСОиП; 2015.

4. Чижевский Я. А. Развитие военно-политического дискурса: представляем неологизмы «асимметричный конфликт» и «гибридная война». *Политическая наука*. 2016;(2):269–283.
5. Слоан Э. Гегемония, власть и гибридная война. URL: <https://doc-research.org/2018/11/hegemony-power-hybrid-war>.
6. Nemeth W. J. Future War and Chechnya: A Case for Hybrid Warfare, Thesis, Naval Postgraduate School, Monterey, California, June 2002.
7. Bachmann S. D., Gunneriusson H. Russia's hybrid war in the East: the integral nature of the information sphere. *Georgetown Journal of International Affairs*. 2015; Fall.
8. Бартош А. А. Как США и НАТО переводят гибридную войну на научную основу. Зачем у границ России формируется опасная «серая зона». *Независимое военное обозрение*. 24.08.2018.
9. Frier N. Hybrid Threats and Challenges: Describe... Don't Define. URL: <http://smallwarsjournal.com/blog/journal/docs-temp/343-freier.pdf>.
10. Joshua Stowell What is Hybrid Warfare? *Global Security Review*. 2018;(Aug.1).
11. Hoffman F. Conflict in the 21st Century: the Rise of Hybrid Wars; 2007. p. 28.
12. Judson J. US Army Special Ops commander lifts curtain on 2035 strategy. URL: <https://www.defensenews.com/digital-show-dailies/sofic/2017/05/17/us-army-special-ops-commander-lifts-curtain-on-2035-strategy>.
13. Тиханский А. Новая военная доктрина союзного государства Беларуси и России: «гибридные войны» и «цветные революции». URL: <http://eurasia.expert/novaya-voennaya-doktrina-soyuznogo-gosudarstva-belarusi-i-rossii-gibridnye-voyny-i-tsvetnye-revoljuts>.

REFERENCES

1. van Creveld M. The Transformation of War: The Most Radical Reinterpretation of Armed Conflict Since Clausewitz. Transl. from Eng. Moscow: Alpina Business Book; 2005. (In Russ.).
2. Kilcullen D. The Accidental Guerrilla: Fighting Small Wars in the Midst of a Big One. Oxford: Oxford University Press; 2009.
3. Arzumanyan R. V. Strategy of irregular war: Theory and practice of application. In: Theoretical and strategic problems of conceptualization, religious and military-political relations in the operating environment of irregular military operations. Mikhailovsky A. B., ed. Moscow: ANO TSSiP; 2015. (In Russ.).
4. Chizhevsky Ya. A. The development of military-political discourse: Introducing neologisms “asymmetric conflict” and “hybrid war”. *Politicheskaya nauka*. 2016;(2):269–283. (In Russ.).
5. Sloan E. Hegemony, power, and hybrid war. 2018;(Nov.22). URL: <https://doc-research.org/2018/11/hegemony-power-hybrid-war/>.
6. Nemeth W. J. Future War and Chechnya: A Case for Hybrid Warfare. Thesis. Naval Postgraduate School, Monterey, California. June 2002. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/36699567.pdf>.
7. Bachmann S. D., Gunneriusson H. Russia's hybrid war in the East: The integral nature of the information sphere. *Georgetown Journal of International Affairs*. 2015; Fall. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2670527.
8. Bartosh A. A. As the USA and NATO translate hybrid war on a scientific basis. Why a dangerous “gray zone” is formed near the borders of Russia». *Nezavisimoe voennoe obozrenie*. 24.08.2018. URL: http://nvo.ng.ru/realty/2018-08-24/4_1010_science.html. (In Russ.).
9. Freier N. Hybrid Threats and Challenges: Describe... Don't Define. URL: <http://smallwarsjournal.com/blog/journal/docs-temp/343-freier.pdf>.
10. Stowell Joshua. What is Hybrid Warfare? *Global Security Review*. 2018;(Aug.1). URL: <https://globalsecurityreview.com/hybrid-and-non-linear-warfare-systematically-erases-the-divide-between-war-peace/>.
11. Hoffman F. Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars; 2007. p. 28.
12. Judson J. US Army Special Ops commander lifts curtain on 2035 strategy. URL: <https://www.defensenews.com/digital-show-dailies/sofic/2017/05/17/us-army-special-ops-commander-lifts-curtain-on-2035-strategy/>.
13. Tihansky A. A new military doctrine of the Union State of Belarus and Russia: the “hybrid war” and “color revolutions”. URL: <http://eurasia.expert/novaya-voennaya-doktrina-soyuznogo-gosudarstva-belarusi-i-rossii-gibridnye-voyny-i-tsvetnye-revoljuts/>. (In Russ.).

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-4-100-105
УДК 378(045)

КОНСТРУИРОВАНИЕ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИНСТИТУТОВ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ*

Большунов Андрей Яковлевич, канд. психол. наук, доцент,
ведущий научный сотрудник Центра социальной экспертизы и развития, Финансовый университет,
Москва, Россия
andrey.bolshunov.1955@gmail.com

Тюриков Александр Георгиевич, д-р социол. наук, профессор, руководитель Департамента социологии,
философии и истории, Финансовый университет, Москва, Россия
t-ag2013@yandex.ru

Аннотация. В статье обсуждается конструирование института финансовой грамотности как социальной игры со специфической социально-смысловой системой. Обосновывается тезис, что показателем эффективности института является охват и качество (уровень) вовлечения в игру целевых групп в статусе игроков, вводится пирамида уровней (качества) вовлеченности целевых групп. Отстаивается тезис, что институты имеют характер социальных игр, анализируются институты как игры, вводится понятие «больших игр», в которых осуществляется производство и воспроизводство элит, обсуждаются вопросы социального конструирования институтов как игр, намечаются контуры социальной игры в «финансовую грамотность», артикулируется значение процессов легитимации игр/институтов. Высказанные тезисы побуждают критически оценить реализацию проекта «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации».

Ключевые слова: Стратегия повышения финансовой грамотности в Российской Федерации; финансовая грамотность; институализация и институты финансовой грамотности; социальные игры

DESIGNING AND EFFECTIVENESS OF FINANCIAL LITERACY INSTITUTIONS**

Bolshunov A. Ya.,
Ph.D. of Psychological Sciences, Associate Professor, Leading Researcher of the Center for Social Expertise and
Development, Financial University, Moscow, Russia.
andrey.bolshunov.1955@gmail.com

Tyurikov A. G.,
Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Sociology, History and Philosophy, Financial University,
Moscow, Russia
AGTyurikov@fa.ru

---

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации на 2019 г.

** The article is based on the results of studies carried out at the expense of budgetary funds under the state order of the Financial University under the Government of the Russian Federation for 2019.

Abstract. *The article discusses the construction of the institution of financial literacy as a social game with a specific socio-conceptual system. We outlined the contours of the institution of financial literacy. The authors substantiated the thesis that the indicator of the effectiveness of such an institution is the coverage and quality (level) of involvement in the game of target groups in the status of players. We introduced a pyramid of levels (quality) of the involvement of target groups. We defend the thesis that institutions have the character of social games. Therefore, we have analysed the institutions as games, introducing the concept of “big games” in which the production and reproduction of elites are carried out. We also discuss the issues of the social construction of institutions as games, outlining the contours of the social game of “financial literacy” and identify the importance of the processes of legitimisation of games/institutions. The stated theses urge to critically evaluate the implementation of the project named “Promotion of financial literacy of the population and the development of financial education in the Russian Federation”.*

Keywords: *Financial literacy strategy in the Russian Federation; financial literacy; institutionalisation and institutions of financial literacy; social games*

ЗАДАЧА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ БАЗЫ ПОВЫШЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ В ВЕДОМСТВЕННЫХ ДОКУМЕНТАХ

Стратегия повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 гг. предусматривает «обеспечение необходимой институциональной базы и методических ресурсов образовательного сообщества с учетом развития современных финансовых технологий» (<https://vashifinancy.ru/upload/docs/Strategy.pdf>). Согласно информации Федерального сетевого методического центра, «институциональные рамки» финансовой грамотности в среднем и высшем образовании включают:

- национальную стратегию повышения финансовой грамотности 2017–2023 гг.;
- совместный план деятельности Минобрнауки России и Банка России в области повышения финансовой грамотности населения Российской Федерации;
- федеральные государственные образовательные стандарты (общее, среднее, высшее образование);
- примерные образовательные программы в области финансовой грамотности;
- концепцию основных знаний и навыков по финансовой грамотности для взрослого населения (ОЭСР МСФО) [1].

Указанные «институциональные» рамки очерчивают, по сути, ведомственный подход к повышению финансовой грамотности, стратегию одного (пусть даже ключевого) из участников проекта. Напомним, что Д. Норт, классик неинституционализма и основатель теории институциональных изменений, подчеркивал: «необходимой предпосылкой для разработки теории институтов является отделение анализа правил игры от стратегии игроков» [1, с. 20]. Добавим: отделение правил игры от стратегий

игроков является и условием конструирования институциональной базы. Правила конституируют игру, а не описывают стратегии; в игре же есть (должны быть) места для множества участников с разнообразными стратегиями.

Аналогичный упрек может быть адресован и другим участниками проекта: как правило, речь идет о формировании «институциональной» базы для собственного участия в проекте, об институциональном обеспечении своих стратегий и интересов, а не о создании игры для всех участников и их «сыгранности» (collusion). Например, на баннерах Сбербанка финансовая грамотность связывается преимущественно с освоением онлайн-сервисов самого Сбербанка. О.В. Кузнецов с соавторами обеспечение институциональной базы описывают через создание сети консультационно-методических центров, основой деятельности которых является реализация программы повышения квалификации консультантов-методистов по направлению «Финансовое консультирование» [2].

Конечно, и Минфин, и Минобрнауки, и Банк России, и Сбербанк, и финансовые консультанты являются важными участниками проекта повышения финансовой грамотности. Но какой будет прок от ведомственных мероприятий и мероприятий Сбербанка, если в игру — причем именно в качестве игроков — не будут вовлечены, например, целевые группы проекта, если не возникнет феномен collusion (сыгранности) всех участников?

О РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ПРОЕКТА

Минфин реализует проект «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации» с 2011 г. Каковы же результаты этой 8-летней деятельности? Вот заключение, данное 11 декабря 2018 г. авторитетным у финансовой об-

щественности и вполне лояльным проекту информационным агентством «Клерк.ру»: «Сделать вывод о существенном росте финансовой грамотности населения России за период реализации Проекта в настоящее время не представляется возможным!» (<https://www.klerk.ru/buh/news/480470/>).

Судить о результативности проекта можно по охвату и качеству вовлеченности в него целевых групп. Вовлечение является ключевой задачей институтов финансовой грамотности (рис. 1).

О широте и качестве вовлеченности населения в проект можно судить по состоянию интернет-форумов, в повестке которых находятся вопросы финансовой грамотности и реализации проекта. Одним из основных форумов такого рода является Subforums.net (<http://subforums.net/forums/finansovaja-gramotnost.159/>). Активных (откликнувшихся) участников обсуждения тем, посвященных финансовой грамотности, ничтожно мало — от 1 до 7 человек. Только темы: «А нужен ли кредит?» и «Как стать богатым?» собрали соответственно 18 и 20 участников (на 1 июля 2018 г.), но активность по теме «Как стать богатым», например, вряд это объясняется интересом к проекту, посвященному финансовой грамотности. При этом просмотров тем — от 500 до 2000. Такой разрыв между просмотрами и откликами указывает, что уровень вовлеченности не дотягивает даже до показателей лояльности. Наглядно: по теме «А нужен ли кредит?» просмотров 2046, а откликов — 18 (0,88%, т.е. в пределах статистической погрешности). Аналогично обстоят дела на форуме «Финаграм» (<https://finagram.com/groups/finansovaya-gramotnost/forum/>) — число участников обсуждения тем не превышает 10.

Для обсуждений проекта в Интернете характерна скептическая позиция блогеров: «Когда финансовой грамотностью начинают заниматься финансовые учреждения, то результат всегда получается один — реклама и впаривание» (<https://fintraining.livejournal.com/639298.html>). Речь идет о том, на что мы указали выше: «юзеры» чувствуют, что у «игроков» свои игры, они не занимаются повышением финансовой грамотности населения.

Попробуйте задать «простым» гражданам (представителям целевых групп) вопросы, по ответам на которые можно судить об их осведомленности о проекте (хотя бы о том, что такой проект вообще существует), их лояльности проекту, релевантности проекта их запросам, готовности участвовать в проекте и референтности проекта. Можно смело утверждать, что результаты этого опроса будут удручающими.

Поскольку участники проекта бодро рапортуют о достижениях (проведенных мероприятиях, количестве прошедших подготовку финконсультантов и т.п.), приведенные выше факты их, видимо, не беспокоят: ведь каждый из них играет в свою игру, представляя ее институциональной рамкой проекта.

ЧТО ТАКОЕ ИНСТИТУТ?

Согласно Д. Норту, «институты — это правила игры в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми» [1, с. 17]. Д. Норт не поясняет, что он называет игрой, используя этот термин как метафору (вслед за ним так же поступает большинство институционалистов). В настоящей статье отстаивается точка зрения, согласно которой ключевым в определении Д. Норты является термин «игра», а не «правила».

Сошлемся, во-первых, на основополагающий тезис Й. Хейзинги: «Человеческая культура возникает и разворачивается в игре, как игра» и «наиболее заметные ... проявления общественной деятельности человека все уже пронизаны игрою» [3, с. 19, 27].

Во-вторых, понятие игры занимает центральное место в теории социального поля П. Бурдьё. «Каждое поле подразумевает и производит свою особую форму *illusio*, то есть вовлеченности в игру (курсив авторов)... На ... „сыгранности“ [collusion] агентов в *illusio* основывается конкуренция, которая, противопоставляя агентов друг другу, собственно и составляет сущность игры. <...> Каждое поле (религиозное, артистическое, научное, экономическое и т.д.), навязывая особую форму регуляции практик и репрезентаций, предлагает агентам легитимную форму реализаций их желаний, основывающуюся на присущей данному полю форме *illusio*» [4]. «*Illusion* ... заставляет [людей] делать то, что они делают, и быть тем, кем они являются» [5, с. 337]. «Основополагающая приверженность самой игре, *illusio*, *involvement*, *commitment* представляется абсолютным требованием ... игры, инвестированием в игру, которое является результатом и в то же время условием функционирования игры» [6, с. 187].

Совсем не метафорически пишет о социальных играх Э. Берн: «Антропологам хорошо известно, насколько серьезны могут быть игры и их результаты. Адски серьезной была сложнейшая из когда-либо существовавших игр „Придворный“, столь превосходно описанная Стендалем в „Пармской обители“» [7, с. 42].

Н. Элиас соотносит с категорией игры ключевое для него понятие фигурации [8].

Рис. 1 / Fig. 1. Пирамида уровня (качества) вовлеченности / Pyramid of engagement quality/level

Обратим внимание: перечисляемые П. Бурдые поля и игры (религия, наука, экономика и пр.) могут быть названы и институтами; аналогично игра «Придворный», на которую указывает Э. Берн, столько же является институтом, сколько игрой.

Подчеркнем: 1) Хэйзинга, Бурдые и Берн используют термин «игра» не метафорически; 2) приводимые ими примеры свидетельствуют, что понятия «игры» и «института» соотносимы.

Что мы имеем в виду, утверждая, что институт — это игра со свойственными ей *illusio* и *collusion*? Ответим на этот вопрос на примере шахмат, которые мы назовем «базисной практикой», вокруг которой выстраивается «большая игра» (институт). Это, во-первых, игроки: ФИДЕ, Национальные шахматные федерации, тренеры, судьи, шахматные школы, кружки, клубы и т.д. Во-вторых, очевидно, что эта «большая игра» требует *collusion*, сыгранности всех участников. В-третьих, манифестациями игры являются события (соревнования, матчи). Возведение шахмат в культ и событий «большой игры» в священнодействия осуществляется процессами легитимации — наделения института смыслами [9].

Движущей силой «большой игры» являются *illusio*, порождаемые ее смысловой системой. Л.С. Выготский указывал: «за критерий выделения игровой деятельности ... следует принять то, что в игре [человек] создает мнимую ситуацию [и] это становится возможным на основе расхождения видимого и смыслового поля» [10, с. 204]. П. Бурдые называет социальный мир местом «внебрачных компромиссов между вещью и смыслом» [11, с. 85].

Наконец, правила (нормы, законы, церемонии, регламенты, порядки, стандарты и пр.) завершают процесс формирования игры и оформляют ее как институт.

Из сказанного вырисовываются контуры института (рис. 2).

ПРОЕКТ ПОВЫШЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КОНТУРЫ ИГРЫ

Прежде всего подчеркнем, что базисной здесь является не деятельность Минфина или Минобрнауки и т.п., — «базисные практики» здесь связаны непосредственно с реализацией целей и задач проекта. «Финансово грамотный гражданин должен как минимум: следить за состоянием личных финансов; планировать свои доходы и расходы; формировать долгосрочные сбережения и финансовую „подушку безопасности“ для непредвиденных обстоятельств; иметь представление о том, как искать и использовать необходимую финансовую информацию; рационально выбирать финансовые услуги и др.» (<https://vashifinancy.ru/upload/docs/Strategy.pdf>).

Вокруг этих практик должна выстраиваться вся «большая игра» (институт).

Участники (игроки). Это, опять же, в первую очередь не ведомства и банки, а целевые группы. В игре в финансовую грамотность именно они являются «шахматистами», без которых, что бы ни городили другие участники, игры не будет. Это:

- целевая группа населения — обучающиеся образовательных организаций;
- целевая группа населения, склонного к рискованному типу финансового поведения;
- целевая группа населения, испытывающая трудности при реализации своих прав на финансовое образование и их защиту» (<https://vashifinancy.ru/upload/docs/Strategy.pdf>).

Прочих игроков можно разделить на институциональных (в проекте это, например, методические

Рис. 2 / Fig. 2. Контурсы института как игры / Contours of the Institution as a game

центры, уполномоченные ведомства) и заинтересованных [стейкхолдеры, финансовые организации и консультанты, средства массовой информации (СМИ), некоммерческие организации (НКО) и др.].

Ставки. Для целевых групп игра должна функционировать как «производство славы и элит», как механизм признания. Но и другие игроки должны ясно представлять, что «стоит на кону» (разыгрывается). В конечном итоге речь идет о триаде, включающей в себя успех, вознаграждение и признание (причем именно успех — т.е. результаты, которые конституированы как успех, — должен вознаграждаться и получать признание). Ошибочно полагать, что, например, фраза «финансово грамотный гражданин должен следить за состоянием личных финансов» указывает на ставку. «Ну, научусь я следить за состоянием своих финансов, планировать личные доходы, рационально выбирать финансовые услуги и пр. И ЧТО?».

Event (события), манифестации игры. Согласно отчетам и информационным бюллетеням проекта, программа насыщена событиями (всероссийские недели финансовой грамотности, выставки-ярмарки «Ваши личные финансы», конкурсы, олимпиады и т.п.). Но нет ощущения, что предполагаемые игроки «рвутся» участвовать в этих событиях — хотя бы в четверть того, как рвутся участвовать в конкурсах

«Голос», «Минута славы» и т.п. Для подавляющего большинства целевых групп эти события проходят незамеченными. События должны решать задачи вовлечения (охвата и уровня) и смыслообразования. Решают ли события проекта содействия повышению уровня финансовой грамотности эти задачи?

Легитимация и смысловая система игры. П. Бергер и Т. Лукман разделяют четыре уровня [9]. Сохраняя смысл, но используя другую терминологию, эти уровни можно определить как: 1) языковые игры, 2) нарративы, 3) дискурсы (по П. Бергману и Т. Лукману «теории») и 4) символический уровень легитимации. Например, важным элементом символического уровня является формирование «пантеона славы и heros» «большой игры». Суть легитимации в том, чтобы сформировать смысловую систему игры и соответственно в производстве и обосновании *illutio*, поскольку именно «*illutio* есть то, что нужно сделать, чтобы быть в согласии с самим собой» и «*Illutio* ... заставляет [людей] делать то, что они делают, и быть тем, кем они являются» [5, с. 326, 337].

Collusion (сыгранность). Collusion означает, что игра состоялась, сложилась. Из вышеизложенного понятно, что для collusion недостаточно ведомственной координации, вообще управления. Поэтому П. Бурдьё говорит, что для collusion необходимо

«чувство игры», т.е. захваченность смысловым полем игры.

Наконец, мы говорили выше, что процесс формирования игры завершают «правила» (нормы, законы, церемонии, регламенты, порядки, стандарты и пр.); именно завершают, а не начинают.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вывод, к которому мы пришли, состоит в том, что игра/институт является продуктом **социального**

конструирования. В конечном итоге речь идет о формировании **социальной системы (социально-смысловой системы)** проекта, функционирующей в логике признания. Представленный в статье подход к формированию института финансовой грамотности близок к подходу Ж. Делеза: «Институт — ... **модель действия, ... изобретенная система позитивных средств**» [12, с. 38]. Но мы стремились обосновать, что эта модель действия «изобретается» в логике социального конструирования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала»; 1997. 180 с.
2. Кузнецов О.В., Иванов А.В., Шевалкин И.С., Воровский Н.В. Развитие институциональной базы по реализации программ финансовой грамотности взрослого населения России. *Управленческие науки*. 2017;(2):70–77.
3. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха; 2011. 416 с.
4. Бурдьё П. Поле литературы. URL: <http://bourdieu.name/content/pole-literatury>.
5. Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя; 2005. 576 с.
6. Бурдьё П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя; 2007. 288 с.
7. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Пер. с англ. Sweden: Philosophical arkiv; 2016. 164.
8. Элиас Н. Понятие фигурации. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2000;3(3):62–65.
9. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум; 1995. 323 с.
10. Выготский Л.С. Психология развития ребенка. М.: Смысл, Эксмо; 2004. 512 с.
11. Бурдьё П. Практический смысл. СПб.: Алетейя; 2001. 562 с.
12. Делез Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт человеческой природы по Юму (и др. работы). М.: ПЭР СЭ; 2001. 480 с.

REFERENCES

1. North D. Institutions, institutional changes and economic performance. Moscow: Fund of the economic book “Nachala”; 1997. 180 p. (In Russ.).
2. Kuznetsov O.V., Ivanov A.V., Shevalkin I.S., Vorovsky N.V. The development of the institutional framework for the implementation of programs of financial literacy of the adult population of Russia. *Upravlencheskie nauki*. 2017;(2):70–77. (In Russ.).
3. Huizinga J. Homo Ludens. A Study of the Play-Element in Culture. St. Petersburg: Ivan Limbach Publishing House; 2011. 416 p. (In Russ.).
4. Bourdieu P. The field of literature. URL: <http://bourdieu.name/content/pole-literatury>. (In Russ.).
5. Bourdieu P. Social space: fields and practices. Moscow: Institute of experimental sociology. St. Petersburg: Alethea; 2005. 576 p. (In Russ.).
6. Bourdieu P. Sociology of social space. Moscow: Institute of experimental sociology. St. Petersburg: Alethea; 2007. 288 p. (In Russ.).
7. Berne E. Games people play. Transl. from English. Sweden: Philosophical arkiv; 2016. 164 p. (In Russ.).
8. Elias N. The concept of figuration. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 2000;3(3):62–65. (In Russ.).
9. Berger P., Luckmann T. Social Construction of Reality. A Treatise on the Sociology of Knowledge. Moscow: Medium; 1995. 323 p. (In Russ.).
10. Vygotsky L.S. Psychology of child development. Moscow: Publishing house “Smysl”, Eksmo; 2004. 512 p. (In Russ.).
11. Bourdieu P. Practical sense. St. Petersburg: Alethea; 2001. 562 p. (In Russ.).
12. Deleuze J. Empiricism and subjectivity: An essay on Hume’s theory of human nature (and other works). Moscow: PER SE; 2001. 480 p. (In Russ.).

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-4-106-110

УДК 316.4.066(045)

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО КРЕДИТОВАНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Разов Павел Викторович, д-р социол. наук, профессор Департамента социологии, истории и философии, Финансовый университет, Москва, Россия
PVRazov@fa.ru

Штепа Сергей Евгеньевич, магистр факультета социологии и политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
SEShtepa@gmail.com

Аннотация. Финансово-экономическая сфера очень богата на разного рода социальные риски, поскольку деньги в современных реалиях являются одним из основополагающих благ для нормального существования. В связи с этим большую научную и практическую значимость приобретает изучение процесса управления социальными рисками потребительского кредитования студенческой молодежи, а также влияющих на это факторов. Изучение этих вопросов поможет оказать помощь в минимизации рисков потребительского кредитования, а также выработать стратегию по внедрению изменений в процесс информирования и выдачи кредитов студенческой молодежи. В статье представлены результаты авторского эмпирического исследования социальных рисков потребительского кредитования студентов. Рассмотрены категории риск-опыта и риск-восприятия потребительского кредитования с их точки зрения. По результатам проведенного исследования сделан вывод о том, что наиболее рискованными видами потребительского кредитования являются кредиты на индивидуальное предпринимательство и текущие расходы и что необходимо предпринимать все возможные усилия по защите молодежи от рискованных ситуаций и выработать программу по подготовке детей и подростков к взрослой жизни, формируя культурные ценности на ранних этапах взросления.
Ключевые слова: потребительское кредитование; риски кредитования; студенческая молодежь; отношение молодежи к кредиту

SOCIAL RISKS OF CONSUMER CREDIT STUDENTS

Razov P.V., Doctor of Sociology, Professor, Department of Sociology, History and Philosophy, Financial University, Moscow, Russia
PVRazov@fa.ru

Shtepa S.E., Master of Science, Faculty of Sociology and Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia
SEShtepa@gmail.com

Abstract. The financial and economic sphere is very rich in all sorts of social risks since money in modern realities is one of the essential benefits for healthy existence. In this regard, significant scientific and practical importance is the study of the process of management of social risks of consumer lending to students, as well as influencing factors. The study of these issues will help to assist in minimising the risks of consumer lending, as well as to develop a strategy for introducing changes in the process of informing and issuing loans to students. The article presents the results of the author's empirical study of social risks of consumer lending to students. We considered the categories of risk experience and risk perception of consumer lending from students. According to the results of the study, we concluded that the riskiest types of consumer financing are loans for individual entrepreneurship and operating costs. We also found that it is necessary to make all possible efforts to protect young people from risky situations and develop a program to prepare children for adulthood, forming cultural values in the early stages of adulthood.
Keywords: consumer lending; credit risks; student youth; youth attitude to credit

Для достижения необходимых целей и задач в современном мире человеку приходится рисковать, и иногда риск оправдан и приводит к положительным результатам, а иногда — к плачевным последствиям. Склонность людей к принятию и реализации рискованных решений растет прямо пропорционально субъективной значимости предполагаемого результата этих решений.

Финансово-экономическая сфера очень богата на разного рода социальные риски, поскольку деньги в современных реалиях являются одним из основополагающих благ для нормального существования. Деятельность людей направлена на накопление и последующее использование сбережений. Особенно возрастает значимость денег и всей финансово-экономической сферы в целом при нестабильной экономической обстановке в стране. Прямо пропорционально этому процессу растут величина рисков и количество сфер их возникновения. В то же самое время финансово-экономическая сфера тесно связана с другими сферами жизни и оказывает влияние на них, что немаловажно для жизни общества и страны в целом.

В качестве одной из наиболее востребованных областей финансово-экономической сферы для российских граждан выступает кредитование, в частности потребительское. Благодаря кредитованию люди пытаются решить свои задачи, а иногда просто реализовать повседневные потребности. В совокупности с низкой осведомленностью кредитование ведет к возникновению социальных рисков неисполнения долговых обязательств, снижению уровня жизни, несоблюдению принципа равенства возможностей граждан.

Так, согласно статистике Национального бюро кредитных историй (НБКИ), с 2015 по 2018 г. растет уровень закредитованности населения¹. В январе 2018 г. зафиксирован максимальный показатель количества выданных кредитных карт (около 590 тыс. штук). По сравнению с январем 2015 г. выдача новых кредитных карт увеличилась в 3,1 раза. Как отмечает вице-президент ВТБ Дмитрий Поляков, в январе этого года банк выдал кредитных карт почти на 70% больше, чем за аналогичный период 2017 г. «Для банка этот результат является рекордным за последние че-

тыре года. В целом, в 2018 г. мы ожидаем прироста продаж кредитных карт на уровне 20–25%»². Центробанк уже заявил о своей озабоченности в связи со слишком активным ростом потребительского кредитования. В свою очередь, данная тенденция пагубно влияет на экономику страны и негативно отражается на гражданах, которые ввязываются в кредитные договоры для улучшения своей жизни. Впоследствии растет число недовольных, что оказывает влияние на общество и обстановку в стране. Особенно это важно, когда потребительское кредитование касается студенческой молодежи, которая не имеет опыта и знаний в данной сфере.

В связи с этим очень важным представляется изучение процесса управления социальными рисками потребительского кредитования студентов, а также влияющих на него факторов. Изучение этих вопросов поможет оказать помощь в минимизации рисков потребительского кредитования, а также выработать стратегию по внедрению изменений в процесс информирования и выдачи кредитов студенческой молодежи. В условиях нынешней экономики это стратегически важная цель, поскольку молодежь является наиболее востребованным сегментом для кредитования при отсутствии должного опыта в этой сфере и имеющихся в России финансово-экономических условиях.

В 2017 г. потребительское кредитование было наиболее популярным, опережая ипотеку и автокредиты. Больше всего денег банки выдали гражданам в виде кредитов наличными — почти 3 трлн руб., число таких займов достигло 24,7 млн шт³. Согласно данным Института социального анализа и прогнозирования (ИНСАП) РАНХиГС, в РФ объемы крупных потребительских кредитов наличными (больше 100 тыс. руб. сроком более чем на два года) в III квартале 2018 г. выросли на 60%, т.е. за это время было выдано 3,2 млн кредитов на 1,1 трлн руб. против 2,2 млн на 683,9 млрд руб. годом раньше⁴.

² Газета.ru: «Россия устала экономить: граждане ринулись за кредитами». URL: <https://www.gazeta.ru/business/2018/02/20/11656675.shtml>.

³ Статистика Объединенного кредитного бюро (ОКБ): В 2017 году заемщики взяли кредитов на 5,7 трлн руб. URL: <https://bki-okb.ru/press/news/v-2017-godu-zaemshchiki-vzyali-kreditov-na-57-trln-rub>.

⁴ Институт социального анализа и прогнозирования (ИНСАП) РАНХиГС: Ежемесячный мониторинг социально-экономического положения и самочувствия населения: 2015 — март 2019. URL: <https://www.ranepa.ru/sobytiya/novosti/>

¹ Национальное бюро кредитных историй: Создавая свою кредитную историю, Вы создаете себе будущее. URL: <https://www.nbki.ru/company/news/?id=21648>.

Самыми быстрыми темпами растет число молодых заемщиков. Исследование Национального бюро кредитных историй (НБКИ) зафиксировало, что молодежь в возрасте до 25 лет стала брать деньги в долг гораздо чаще, чем граждане других возрастов⁵ (см. *таблицу*). Активное привлечение молодых заемщиков является новой тенденцией на рынке розничного кредитования. Взрослых заемщиков не хватает, поэтому кредиторы обращают свое внимание на малововлеченную в сферу потребительского кредитования группу граждан, которые только вступают во взрослую (в том числе и в финансовом отношении) жизнь.

Молодые люди не имеют опыта и в большинстве случаев реально не могут оценить, как изменится их жизнь с взятием кредита. В силу большой потребительской активности молодые люди не видят другого выхода, как взять кредит, который им навязывают банки вместе со средствами массовой информации.

Согласно статистике Объединенного кредитного бюро, клиенты от 25 до 30 лет не только являются самыми заядлыми заемщиками, но и хуже всего выплачивают взятые кредиты. Больше всего банковских должников оказалось среди заемщиков в возрасте от 25 до 30 лет, треть из них задерживали платежи хотя бы на один день. Причем среди молодых людей, которые брали кредит в микрофинансовой организации, просрочки допустили 55% [1]. На втором месте закрепились люди в возрасте до 25 лет, являющиеся студенческой молодежью, которые потенциально перейдут на первое место в будущем. Данная тенденция пагубно отразится на поколении, и низкая финансовая грамотность сыграет с ними злую шутку, которая имеет пагубные последствия.

По еженедельным опросам фонда «Общественное мнение» было выявлено, что 74% респондентов считают кредит мерой, прибегать к которой следует только при крайней необходимости, 14% — нормальной практикой (несколько чаще остальных — молодые люди с высшим образованием и москвичи). Между тем довольно многие — 30% предпочитают не копить на крупную покупку, а сделать ее и расплачиваться постепенно. Толь-

ко 14% признают, что бывают ситуации, когда не вернуть кредит прощительно, в основном же (79%) не признают «извиняющих» обстоятельств⁶. Опросы показывают, что процентная доля людей, имеющих определенный достаток (позволяющий, к примеру, купить автомобиль), считают кредит облегчающим жизнь и делающим ее лучше, чем те, у кого не хватает денег даже на питание. Данная статистика показывает, что люди, имеющие опыт или определенное суждение по поводу взятия кредита, но не имеющие больших средств, на себе прочувствовали всю сложность взятия кредита, в то время как люди более-менее обеспеченные могут себе позволить взять кредит и относиться к этому более спокойно.

Что касается высказывания о том, что кредит усложняет жизнь и делает ее хуже, то процент негативного мнения о кредитовании снижается от менее обеспеченных к более обеспеченным, что, опять же, подтверждает положительное отношение к кредитам у обеспеченных людей.

С целью изучения социальных рисков потребительского кредитования студенческой молодежи было проведено авторское исследование. В качестве респондентов были выбраны студенты Финансового университета, так как большая часть из них имеет отношение к финансовой сфере в целом и знакома с потребительским кредитованием. С одной стороны, студенты могут дать определенную оценку потребителю кредиту на основе восприятия окружающей их информации, а с другой, они еще не имеют собственного опыта и достаточной финансовой грамотности, чтобы разбираться досконально в этом вопросе.

На вопрос о негативном опыте в ходе потребительского кредитования 5% респондентов отметили его наличие в данной сфере. Однако большинство (95%) не имеют опыта кредитования и не осведомлены в этом вопросе, что очень опасно и грозит студентам социальными рисками. 32% опрошенных имеют знакомых с негативным опытом потребительского кредитования. Данные показатели говорят о том, что эта тема является весьма актуальной для молодежи. То, что потребительское кредитование ведет к негативным последствиям, отмечают больше половины опрошенных — 59% (*рис. 1*).

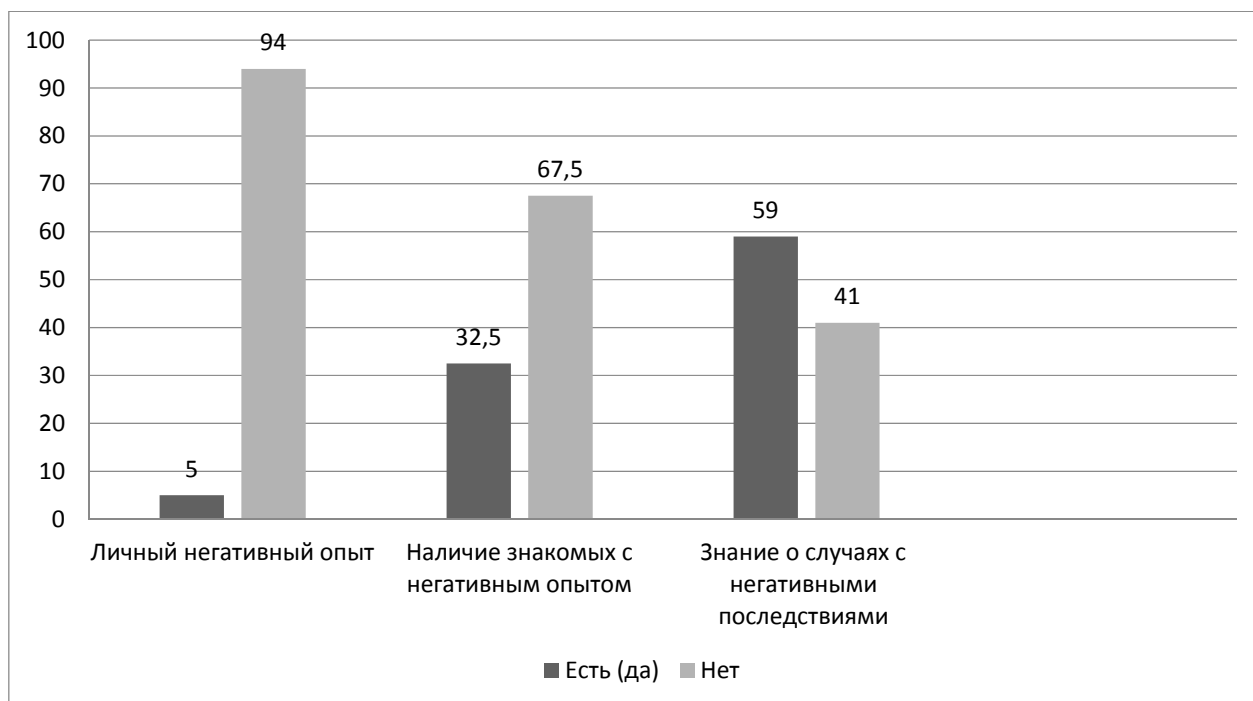
novyj-nomer-monitoringa-socialno-ekonomicheskogo-polozheniya-i-samochuvstviya-naseleniya-insap-ranhigs?searchword=кредиты.

⁵ Национальное бюро кредитных историй (НБКИ): НБКИ: новая тенденция в розничном кредитовании — банки «вспомнили» про молодежь. URL: https://www.nbki.ru/company/news/?id=20788&sphrase_id=140683.

⁶ Фонд «Общественное мнение» (ФОМ): «Упрощают или усложняют жизнь кредиты? Можно ли кредит не возвращать?» URL: <https://fom.ru/Ekonomika/14110>.

Динамика и возраст заемщиков (I квартал 2017 г.) / Dynamics and age of borrowers (2017)

Возраст заемщиков, лет	Динамика, %
До 25	18,6
От 25 до 29	21,2
От 30 до 39	15,0
От 40 до 49	10,6
От 50 до 59	10,2
От 60 до 65	7,1
Старше 65	7,2

Рис. 1 / Fig. 1. Количество студентов, имеющих негативный опыт или знакомых с негативным опытом в сфере потребительского кредитования, % / The presence of negative experience in the field of consumer lending

Для формирования картины о наиболее опасном и безопасном виде кредитования сравним все полученные данные о наличии рисков в различных видах потребительского кредитования глазами студента. Сначала возьмем только показатели, отражающие наличие опасности и рискогенности. Самым опасным, по мнению студенческой молодежи, является получение кредита на индивидуальное предпринимательство. Соответственно именно здесь больше всего потерпевших неудачу и опасующихся влезать

в эту сферу студентов — более 75%. Данный показатель является очень большим! На втором месте находятся кредиты на текущие расходы (73%), и это также очень высокий показатель. Замыкает список кредитование на образование в силу его прямого предназначения (рис. 2).

Если говорить о наиболее безопасных и наименее рискогенных сферах потребительского кредитования, то тут все не так просто, как кажется на первый взгляд. Самыми безопасными студенты считают кредиты на туристические

Рис. 2 / Fig. 2. Количество студентов, ответивших положительно на вопрос о наличии рисков в различных видах потребительского кредитования, % / The number of respondents who responded positively to the presence of risks in various types of consumer lending as a percentage

поездки (18% опрошенных), что не вяжется с последней позицией среди наиболее рисковенных видов кредитования. Объясняется это тем, что большое число студентов не определились со своей позицией, поскольку не имеют опыта и не обладают финансовой грамотностью, чтобы выбрать понравившийся им ответ. На втором месте предсказуемо расположились кредиты на образование, обладающие самым низким процентом на наличие рисков (17,1%). Третью позицию делят кредиты на неотложные нужды и дорогостоящие предметы (13%). Последнюю позицию занимают кредиты на индивидуальное предпринимательство, не обеспеченные в виде поручительства, что вполне логично (8,5%).

Таким образом, следует отметить, что основные риски кредитования для молодежи связаны

с ограничениями социальной защиты. Поэтому необходимо предпринимать все возможные усилия по защите молодежи от рисковенных ситуаций и выработать программу по подготовке детей и подростков к взрослой жизни, формируя культурные ценности на ранних этапах взросления. В частности, проработать все пути по минимизации рисков в молодости, предложить облегченные условия в рисковенных сферах. Люди, попавшие под риски, могут создавать предпосылки для социального протеста, что будет использоваться деструктивными политическими силами с целью дестабилизации обстановки в стране. Проработав программу для молодежи, в будущем можно рассчитывать на поколение людей, которое передаст навыки выживания в «обществе риска» своим потомкам, минимизируя их рисковенные ситуации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Жандарова И. Хуже всего кредиты платят заемщики в возрасте 25–30 лет. Российская газета. 21.04.2017. URL: <https://rg.ru/2017/04/21/ekspert-huzhe-vsego-kredity-platiat-zaemshchiki-v-vozhraсте-25-30-let.html>.

REFERENCES

1. Zhandarova I. The worst loans pay borrowers at the age 25–30 years old. *Rossiiskaya gazeta*. URL: <https://rg.ru/2017/04/21/ekspert-huzhe-vsego-kredity-platiat-zaemshchiki-v-vozhraсте-25-30-let.html>.

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-4-111-114
УДК 338.23(045)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ФИНАНСИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ФОНДА ОБЯЗАТЕЛЬНОГО МЕДИЦИНСКОГО СТРАХОВАНИЯ

*Мартынова Алиса Александровна, магистрант 2-го курса инженерно-экономического факультета, Сибирский государственный университет путей сообщения, Новосибирск, Россия
a.martynova.ranepa@gmail.com*

*Шорохов Вячеслав Евгеньевич, руководитель направления НИР, Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС, Новосибирск, Россия
v-shorohov@list.ru*

Аннотация. Из множества существующих направлений деятельности государства некоторые характеризуются особой общественной значимостью. Данные направления связаны с выполнением основополагающих социальных функций государства, вследствие чего требуют особого порядка финансирования. Финансирование здравоохранения представляет собой вид деятельности, связанный с формированием централизованных фондов финансовых ресурсов, а также их распределением и перераспределением через специализированные страховые фонды и организации, осуществляемым в рамках урегулированных правом финансовых отношений и основанным на выплатах при наступлении страхового случая, производимых медицинской организацией. В данной научной статье рассматривается современная система финансирования здравоохранения с точки зрения текущей государственной политики. Проводится подробный анализ и определяется особый статус Федерального фонда обязательного медицинского страхования как актора в этой сфере, полномочия и деятельность которого не ограничиваются только финансовыми составляющими. Подчеркивается необходимость уточнения сложившихся научных представлений о регулировании современной системы финансирования здравоохранения как одной из обязательных государственных функций.
Ключевые слова: государственная политика; экономика; финансирование системы здравоохранения; Федеральный фонд обязательного медицинского страхования

STATE FINANCING POLICY OF THE MODERN HEALTH CARE SYSTEM ON THE EXAMPLE OF FEDERAL COMPULSORY MEDICAL INSURANCE FUND

*Martynova A.A., Student, 2nd-year master's student of the faculty of Engineering and Economics, Siberian State University of Communications, Novosibirsk, Russia
a.martynova.ranepa@gmail.com*

*Shorokhov V.E., Head of Research of the Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Novosibirsk, Russia
v-shorohov@list.ru*

Abstract. Some of the many existing activities of the state are characterised by their special social significance. These areas are associated with the implementation of the fundamental social functions of the state, as a result of

which they require a special order of financing. Health care financing is a type of financial activity associated with the formation of centralised funds of financial resources, as well as their distribution and redistribution through specialised insurance funds and organisations, carried out within the framework of financial relations regulated by law and based on payments when an insured event occurs by a medical organisation. This article discusses the modern system of financing health care in terms of government policy. A detailed analysis is carried out, and the special status of the Federal Compulsory Medical Insurance Fund as an actor in this field is determined, the powers and activities of which are not limited to financial components. It emphasises the need to clarify the existing scientific ideas about the regulation of the modern system of financing health care as one of the mandatory state functions.

Keywords: public policy; economy; health care financing; Federal Compulsory Medical Insurance Fund

Федеральный фонд обязательного медицинского страхования (ФФОМС) выступает внебюджетным фондом, на федеральном уровне отвечающим за финансирование здравоохранения в целом, исключая региональную составляющую. На уровне ФФОМС централизовано все бюджетное финансирование здравоохранения, причем ФФОМС отвечает как за формирование централизованных фондов, так и за их распределение. Кроме того, ФФОМС осуществляет контроль в отношении перераспределения централизованных фондов. В результате формируется модель финансирования, охватывающая все аспекты финансовых отношений в области финансирования здравоохранения на федеральном уровне, что более подробно было рассмотрено авторами ранее [1, 2].

Данная модель финансирования соответствует одноканальной модели, в которой ФФОМС осуществляет весь перечень полномочий в области управления финансовыми ресурсами на основе их централизации. Спецификой регулирования данных отношений выступает использование механизма финансирования по принципу услуг, когда объемы финансирования варьируются в зависимости от количества обслуженных потребителей, причем ФФОМС устанавливает данные нормативы через регулирование общих коэффициентов, отражающих различия между регионами. Поэтому о ФФОМС можно говорить не только как о централизованном фонде в финансовом понимании, но и как о субъекте управления финансами, наделенном полномочиями в области установления обязательных правил поведения, распространяющихся на всех субъектов финансовых отношений. В подобном понимании ФФОМС следует считать именно государственной структурой, т.е. структурой, обладающей не только характеристиками независимого фонда, действу-

ющего в рамках бюджетно-страховой модели, но и характеристиками властной структуры, в силу чего ФФОМС не только управляет финансовыми отношениями, но и подчиняется общим для всех участников бюджетных отношений правилам. В частности, в отношении ФФОМС действуют положения о выплатах излишне зачисленного бюджетного финансирования в пользу федерального бюджета, хотя в рамках бюджетно-страховой модели, если фонд независим, поступления принадлежат ему.

Тем не менее специфика регулирования ФФОМС определяет его особое положение, сопряженное как с наличием объема полномочий (существенно большего, чем в практике управления финансированием здравоохранения других стран), так и со значимой мерой интеграции в осуществление деятельности органов власти, что в целом определяет особый статус ФФОМС как актора в этой сфере, не ограничивающийся только финансовыми полномочиями фонда.

Стратегическим направлением в деятельности ФФОМС выступает исполнение Закона «Об обязательном медицинском страховании» (далее — Закон) — данное положение прямо указано на официальном сайте фонда (www.ffoms.ru). В то же время, согласно п. 1 Устава ФФОМС, он отвечает за реализацию государственной политики в области здравоохранения. С точки зрения финансово-правового понимания роли фонда, более обоснованной, безусловно, является официальная формулировка на сайте ФФОМС, поскольку она указывает на конкретное направление деятельности, кроме того, формально учитывает независимость фонда. В то же время положения, закрепленные в п. 1 Устава ФФОМС, в сущности, приравнивают его к другим органам власти. Это, с финансово-правовой точки зрения, позволяет в большей мере говорить о бюджетном характере деятельности фонда, когда он выступает только

распорядителем финансовых ресурсов, поступающих от страхователей, но не централизованным фондом денежных средств в бюджетно-страховом понимании. Такие различия в определении целей ФФОМС отражают меру его независимости от бюджета и государства — в бюджетно-страховой модели централизованный фонд должен подчиняться общим финансовым предписаниям, но при этом располагать определенной мерой независимости, позволяющей ему действовать эффективно в контексте реализации конкретных обязанностей.

Преимущественным направлением деятельности ФФОМС выступает централизация финансовых ресурсов для ее последующего распределения и осуществления контроля в плане перераспределения. Основу распределительных отношений составляет аккумулятивное финансирование ресурсов, которое представляет собой формирование доходов ФФОМС и управление имеющимися финансовыми ресурсами — их перераспределение и временное размещение в финансовых вложениях. Управление финансовыми ресурсами предполагает также достижение финансовой устойчивости, причем не только ФФОМС, но и всей системы обязательного медицинского страхования (ОМС), поскольку фонд отвечает за управление финансированием здравоохранения в целом, исключая только региональную составляющую.

Характерной особенностью ФФОМС как фонда, действующего в рамках бюджетной модели [помимо недостаточно четко очерченного круга бюджетных полномочий, описывающих де-факто распределение всех видов бюджетного финансирования в пользу территориальных фондов обязательного медицинского страхования (ТФОМС)], следует считать и широкий перечень контрольных полномочий.

Отдельным направлением деятельности ФФОМС является формирование финансовой устойчивости. В отношении ТФОМС нормативы регулируются п. 6.2 ст. 26 Закона. Участие ФФОМС в поддержании финансовой устойчивости ТФОМС осуществляется в порядке, установленном пп. 2 п. 1 ст. 26 Закона. Одним из механизмов поддержания финансовой устойчивости выступает предоставление ТФОМС трансфертов со стороны ФФОМС. Следует отметить, что финансовая устойчивость представляет собой в общем виде способность своевременно исполнять обязательства.

В плане финансирования ОМС это означает наличие достаточного объема финансовых ресурсов для выполнения обязательств по ОМС, т.е. для страховых организаций финансовая устойчивость совпадает с ликвидностью, что определяется спецификой структуры активов данных организаций, где объемы дебиторской задолженности, как правило, невелики, а основным оборотным активом являются денежные средства. Поэтому ТФОМС, как и ФФОМС, формируют определенный резерв финансовых ресурсов, который размещается в соответствии со ст. 29 Закона; при этом общие требования к финансовой устойчивости ФФОМС установлены п. 3 ст. 26 Закона.

Сформированные на уровне ФФОМС и ТФОМС резервы под обеспечение финансовой устойчивости могут размещаться с учетом ст. 29 Закона и постановления Правительства РФ от 31.12.2010 № 1225, где установлены конкретные правила размещения финансовых ресурсов. При формировании данных финансовых резервов, по мнению ведущих исследователей государственной антикоррупционной политики, стоит учитывать существующие коррупционные риски этой сферы и в данном контексте принимать обоснованные государственные решения, опираясь прежде всего на развитую систему антикоррупционного образования и подготовки, формирующую высокий уровень правосознания всех субъектов таких отношений [3–5].

С учетом приведенного анализа, ФФОМС может быть охарактеризован как субъект бюджетной модели финансирования здравоохранения прежде всего в силу неопределенного круга финансовых полномочий. В рамках бюджетно-страховой модели осуществляются конкретные выплаты, обусловленные возникновением финансовых обязательств. Иначе говоря, бюджетно-страховая модель предполагает финансирование именно в рамках здравоохранения, но не предоставление субвенций ТФОМС в целом, поскольку при подобном подходе происходит распределение финансовых ресурсов не в силу закона, которым установлены нормативы распределения финансовых ресурсов по базовой программе, а в силу бюджетного выравнивания.

Так, распределение по нормативам в рамках базовых программ и выравнивание условий финансирования (наряду с неопределенностью положений пп. 2 п. 2 ст. 7 и пп. 1 и 2 п. 4 ст. Закона) ведет к распределению финансовых ресурсов по решению самого ФФОМС, а не в рамках уста-

новленных правил, т.е. финансирование осуществляется, как и для любых других бюджетных учреждений, что не в полной мере характерно для бюджетно-страховой модели.

Следовательно, ФФОМС может быть охарактеризован не только как централизованный фонд, действующий в рамках бюджетно-страховой модели и отвечающий за аккумуляцию и распределение финансовых ресурсов, но и как структура, интегрированная в бюджетное финансирование в рамках бюджетной модели финансирования. Характеристика ФФОМС как финансовой структуры, действующей в рамках бюджетного финансирования, может рассматриваться как результат установления неопределенного круга финансовых полномочий в отношении распределения централизованных фондов между ТФОМС, поскольку в данном случае сочетается финансирование по базовым программам и выравнивание условий финансирования. В пользу характеристики ФФОМС как субъекта

бюджетной модели говорит также расширенный перечень направлений распределения финансовых ресурсов, кроме того, ФФОМС наделен широким перечнем контрольных полномочий, охватывающих и региональную составляющую финансирования. Также ФФОМС обладает полномочиями в области установления определенных правил поведения субъектов финансовых отношений, действующих в рамках существующей модели финансирования.

Безусловно, данное положение не означает отсутствия у ФФОМС конкретных направлений деятельности и урегулированного законом перечня финансовых полномочий — эти полномочия вполне четко установлены. В то же время, с финансовой точки зрения, деятельность ФФОМС в плане участия в финансовых отношениях приближена к бюджетной, а не страховой модели, что не может не отражаться на политике финансирования современной системы здравоохранения в России, влияющей на конечный результат.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мартынова А.А. Современные модели финансирования здравоохранения в России. *Государственная власть и местное самоуправление*. 2019;(6):42–45.
2. Мартынова А.А. Правовое регулирование системы финансирования обязательного медицинского страхования. *Финансовое право*. 2019;(7):44–47.
3. Шорохов В.Е. Антикоррупционное образование в рамках реализации государственной антикоррупционной политики. *Развитие территорий*. 2016;3–4(6):74–78.
4. Шорохов В.Е. О роли антикоррупционного образования и воспитания в формировании антикриминальной личности. *Правда и закон*. 2018;2(4):81–83.
5. Шорохов В.Е. Правосознание как антикоррупционная категория. *Государственная власть и местное самоуправление*. 2018;(8):50–54.

REFERENCES

1. Martynova A. A. Modern models of health care financing in Russia. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoye samoupravleniye*. 2019;(6):42–45. (In Russ.)
2. Martynova A. A. Legal regulation of the system of financing compulsory health insurance. *Finansovoye pravo*. 2019;(7):44–47. (In Russ.)
3. Shorokhov V. E. Anti-corruption education in the framework of the implementation of the state anti-corruption policy. *Razvitiye territorii*. 2016;3–4(6):74–78. (In Russ.)
4. Shorokhov V. E. On the role of anti-corruption education and upbringing in the formation of an anti-criminal personality. *Pravda i zakon*. 2018;2(4):81–83. (In Russ.)
5. Shorokhov V. E. Legal conscience as an anti-corruption category. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoye samoupravleniye*. 2018;(8):50–54. (In Russ.)

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-4-115-119

LA THEORISATION DE L'ACTIVITE POLITIQUE DES ONG EN RUSSIE

Vasilenko S.B., Ph.D. in Political Science in Paris-Dauphine University (PSL), Paris France
stepslav@yandex.ru

Abstract. *Le conflit de l'État russe avec le champ associatif s'explique par la participation des ONG aux délibérations politiques dans les années 1990. La logique du contrôle sur les acteurs qui peuvent susciter les sentiments contestataires chez ses partisans conduit l'État centrale à restreindre l'activité des ONG qui "font la politique" par la loi sur les "agents étrangers". Alors, qu'est-ce que cela veut dire pour ces ONG de s'opposer aux autorités publiques et se construire en catégories politiques et civiques?*

Keywords: ONG; société civile; agents étrangers; politique intérieur; Russie contemporaine

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИИ

Василенко Степан Борисович, д-р полит. наук, Университет Париж-Дофин, Париж, Франция
stepslav@yandex.ru

Аннотация. *Конфликт российского государства с организациями гражданского общества происходит из участия НКО в политических процессах в 1990-х гг. Центральная власть, желая контролировать данных игроков, способных вызывать протестные настроения среди своей аудитории, законом об «иностранных агентах» ограничивает активность НКО, «занимающихся политикой». Что в таком случае для этих НКО значит быть в оппозиции к власти и позиционировать себя в политических и гражданских категориях?*

Ключевые слова: НКО; гражданское общество; иностранные агенты; внутренняя политика; современная Россия

L'ACTUALITÉ POLITIQUE: LES ENJEUX AUTOUR DE NOMINATION

Le 29 juin 2012, la Chambre basse du Parlement de Russie a commencé l'examen d'une nouvelle loi qui visait à munir certaines ONG russes qui s'occupaient des questions politiques d'un statut d'«agent étranger» (en russe cette expression renvoie à l'idée d'un espionnage). Ce statut symbolique devait toucher des ONG qui sont financées, même partiellement, par des États étrangers, par des organisations internationales ou par des citoyens étrangers. L'ambiguïté de la situation autour de cette loi consiste dans le fait que l'activité politique est une notion qui n'est pas bien définie. Ainsi, cela permettrait d'imposer à certaines ONG le statut d'«agent étranger» en fonction de critères souples. Dans le contexte des manifestations et des mouvements pour les «élections libres» (printemps

2012) soutenues par des plusieurs ONG russes, cette tentative est perçue par des acteurs de ce champ associatif comme un prolongement de la politique de restriction qui a pour but d'empêcher toute activité des organisations non gouvernementales. L'enjeu de cette loi est de délégitimer ces acteurs en tant que «mains gauches» des États étrangers. Dans son article publié le 27 février 2012 lors de la campagne présidentielle, le président russe Vladimir Poutine explique la politique que mènerait son cabinet envers les ONG:

«Il faut faire attention à ne pas confondre la liberté d'expression et l'activité politique normale avec l'utilisation illégale des outils de soft power [...] Nous ne pouvons accepter l'activité de pseudos ONG et d'autres structures qui, fortes des appuis étrangers dont elles bénéficient, visent à la déstabilisation d'un pays...» (<http://mn.ru/politics/20120227/312306749.html>).

Les ONG actives les plus connues (Golos, Memorial, Human Rights Watch, Amnesty International, groupe Helsinki de Moscou) qui luttent pour les droits de l'homme sont les premières destinataires de cette loi, car elles ne cachent pas le fait que leurs financements vient partiellement ou totalement de l'étranger, d'après les données qu'elles transmettent au ministère de la Justice. Pourtant, les portes-paroles de certaines spécialisées dans la défense des droits de l'homme déclarent qu'ils ne porteront jamais le titre des «agents étrangers» et que leur activité va continuer.

Pourtant, cela n'a pas empêché le président russe Vladimir Poutine de signer le projet de loi du 20 juillet 2012. Désormais, toute ONG qui travaille sur la politique et bénéficie d'une aide financière provenant de l'étranger doit se faire enregistrer et s'afficher comme «agent étranger». La loi Fédérale N — 121FZ datée de 20 juillet 2012 définit également des obligations fiscales plus strictes que celles qui sont appliquées à d'autres ONG¹. Le refus de se déclarer comme «agent étranger» a été assimilé à une infraction de la loi avec des peines d'amende de cent mille roubles à trois cent mille roubles pour une personne physique et de trois cent mille roubles à cinq cent mille roubles pour une personne morale². En outre, la loi Fédérale n'a pas prévu la procédure qui permettrait de supprimer le statut d'«agent étranger». Le ministère de la Justice a également obtenu le pouvoir d'imposer ce statut à toute ONG dont l'activité correspond aux critères évoqués dans la loi Fédérale.

LE REGARD RÉTROSPECTIF SUR LES RELATIONS ENTRE LES ONG ET ÉTAT RUSSE

Le conflit de l'État russe avec le champ associatif international ne peut être compris que dans son historicité. Il faut comprendre l'émergence soudaine de ce champ des défenseurs des droits de l'homme dans les années 1990. Contrairement à la neutralité politique présumée qui caracté-

rise les ONG de défense des droits de l'homme en Occident, la participation à des délibérations politiques fait partie de l'*habitus* des associations russes dès la chute de l'URSS. On constate que dans l'histoire russe récente, un engagement civique s'entremêle avec le militantisme politique. De ce fait, les défenseurs des droits de l'homme se perçoivent comme des acteurs légitimes du jeu politique. Cette tradition qui date des années 1990 est très présente chez des personnes ayant des profils dissidents et intellectuels [1]. De la même manière, dans le contexte autoritaire de la Russie de 2012, l'État se sent également légitime à exclure progressivement ces groupes des contours politiques lorsqu'ils entrent en concurrence avec le pouvoir ou alimentent les sentiments contestataires chez ses partisans.

Cela pose quelques questions, notamment de savoir dans quelle mesure l'apparition des structures internationales comme des ONG en droits de l'homme a été initiée par le gouvernement russe. Peut-on inscrire la mise en vigueur des ONG au même titre que le transfert des politiques publiques? Notre hypothèse est qu'après la dissolution de l'URSS, la réforme de l'État russe impliquait la nécessité de trouver des nouveaux moyens d'interaction avec la population. Les ONG de défense des droits de l'homme permettraient à l'État de rejeter la création «d'une société civile» (une notion qu'on met sur la critique) sur le dos de ces acteurs internationaux jusqu'au moment où les ONG sont entrées en concurrence avec l'État dans le champ politique. Une autre explication est aussi possible si l'on admet que l'implantation des ONG est une importation des technologies de l'extérieur. Dans ce cas-là, la confrontation avec l'État russe était inévitable et, aux yeux des pouvoirs russes, les ONG devaient légitimer leur présence en Russie. Ces questions se posent à partir de l'accès au pouvoir de Vladimir Poutine.

La prédominance de la logique du contrôle de l'État sur les ONG russes plonge ses racines au début des années 2000. L'idée de départ était de diminuer l'influence des États étrangers sur la politique russe, car les ONG étaient considérées comme des «acteurs agissant au nom d'une gouvernance globale dont elles sont l'un des outils» [2], c'est également ce que montre Bernard Hours au sujet de l'Ouzbekistan. C'est la même logique qui alimente les contraintes de plus en plus imposantes sur les ONG pour la défense des droits de l'homme en Russie (les enquêtes policières sur

¹ Ainsi, à chaque trimestre des ONG-«agents étrangers» doivent informer le Ministère de la Justice non seulement sur les sommes d'argent et des biens matériels accordés par des sources étrangères, mais aussi sur les buts des dépenses et des frais réels.

² Si l'on recalcule ces amendes au taux de change de juillet 2012, il s'agit de la somme de 2500 à 7500 euro pour une personne physique et de 7500 à 12500 euro pour une personne morale, soit 40 rouble pour 1 euro. Pour donner le sens à ces chiffres, il est indispensable de dire que la moyenne des salaires en Russie en juillet 2012 était égale à 26683 rouble, soit 667 euro.

les sources de financement des ONG lancées en 2010, p.ex.). Dans son ouvrage *Les ONG en Russie post-soviétique* (2011), la chercheuse canadienne Agnès Blais montre à partir de l'exemple des associations caritatives comment évolue la politique de l'État en Russie envers des ONG et comment le champ associatif se construit de nouveau (en URSS il n'existait pas d'ONG) et se développe progressivement [3]. Dans cet article, on prolonge ces pistes en mettant l'accent sur la trajectoire collective des ONG de défense des droits de l'homme. Il s'agit de voir comment les acteurs inventent ce qui est ONG dans l'espace public russe et comment ces ONG deviennent une catégorie politique. Comment ces ONG définissent-elles leurs limites et leurs rapport à la politique? Comment investissent-elle, à leur manière, la vie politique?

Dans les conditions russes où l'accès à la participation politique est bloquée ou limitée, est-il possible de faire la politique autrement? Dans les années après 2003 le champ associatif russe répond de deux manières. D'une part, par la recomposition des alliances avec des mouvements d'oppositions — des défenseurs des droits de l'homme éminents se trouvent à côté des militants radicaux dans la rue, qui devient l'un des espaces exclusifs pour s'exprimer ouvertement [4]. D'autre part, l'inertie politique mène à l'auto-limitation des ONG de défense des droits de l'homme qui refusent de s'opposer à l'État sous forme de contestations dans la rue. Pour rester en politique, sans entrer en confrontation directe avec les autorités russes, les ONG recourent à l'usage militant et politique du droit. C'est pourquoi on voit des anciens députés (Yabloko, SPS) s'investir dans des ONG de défense des droits de l'homme et convertir les expertises juridiques accordées aux citoyens dans le capital politique [5].

Dans un rapport de 2008 intitulé «Bureaucratie oppressante» (<http://www.hrw.org/reports/2008/02/19/choking-bureaucracy>), Human Rights Watch décrit les relations de l'État russe avec des ONG ainsi que les blocages auxquels elles se heurtent dans leur activité, à savoir la création d'une «société civile» en Russie. Par contre, comme le décrit bien Michel Camau: «*Polysémique, la notion de société civile tend à structurer le champ de confrontation de stratégies discursives, où se rejoignent et s'opposent l'autoritarisme et ses adversaires, tenants de l'État et acteurs "non gouvernementaux"*» [6]. On postule que les ONG de défense des droits de l'homme tendent à penser la société russe dans

le cadre de «*la téléologie de la démocratisation*» [7, p. 9] qui définit leurs relations avec l'État et la population russes. En agissant dans ce paradigme de pensée, les ONG en droits de l'homme n'ont d'autre choix que d'entrer en conflit avec l'État. Comme le concept de «société civile» est théorique et éphémère, l'État ne pourra jamais répondre aux attentes des ONG en droits de l'homme.

S'IMPOSER À L'ÉTAT EN RUSSIE ET AILLEURS

De la même manière, les ONG en droits de l'homme ne trouvent pas de soutien dans l'opinion publique, qui varie de l'indifférence à l'hostilité envers des ONG dont les buts et les résultats ne sont pas bien visibles. Ce paradoxe est bien saisi par des politistes français du même ouvrage: «*En deux mots: le démocratisme a tué l'horizon d'attente démocratique qui se trouve aujourd'hui totalement décrédibilisé auprès des populations et des dirigeants, porté à bout de bras par quelques ONG locales grassement financées par les institutions internationales*» [7, p. 14]. Étant enfermées dans une logique développementaliste, les ONG en droits de l'homme cherchent les marges de manœuvre pour légitimer leur présence. Il en résulte que le discours sur les droits de l'homme se transforme non seulement dans le discours politique (société civile, la démocratie), mais aussi dans l'engagement militant — (dans les années 2010 chaque mois Ludmila Alexeeva — leader groupe de Helsinki — organisait des rallyes avec le leader du parti national-bolchevik Edouard Limonov sous l'égide du mouvement politique «Autre Russie»).

Dans les conditions où l'État russe tend à rétrécir l'espace des «mouvement sociaux éphémères» [8], comment se fait-il que les ONG en droits de l'homme continuent à rester les acteurs du débat public? Comment se fait-il que ces ONG se constituent graduellement en tant qu'acteurs qui entrent dans des rapports de force avec l'État? Dans notre démarche il nous semble nécessaire d'éviter de succomber au discours de victimisation tenu par des responsables des ONG et par des journalistes. Il nous semble que les ONG restent des acteurs puissants qui ont suffisamment de marge pour contourner les limitations des libertés imposées par l'État. Les liens entre médias et organisations internationales leur permettent de jouer un rôle non-négligeable dans l'opinion publique pour légitimer leur existence. Dans une situation de conflit, la mobilisation des ressources par des acteurs associatifs peut s'effectuer au niveau national

aussi bien qu'au au niveau international comme l'expliquent Elena Aoun et Joël Ficet: «*Ces réseaux (dénommés coalitions, ligues, alliances...) rassemblent des organisations partageant des valeurs proches et des préoccupations similaires, et tendent à la mise en commun des ressources de chacun (informations, moyen logistiques) dans la perspective de peser sur les circuits institutionnels de la décision politique*» [9]. Il nous semble que l'externalisation des conflits internes est la manière de s'imposer à l'État russe. Dans ce contexte il est possible d'évoquer l'exemple d'un pays «*en transition démocratique*», celui de la Turquie, où depuis de la fin des années 1990 la confédération syndicale de la fonction publique (KESK) mobilise non seulement ses adhérents mais s'assure aussi du soutien de la CES³ pour faire face aux initiatives «*autoritaires*» du gouvernement turc de limiter les droits syndicaux. En examinant les mobilisations de 1998 et 2001 Emre Öngün montre que le gouvernement essaye de maintenir l'équilibre entre sa volonté d'adhérer à l'Union Européenne et de sécuriser en même temps son pouvoir. En 1998 l'intervention des acteurs internationaux force l'État turc à reculer mais, en 2001, le gouvernement arrive à imposer la loi sur le syndicalisme sans prendre compte les appels du CES [10]. Cette comparaison est d'autant plus intéressante compte tenu de la simultanéité des processus en Russie et en Turquie. Ainsi, à la fin année 1990 le gouvernement russe commence ses premières tentatives de réduire le rôle des associations dans l'espace politique russe ayant partiellement accompli ce but en 2001 [11].

LES ONG COMME DES GROUPES D'INTÉRÊT

Pourtant la mobilisation des ressources internationales nous permet de s'interroger sur les pratiques et les populations défendues par des ONG en droits de l'homme. Nous allons analyser des «*dilemmes pratiques et interactions stratégiques en explorant la manière dont les individus investissent avec leur savoir-être et leur savoir-faire, leur motif et leurs perceptions*» [12]. Cela signifie de s'intéresser au niveau local qui se définit par des pratiques quotidiennes et par l'action concrète en faveur des populations ciblées. Il s'agit de se débarrasser de l'opinion sur l'activité de certaines ONG sensibilisées aux droits de l'homme. Les structures les plus médiatisées comme Memorial, Groupe Helsinki

de Moscou sont souvent accusées de n'aider que des riches (notamment un oligarque emprisonné Khodorkovsky), des journalistes et des Tchétchènes au détriment des «*vraies victimes*» du régime. Il est possible de voir comment s'entremêlent les conflits ethniques, de classe et d'intérêts qui entourent ce type d'organisation. Alors que les ONG en défense des droits de l'homme ne représentent pas toutes les citoyens, comment ces «*groupes d'intérêt*» [13] gagnent-ils la légitimité de parler au nom de tous? Est-ce que leurs actions et leurs pratiques quotidiennes permettent-elles de revendiquer une position d'«*entrepreneurs de morale*» [14]? Cette critique est souvent formulée par différents acteurs (des groupes des nationalistes russes, des associations des droits des étrangers, des médias russes).

L'EXEMPLE DE LA RUSSIE POUR D'AUTRES PAYS

Notre article voulait répondre à la question de savoir quel était l'enjeu politique d'adopter des lois sur des ONG-«*agents étrangères*» en 2012. Notre réponse est que, pour l'Etat russe, ces lois permettent non seulement de réduire encore plus le pluralisme politique mais aussi de contrôler des «*formes*» de la société civile à l'occidentale. C'est pourquoi des explications officielles soulignent le fait que certaines ONG «*font la politique*» alors qu'elles sont financées par des tiers Etats. Par contre, nos observations sur les liens entre l'engagement politique chez les ONG et le rétrécissement d'une marge de manœuvre pour un champ associatif comme une pratique politique de l'Etat peuvent s'inscrire dans un contexte plus globale que celui de la Russie post-soviétique. Ainsi, la politique restrictive vis-à-vis les ONG de défense des droits de l'homme n'est plus un phénomène propre à la Russie. Depuis 2013 des pays de l'ex-USSR (comme Kazakhstan, l'Arménie, la Kirghizie, le Tadjikistan et l'Azerbaïdjan) et des pays en développement comme Bosnie, l'Egypte, le Venezuela et bien d'autres reprennent les mêmes arguments en adoptant⁴ des lois similaires à celles des «*agents étrangers*» en Russie. Il s'agit également d'un contrôle plus strict sur les sources de financements des ONG et leur participation dans la politique publique. Toutes ces lois renforcent le pouvoir central et affaiblissent le champ associatif de ces pays.

³ Confédération Européenne des Syndicats qui défend intérêts des travailleurs auprès des institutions de l'Union européenne.

⁴ Un rapport intitulé «*Russia's bad exemple*» sur ce sujet est publié par une ONG de défense des droits de l'homme américain «*Human rights first*» en février 2016.

REFERENCES

1. Sigman C. Les mutations de l'espace politique en Russie pendant la perestrojka (1986–1991): Les clubs politiques informels de Moscou et leurs dirigeants [The transformations of political space in Russia during perestroika, 1986–1991: Informal political clubs in Moscow and their leaders], thèse de doctorat en science politique soutenue à l'Université Paris I: Panthéon-Sorbonne; 2007.
2. Hours B. Les ONG au service de la gouvernance globale: le cas de l'Ouzbékistan [The NGOs serving global governance: the case of Uzbekistan]. *Autrepart*. 2005;3(35):115–126.
3. Blais A. *Les ONG en Russie post-soviétique* [The NGOs in post-soviet Russia]. Presses de l'Université Laval; 2011.
4. Vaissé C. Étouffement et renaissance des oppositions en Russie (2000–2010) [The crushing and the revival of the oppositions in Russia, 2000–2010]. *Hérodote*, 138;3(138):109–126.
5. Richard H. S'opposer par le droit: vulgarisation et usages politiques du droit de la copropriété en Russie postcommuniste [Opposition through law: the popularization and political uses of the law of co-ownership in post-communist Russia]. *Critique internationale*. 2012;2(55):35–50.
6. Camau M. Sociétés civiles «réelles» et téléologie de la démocratisation [“Real” civil societies and the theology of democratisation]. *Revue internationale de politique comparée*. 2002;2(9):213–232.
7. Dabène O., Geisser V. et Masardier G. Autoritarismes démocratiques et démocraties autoritaires au XXe siècle. Convergence Nord/Sud [The democratic authoritarianism and authoritarian democracies in XXth century. North/South convergence]. Paris: La Découverte; 2008.
8. Agrikoliansky É. La ligue française des droits de l'homme et du citoyen depuis 1945. Sociologie d'un engagement civique [The ligue française des droits de l'homme et du citoyen since 1945. Sociology of a civic engagement]. Paris: L'Harmattan; 2002.
9. Aoun E., Ficet J. La mobilisation d'un réseau d'ONG. La coalition française pour la Cour pénale internationale et la ratification du statut de Rome par la France [Mobilization of a network of a NGO. The French coalition for the International Criminal Court and the ratification of the Rome statute by France]. Siméant J. et Dauvin P. O.N.G. et humanitaire [NGO and aid work]. Paris: L'Harmattan; 2004.
10. Öngün E. Efficacité et recours aux protecteurs étrangers en contexte autoritaire [The efficiency and the use of foreign protectors in authoritarian context]. Dabène O., Geisser V. et Masardier G. Autoritarismes démocratiques et démocraties autoritaires au XXe siècle. Convergence Nord/Sud [The democratic authoritarianism and authoritarian democracies in XXth century. North/South convergence]. Paris: La Découverte; 2008.
11. Daucé F. Associations et partis en Russie: les (en) jeux de la différenciation [Associations and parties in Russia: what's at stake in the game of differentiation]. *Critique internationale*. 2012;2(55):17–34.
12. Fillieule O. Tombeau pour Charles Tilly. Répertoires, performances et stratégie d'action [A tomb for Charles Tilly. Repertoires, performances and action strategies]. In *Penser les mouvements sociaux* [To think about social movements] sous la dir de Fillieule O., Agrikoliansky É., Sommier I. Paris: La Découverte; 2010.
13. Offerlé M. Sociologie des groupes d'intérêt [The sociology of interest groups]. Paris, Montchrestien; 1994.
14. Becker H. Outsiders. Études de sociologie de la déviance [Outsiders. Studies in the sociology of deviance] Paris: A.-M. Métailié; 1985.

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-4-120-125

УДК 332.12(045)

УМНЫЕ ГОРОДА КАК НОВЫЙ СТАНДАРТ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

*Пивкина Наталья Юрьевна, аспирант экономического факультета, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
natasha.pivkina@mail.ru*

Аннотация. За последние десять лет создание «умных городов» стало приоритетным направлением развития цифровой экономики в мире, что нашло отражение не только в официальных документах ведущих международных организаций (ООН, ОЭСР, Европейская комиссия), но и в научных исследованиях многих зарубежных ученых. В настоящее время существует ряд подходов к определению понятия «умный город». Данное исследование позволит преодолеть некоторые теоретические пробелы в целостном исследовательском подходе к изучению «умных городов», особенно в части влияния информационно-телекоммуникационных технологий на повышение качества жизни и благосостояние жителей городов, поскольку в концепции «умного города» создание комфортных условий для жизни является одной из важнейших задач. Особое внимание в статье уделено анализу литературы по проблематике «умных городов» на основе международных баз данных научного цитирования – Web of Science и Scopus. Выделенный публикационный поток позволил оценить результативность исследований по предметным областям, связанным с экономикой. Наибольшее число проектов по созданию «умных городов» было реализовано в Европе, значительный вклад в развитие международных стандартов внесли исследователи из Великобритании. В российской практике данная тема только начинает развиваться как в правовых и нормативных документах, так и в экономических работах. Важным этапом в решении этой проблемы должна стать реализация национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» и проект «Умный город» в рамках национального проекта «Жилье и городская среда» в 2019 г.

Ключевые слова: умный город; качество жизни; цифровая экономика; социально-экономическое развитие; информационно-коммуникационные технологии; урбанизация

SMART CITIES AS A NEW QUALITY OF LIFE STANDARD

*Pivkina N. Yu., Post-graduate student, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
natasha.pivkina@mail.ru*

Abstract. Over the past ten years, the creation of smart cities has become a priority in the development of the digital economy over the world. It is reflected not only in official documents of the leading international organisations including the United Nations (UN), the Organization for Economic Co-operation and Development (OECD) and the European Commission but also in scientific research of many foreign scientists. There are several approaches to the definition of the term “smart city”. This article will overcome some theoretical gaps in a holistic research approach to the study of smart cities, especially in terms of the impact of information and telecommunication technologies on improving the quality of life and well-being of urban residents, because creating a comfortable living environment is one of the most essential tasks in the concept of a smart city. The author paid particular attention to the analysis of the literature on the problems of smart cities based on the international databases of scientific citing – Web of Science and Scopus; a resulting publication stream made it possible to assess the effectiveness of research in subject areas related to economics. The most significant number of projects to create smart cities were implemented in European cities. Researchers from the UK made a substantial contribution to the development of international standards. In Russian practice, this topic is just beginning its development, both in legal and regulatory documents and in economic research. An important step in solving this problem should be the implementation of the national program “Digital Economy of the Russian Federation” and the project “Smart City” in the framework of the national project “Housing and Urban Environment” in 2019.

Keywords: smart city; quality of life; digital economy; socio-economic development; information and communication technologies; urbanisation

ВВЕДЕНИЕ

Глобализация, урбанизация и индустриализация были признаны тремя важными факторами, определяющими развитие человечества в XXI в. Удивительный рост городов в индустриальную эпоху превратил маленькие города в огромные мегаполисы. Согласно данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в настоящее время более половины населения мира (55%) живут в городах, а к 2050 г. более 2/3 станут жителями городов. Города генерируют 80% мирового ВВП, и эта доля постоянно растет (<http://www.oecd.org/environment/outlookto2050>).

Большинство городов сталкивается с различными проблемами, такими как безработица, социальное неравенство, загрязнение окружающей среды и др., и для поддержки непрерывного и устойчивого развития городу необходимо новое качество решений на основе информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), модернизации инфраструктуры с новыми возможностями централизованного управления, новыми услугами и сервисами. Концепции «умных городов» (smart cities), как правило, направлены на улучшение услуг, предоставляемых городами по средствам применения цифровых технологий. Тем не менее около 60% инициатив «умного города» не преодолели этапы утверждения концепции и обсуждения проектов, и почти каждый второй реализованный проект не достиг в полной мере своих целей, как отмечено на портале Имперского колледжа Лондона, на котором содержатся наиболее актуальные данные о цифровой экономике и, собственно, об «умном городе» (<http://www.imperial.ac/uk>).

СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО ТЕМАТИКЕ «УМНЫЙ ГОРОД»

1. Количественный анализ литературы на основе специализированных источников данных

За последние 10 лет увеличилось число инициатив создания «умных городов», что подтверждает рост научных публикаций в мире. За основу количественного анализа были взяты показатели из двух международных библиометрических баз данных: Web of Science Core Collection (WoS CC), продукта компании Clarivate Analytics, и Scopus компании Elsevier — о научных статьях, которые были опубликованы за период 2009–2018 гг. по тематическим областям, связанным с экономикой и управлением, бизнесом и финансами,

социальными науками и эконометрикой, в названии, аннотации или ключевых словах которых встречаются слова smart city или smart cities. Результаты выборки стали 1034 документа в базе данных Scopus и 303 документа в базе данных WoS CC (см. рисунок).

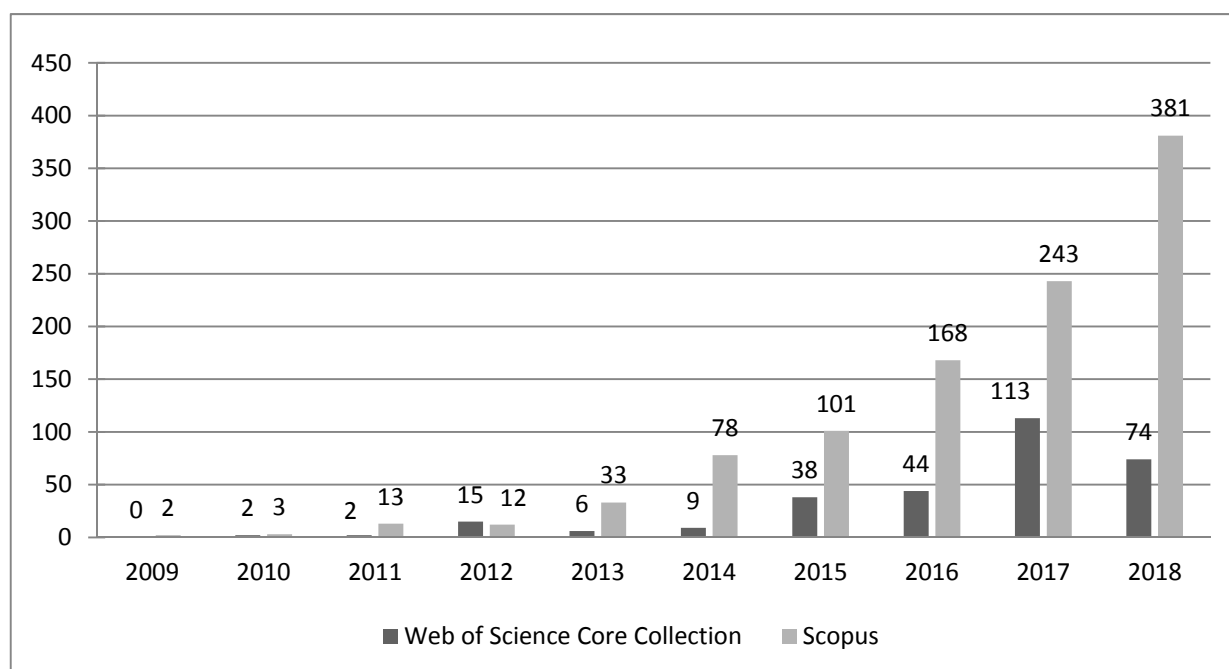
Выделенный публикационный поток за 10 лет получился крайне неоднородным: больше половины (а именно 60%) публикаций было издано за последние 2 года, что еще раз подтверждает возрастающий интерес к данной проблематике в научной среде.

Среди стран наибольшее количество публикаций в международных базах данных научного цитирования принадлежит ученым, работающим в Италии, США, Великобритании и Испании. В чем же причина неравномерности распределения публикаций по странам? Во-первых, «развитые страны специализируются на тех темах, которые дают максимальный вклад в решение задач, наиболее востребованных в экономике страны» [1, с. 63]. Во-вторых, первые проекты по созданию «умных городов» осуществлялись в европейских городах (Амстердам, Барселона, Лиссабон, Вена), в том числе при поддержке Европейского союза.

Испания. Первый проект «умный город» — 22@Barcelona–Innovation District¹ — был реализован мэрией г. Барселоны в 1999 г. и предусматривал преобразование старого промышленного района Poblenou в инновационный центр. План реконструкции был ориентирован на улучшение городской среды с целью повышения качества жизни и работы населения и включал в себя направления, связанные с улучшением городской среды (строительство социальных объектов, развитие транспортной инфраструктуры) и социально-экономическими преобразованиями (формирование инновационных кластеров, привлечение наукоемких производств). Важно отметить, что этот масштабный проект начался с государственных инвестиций в инфраструктуру, но вскоре инициатива перешла в частный сектор, поскольку участники проекта получили налоговые льготы.

США. Одним из лучших мест для жизни в Северной Америке считается Сан-Франциско, где

¹ 22@ Barcelona, 2000–2015. barcelona's innovation district. Report done by: Team INNOVA coordinated by Montserrat Pareja-Eastaway Research Group CRIT 'Creativity, Innovation and Urban Transformation'. Faculty of Economics and Business University of Barcelona.

Распределение научных статей, у которых в названии, аннотации или ключевых словах встречаются слова smart city/smart cities / The Number of articles which showed up smart city/smart cities in their title, abstract and/or keywords

Источник / Source: составлено автором на основе баз данных Web of Science Core Collection и Scopus (дата обращения: 06.05.2019) / compiled by the author by Web of Science Core Collection and Scopus (accessed on 06.05.2019).

на протяжении последних лет городские власти реализовали концепцию «умного города». Город усовершенствовал работу общественного транспорта, внедрил новые способы переработки мусора, выстроил систему энергопотребления из возобновляемых источников.

Великобритания. Наибольший вклад в развитие международных стандартов по созданию «умных городов» внесли исследователи из Англии. «Набор показателей в стандарте предусматривает базовые статистические показатели, по которым отбирают города, наиболее подходящие с точки зрения возможности развития» [2, с. 43]. В Великобритании реализуется большое количество проектов цифровой экономики: «HS/2» — скоростная железная дорога, «Цифровой и умный Лондон», «Цифровое здравоохранение». Кроме того, в Лондоне значительное развитие инфраструктуры и «умных» технологий управления городом произошло при подготовке к Летним Олимпийским играм 2012 г.

Можно проследить, как часто данная тематика исследовалась в нашей стране, и в какие годы наиболее активно велась работа: WoS CC — 6 работ, 50% из которых опубликованы в 2018 г., Scopus — 21 работа, 40% из которых опубликованы в 2018 г.

Таким образом, в российских исследованиях данная тема только начинает свое развитие.

2. Современные подходы к определению концепции «умного города»

Концепция «умного города» становится объектом исследования многих международных организаций, научно-исследовательских учреждений, ученых, а также органов власти по всему миру. Однако до сих пор в научной среде не сложилось единого мнения о том, что действительно делает город «умнее» [3–5], какие элементы должен иметь «умный город», чтобы обеспечить высокое качество жизни и благоприятные условия для населения [6]. В наиболее цитируемых и недавно опубликованных работах в международных базах данных научного цитирования большое внимание уделяется обсуждению аспектов, связанных с концепцией «умного города». Многие ученые, в том числе Giffinger [7], предлагают концепцию «умного города» исходя из шести основных измерений: умная экономика, умная мобильность, умная среда, умные люди, умная жизнь, умное управление.

В более поздних работах авторы останавливаются на четырех аспектах: управление горо-

дом, экология, социально-институциональная и технико-экономическая структуры [8, с. 157].

Дискуссия о том, как города должны справляться со своими структурными проблемами, стала актуальной темой в работе De Jong и соавт. [9]. Рассматривая разные модели «умных городов», авторы пришли к выводу, что большинство городских проблем тесно связано с моделью промышленного города, которая больше не соответствует новой парадигме развития.

Концепция «умного города» сама по себе нечетка и часто противоречива, как указывает Hollands в своей работе [10]. Она исходит из разных идей, в том числе — «информационного города», основанной на информационно-коммуникационных технологиях (ИТК), или «открытого города» [11] и фокусируется на доминирующей роли технологий. Некоторые эксперты используют определения, придающие первостепенное значение интеллектуальным технологиям, которые снижают потребление энергии и воздействие на окружающую среду [12]. Другие подчеркивают важность государственного управления и его устойчивое развитие с помощью ИКТ, больших данных и интернета вещей [13, с. 903]. Исследователи приходят к единому мнению, что отличительным элементом «умного города» является системное внедрение и использование информационных технологий.

Поскольку разные авторы используют совершенно разные аспекты в определении термина «умный город», в данной статье рассмотрены определения, связанные с одним из основных аспектов — качеством жизни, так как город может быть определен как «умный» при условии, что инвестиции направлены в человеческий и социальный капитал. Помимо ученых, некоторые агентства в государственном секторе и международные организации также предлагают свои трактовки и определения «умного города» (см. таблицу).

В действительности, чтобы считаться «умным», помимо развития ИКТ, город должен предоставлять возможности развития человеческого капитала как способа стимулирования знаний и творчества, создания устойчивой среды, которая способствует благополучию и сохранению здоровья населения с использованием инфраструктуры ИКТ. Согласно исследованию компании McKinsey, использование технологий smart cities способно дать от 10 до 30% прироста по различным индикаторам качества жизни. «Умные города» предоставляют гражданам возможность

сэкономить время в транспорте при поездках на работу на 15–20%, снижают время реагирования на чрезвычайные ситуации на 25–35%, сокращают выбросы парниковых газов на 10–15% [15, с. 8].

Результаты проведенного анализа показывают, что информационные технологии — это лишь инструмент для оптимизации ресурсов и пространства. Основной целью создания «умного города» является повышение качества жизни при активном участии местных органов власти, бизнеса и населения. По мере того как города становятся «умнее», они делаются более удобными для проживания, более перспективными и конкурентоспособными, и сегодня мы видим лишь начало того, что технологии могут в конечном итоге сделать в городской среде.

РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ «УМНЫХ ГОРОДОВ» В РОССИИ

Количественная оценка умных городов в России была проведена в 2017 г. Национальным исследовательским институтом технологий и связи (НИИТС), разработавшим собственную методологию анализа городов через «Индикатор умного города НИИТС» (<http://niitc.ru/publications/SmartCities.pdf>). Исследователи проанализировали 15 крупнейших российских городов по численности населения, а также город-курорт Сочи по семи ключевым направлениям «умного города»: умная экономика, умное управление, умные жители, умные технологии, умная среда, умная инфраструктура, умные финансы. «Индикаторы умных городов НИИТС» позволили оценить динамику развития технологий «умного города» и их влияние на изменение качества городских услуг и качества жизни населения.

Результатом проведенного исследования стала возможность выявить города, в которых технологии развиты на высоком уровне, — это Москва и Санкт-Петербург (1-е и 2-е места) и города, в которых технологии заметно развиваются относительно возможности бюджета, — Казань и Екатеринбург (3-е и 4-е места). В настоящее время активно внедряются элементы «умного города» в различные сферы хозяйства. Лидерами по количеству реализуемых проектов также стали Москва и Санкт-Петербург. По данным проекта, в настоящее время около половины программ связано с развитием информационной городской системы, затем идут программы, направленные на совершенствование транспортной инфраструктуры и повышение энергоэффективности.

Существующие подходы к определению «умный город» / Existing approaches to defining the “smart city”

№ п/п	Источник (автор)	Определение
1	Программа ООН по населенным пунктам (ООН-Хабитат)	«Умным» считается такой город, где обеспечиваются удобство проживания, хорошая транспортная доступность, участие всех социальных групп в жизни города, эффективно используются технологии и инновации для повышения качества жизни горожан, координация и интеграция городского управления ¹
2	Европейская комиссия	Это место, где традиционные сети и услуги становятся более эффективными благодаря использованию цифровых и телекоммуникационных технологий в интересах жителей и бизнеса ²
3	Городская ратуша Барселоны, 2012	Высокотехнологичный город, объединяющий людей, информацию и элементы города с целью использования новых технологий, чтобы создать экологически чистый город, конкурентоспособное и инновационное торговое сотрудничество и обеспечить высокое качество жизни [14]
4	Hollands, 2008	«Умные города» должны начать с людей, человеческого капитала, а не слепо полагать, что информационные технологии сами могут автоматически преобразовывать и улучшать города [10]
5	Nam & Pardo, 2011	Когда инвестиции в человеческий/социальный капитал и инфраструктуру ИКТ способствуют устойчивому росту и повышают качество жизни [11]
6	Caragliu A., Del Bo C., Nijkamp P., 2011	В «умном городе» инвестиции направлены в человеческий и социальный капитал, а также в развитие транспортной инфраструктуры и ИКТ, что способствует устойчивому экономическому росту и высокому качеству жизни [6]
7	Albino V., Berardi U., Dangelico R.M., 2015	Концепция «умного города» не ограничивается распространением ИКТ, а также учитывает потребности людей и общества, которые формируют его посредством непрерывных взаимодействий [3]
8	Angelidou M., 2017	«Умный город» представляет собой концепцию развития города на основе использования человеческого и технологического капитала для преобразования экономики и повышения благосостояния жителей [4]

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

¹ «Умные» города как метод реализации «новой городской повестки». URL: http://unhabitat.ru/assets/files/publication/Booklet_SmartCities_Normal.pdf

² European Commission Smart Cities URL: https://ec.europa.eu/info/eu-regional-and-urban-development/topics/cities-and-urban-development/city-initiatives/smart-cities_en (accessed on 23.04.2019).

База лучших мировых проектов, соответствующих стратегическому подходу и инициативам, описанным в стратегии «Умный город-2030», была опубликована на сайте Департамента информационных технологий г. Москвы в апреле 2019 г. За 2018 г. специалисты Smart City Lab выделили 195 проектов, большая часть из которых (38 проектов) связана с безопасностью и экологией (<https://ict.moscow/projects/smart-cities/>). Таким образом, можно отметить, что будущие проекты в нашей стране должны быть направлены на создание комфортной среды, и в первую очередь на развитие систем мониторинга и предупреждения угроз экологической безопасности.

Проект «Умный город» начал реализовываться в России в 2018 г. в пилотном режиме, а с 2019 г. стал обязательным в рамках двух нацпроектов

«Жилье и городская среда» и «Цифровая экономика» (<https://russiasmartcity.ru>). В первую очередь он направлен на повышение конкурентоспособности российских городов, создание комфортных условий для жизни и формирование эффективной системы управления городским хозяйством и основывается на следующих принципах: ориентация на человека, технологичность городской среды, повышение качества управления городскими ресурсами, комфортная среда, экономическая эффективность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В некоторых городах нашей страны успешно реализуется проект «Умный город», причем удается это не только в Москве и Санкт-Петербурге. В современном мире города стали экономическими

центрами и движущими силами, которые, конкурируя между собой за привлечение инвестиций и человеческого капитала, внедряют новые технологии в систему городского управления. Каждый город уникален и нуждается в развитии с учетом географического положения, исторических и социально-экономических особенностей.

Концепция «умного города» получила достаточно широкое распространение и реализована в 2500 городах мира, где приняты и разработаны «дорожные карты» и стратегии, направленные на использование цифровых технологий. Бурный рост современных технологий открывает новые возможности для населения, улучшает качество жизни, способствует экономическому

росту, что кардинальным образом меняет образ жизни населения.

Стремительная урбанизация приводит к пересмотру функционального предназначения городов. Всю большую популярность получают проекты «города для людей», ориентированные на человека, создание «умных» домов, которые сами будут обеспечивать себя электроэнергией с помощью современных технологий. «Умный город» как модель городского развития требует долгосрочного плана, который включает в себя определение проблем, анализ потребностей и возможностей, предложения по улучшению, реализацию этих предложений и оценку результатов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Акоев М.А., Маркусова В.А., Москалева О.В., Писляков В.В. Руководство по наукометрии: индикаторы развития науки и технологии. Монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; 2014. 250 с.
Akoev M.A., Markusova V.A., Moskaleva O.V., Pisyakov V.V. The Russian Scientometric Handbook: Indicators of science and technology. Ekaterinburg: Publishing house of Ural University; 2014. 250 p. (In Russ.).
2. Куприяновский В.П., Буланча С.А., Кононов В.В., Черных К.Ю., Намнот Д.Е., Добрынин А.П. Умные города как «Столицы» цифровой экономики. *International Journal of Open Information Technologies*. 2016;2(4):41–52.
Kuprijanovskij V.P. et al. Smart Cities as the “capitals” of the digital economy. *International Journal of Open Information Technologies*. 2016; 2(4):41–52. (In Russ.).
3. Albino V., Berardi U., Dangelico R.M. Smart cities: definitions, dimensions, performance, and initiatives. *Journal of Urban Technology*. 2015;22(1):3–21.
4. Angelidou M. The Role of Smart Characteristics in the Plans of Fifteen Cities. *Journal of Urban Technology*. 2017;4(24):3–28.
5. Neirotti P., De Marco A., Cagliano A.C., Mangano G., Scorrano F. Current trends in Smart City initiatives: Some stylized facts. *Cities*. 2014;38:25–36.
6. Caragliu A., Del Bo C., Nijkamp P. Smart cities in Europe. *Journal of Urban technology*. 2011;2(18):65–82.
7. Giffinger R., Gurdum H. Smart cities ranking: An effective instrument for the positioning of cities? *ACE: Architecture, City and Environment*. 2010;4(12):7–26.
8. Camboim G.F., Zawislak P.A., Pufal N.A. Driving elements to make cities smarter: Evidences from European projects. *Technological Forecasting & Social Change*. 2019;(142):154–167.
9. De Jong M., Joss S., Schraven D., Zhan C., Weijnen M. Sustainable-smart-resilient-low carbon-eco-knowledge cities; making sense of a multitude of concepts promoting sustainable urbanization. *Journal of Cleaner Production*. 2015;(109):25–38.
10. Hollands F.G. Will the real smart city please stand up? *City*. 2008;12(3):303–320.
11. Nam T., Pardo T. Conceptualizing smart city with dimensions of technology, people, and institutions. In: Proceedings of the 12th Annual International Digital Government Research Conference on Digital Government Innovation in Challenging Times. New York: ACM. 2011;(12):282–291.
12. Coelho J., Cacho N., Lopes F., Loiola E. et al. ROTA: A smart city platform to improve public safety. *New Advances in Information Systems and Technologies*. 2016;(444):787–796.
13. Joshi S. et al. Developing smart cities: an integrated framework. *Procedia Computer Science*. 2016;(93):902–909.
14. Bakici T., Almirall E., Wareham J. A smart city initiative: The case of Barcelona. *Journal of the Knowledge Economy*. 2013;4(2):135–148.
15. McKinsey Global Institute Smart Cities: Digital Solutions for a More Livable Future June 2018. URL: <https://www.mckinsey.com/~media/mckinsey/industries/capital%20projects%20and%20infrastructure/our%20insights/smart%20cities%20digital%20solutions%20for%20a%20more%20livable%20future/mgi-smart-cities-full-report.ashx>.

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-4-126-135
УДК 330.322(045)

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ РИСКОВ ПРИ ВЛОЖЕНИИ ПРЯМЫХ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ КИТАЕМ (ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НА ОСНОВЕ ДАННЫХ ЗА 2006–2017 ГОДЫ)

Цюйюй Гаоянь, аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; ассоциированный исследователь, Международная лаборатория исследований мирового порядка и нового регионализма, НИУ ВШЭ
qgaoyan1@jhu.edu

Аннотация. Чтобы внести свой вклад в продолжающуюся дискуссию относительно того, объясняется ли интернационализация китайских транснациональных корпораций (ТНК) при осуществлении прямых иностранных инвестиций (ПИИ) обычной логикой, автор статьи выбрал 15 косвенных переменных из данных Координационно-ресурсной группы (PRG) и Фонда международного наследия и применил метод анализа главных компонент (PCA) с тем, чтобы разработать новый индекс политического риска (PRI), с помощью которого можно было бы оценить многообразные аспекты политических рисков для 139 стран. Используя этот индекс в качестве основополагающего критерия, автор исследовал изменения в китайских ПИИ за рубежом на предмет направлений и объемов инвестиций, ежегодных инвестиционных потоков и их распределения по секторам экономики с 2006 по 2017 г. В результате исследования было обнаружено, что подавляющее большинство китайских ПИИ за этот период сконцентрировано в странах со средним и низким уровнями политических рисков.

Ключевые слова: политические риски; китайские прямые иностранные инвестиции; внешнеэкономическая политика КНР; Инициатива Пояса и Пути

THE DISTRIBUTION OF THE POLITICAL RISKS OF FOREIGN DIRECT INVESTMENT BY CHINA (AN EMPIRICAL STUDY BASED ON DATA FOR THE YEARS 2006–2017)

QIUYU GAOYAN, Doctoral Candidate, Associate Researcher, International Laboratory of World Order Studies and the New Regionalism, National Research University “Higher School of Economics”, a graduate student of Johns Hopkins University
qgaoyan1@jhu.edu

Abstract. The purpose of this paper is driven by the author’s desire to contribute to the ongoing debate as to whether the internationalisation of Chinese Transnational corporations (TNCs) in foreign direct investment is due to conventional logic. The author selected 15 indirect variables from the data of the ‘Coordination and Resource Group’ (CRG) and the ‘International Heritage Foundation’ and applied the principal component analysis (PCA) method to develop a new Political Risk Index (PRI). It could assess the multiple dimensions of political risks for 139 countries. Using this index as a fundamental criterion, the author investigated the changes in Chinese Outward FDI in terms of directions and volumes of investments, annual investment flows and their distribution by sectors of the economy from 2006 to 2017. As a result of the study, the author found that the vast majority of Chinese Outward FDI during this period was concentrated in countries with medium and low levels of political risks.

Keywords: political risk measurement; political risk distribution; Chinese outward foreign direct investments; principal component analysis

ВВЕДЕНИЕ

За последние годы в связи со значительным ростом объемов прямых иностранных инвестиций Китая (ПИИ) внимание многих ученых привлекла тема влияния политических рисков в странах-реципиентах на выбор направлений инвестиционных вложений китайских ТНК. В результате многочисленных исследований было обнаружено, что китайские ТНК не смущает наличие политических рисков при осуществлении зарубежных вложений [1–4], либо они сдерживают их [5–8], либо ТНК безразличны к политическим рискам в странах-реципиентах [9]. Вот почему некоторые ученые заявляют, что обычная логика не способна объяснить интернационализацию китайских ТНК. Тем не менее эти заявления необходимо проверить ввиду их методологической несостоятельности. Основной причиной столь противоречивых выводов является нехватка четких формулировок в методиках оценки политических рисков. Другой ограничивающей причиной является ненадежность оценок объемов китайских ПИИ по официальным источникам. Наш вклад в решение научной проблемы состоит в отражении взаимосвязи политических рисков с китайскими ПИИ и включает два аспекта. Во-первых, в данной работе предлагается новый комплексный инструмент для оценки политических рисков — индекс PRI, разработанный при помощи метода анализа главных компонент, позволяющий научно определить конечный вес каждого из 15 соответствующих косвенных показателей, полученных из достоверных источников. Во-вторых, в данной работе эмпирическому анализу подвергнута малоизвестная тема — изменения в распределении китайских ПИИ в странах-реципиентах с различным уровнем политических рисков за последнее десятилетие с использованием данных Китайского глобального инвестиционного трека (CGIT) и ясно показано конечное предназначение каждого крупномасштабного инвестиционного проекта, реализуемого китайскими ТНК. Таким образом, работа вносит серьезный вклад в дискуссию относительно того, можно ли при помощи обычной логики объяснить взаимосвязь политических рисков с китайскими ПИИ.

ДАнные И МЕТОДОЛОГИЯ

Чтобы восполнить подобные пробелы, в исследовании мы намерены сделать следующее: во-первых, мы разработали новый Индекс политических рисков (PRI) с тем, чтобы попытаться охватить

все аспекты политических рисков, введя в него 15 косвенных показателей. Во-вторых, мы исследовали малоизвестную тему — изменения в распределении китайских ПИИ в странах-реципиентах с различным уровнем политических рисков за последнее десятилетие с использованием данных CGIT и таким образом внесли серьезный вклад в дискуссию относительно того, руководствуются ли здравым смыслом китайские инвесторы при учете политических рисков в странах-реципиентах.

Для того чтобы разработать всеобъемлющий и объективный индекс политических рисков, мы сначала выбрали переменные и источники данных, затем применили анализ главных компонент (PCA) с тем, чтобы определить вес каждого суб-индикатора. Мы использовали Китай в качестве примера для иллюстрации расчета индекса политических рисков страны.

ВЫБОР ПЕРЕМЕННЫХ И ИСТОЧНИКОВ ДАННЫХ

Чтобы разобраться в потоках китайских ПИИ, мы использовали статистические ежегодные данные по всему Китаю на уровне фирм, приводимые Американским институтом предпринимательства (AEI) на CGIT. Этот набор содержит данные для всех китайских фирм (включая товарищества с ограниченной ответственностью, частные предприятия, государственные и совместные предприятия или предприятия с участием иностранного капитала) и ценную информацию относительно направлений китайских зарубежных вложений, инвестиционных квот, секторов и названий инвесторов в Китае. На сегодняшний день это наиболее надежный доступный источник серийной информации по определенным отрезкам времени как на уровне страны, так и на уровне фирм. Другим достоинством этой базы данных является информация по крупномасштабным инвестиционным проектам (для которых сумма инвестиций превышает US 100 млн долл.), осуществляемых китайскими предприятиями.

Для того же периода времени мы получили информацию о политических рисках с ICRG (группа PRS) и IEF (Фонд всемирного наследия). Для разработки PRI мы отобрали 15 переменных, затем эти 15 переменных разделили на три типа политических рисков в зависимости от их источника: институциональные, риски политического насилия и связанные с трансфером технологий и экспроприацией капиталов инвесторов (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Результаты оценок достоверности PCA / The results of the accuracy scores of PCA

Тип критерия достоверности	Статистика	Критерий
Кайзер–Мейер–Олкин (КМО) тест выборочной адекватности	0,875	>0,6
Критерий сферичности Бартлетта	17662,259*	P < 0,05
Альфа-коэффициент внутренней consistency Кронбаха	0,8908	>0,7
Первое собственное значение матрицы главных компонент	6,57467	>1
Конструктивная достоверность (накопленная дисперсия объясненных факторов)	43,83%	>80%

Источник / Source: рассчитано автором/author's calculation.

Примечание / Note: * – представляет уровень значимости в 1% / Represents a significance level of 1%.

Таблица 2 / Table 2

**Матрица собственных значений, кумулятивных значений и факторной нагрузки /
Matrix of the eigenvalues, cumulative values, and factor loadings**

x	y														
	PC1	PC2	PC3	PC4	PC5	PC6	PC7	PC8	PC9	PC10	PC11	PC12	PC13	PC14	PC15
CV	0,32	0,02	-0,24	-0,01	0,12	-0,14	0,03	-0,39	0,04	-0,34	0,32	-0,16	0,63	0,09	-0,07
GU	0,15	0,53	-0,06	-0,18	0,11	0,04	-0,24	-0,06	0,19	0,12	-0,46	-0,57	-0,01	-0,03	-0,00
LS	0,06	0,56	-0,04	-0,21	0,23	-0,04	-0,33	0,23	0,02	0,15	0,37	0,50	0,04	0,09	0,03
PD	0,33	-0,06	-0,23	0,00	0,09	-0,23	0,16	-0,20	-0,11	0,16	-0,26	0,18	-0,28	0,70	0,06
PS	0,11	0,43	-0,18	-0,09	-0,46	0,37	0,61	0,10	-0,14	-0,04	0,06	0,04	0,02	0,00	-0,01
RP	0,33	0,01	-0,28	-0,01	0,08	-0,12	0,06	-0,40	0,03	0,09	-0,01	0,22	-0,37	-0,65	-0,02
ERR	0,11	0,18	-0,10	0,90	0,20	0,25	-0,08	0,08	-0,11	0,07	0,00	-0,01	0,01	0,00	-0,02
ET	0,19	0,10	0,48	-0,00	0,53	-0,22	0,56	0,19	0,09	-0,05	-0,06	-0,01	0,05	-0,11	0,07
EC	0,26	0,10	0,17	0,23	-0,53	-0,49	-0,11	0,20	0,28	-0,10	-0,28	0,24	0,19	-0,08	-0,05
IC	0,30	0,11	0,33	0,03	-0,18	-0,09	-0,19	-0,00	-0,23	-0,40	0,38	-0,30	-0,49	0,08	0,12
MP	0,32	-0,15	0,13	-0,06	-0,14	-0,12	-0,05	0,12	-0,44	0,68	0,17	-0,22	0,24	-0,11	-0,01
RT	0,20	-0,00	0,57	-0,05	-0,07	0,49	-0,14	-0,47	0,03	0,06	-0,17	0,29	0,13	0,06	-0,02
PR	0,32	-0,23	-0,18	-0,11	0,07	0,25	-0,13	0,31	-0,05	-0,19	-0,20	0,08	0,13	-0,10	0,71
GI	0,33	-0,18	-0,09	-0,16	0,15	0,20	-0,11	0,37	-0,21	-0,26	-0,20	0,08	-0,03	-0,04	-0,67
IF	0,29	-0,22	-0,04	0,01	-0,05	0,24	0,05	0,17	0,73	0,24	0,34	-0,14	-0,14	0,11	-0,08
Собственное значение	6,57	2,24	1,35	0,93	0,77	0,58	0,52	0,47	0,38	0,28	0,27	0,25	0,19	0,13	0,07
Кумулятивное значение	43,8%	58,8%	67,8%	73,9%	79,0%	82,9%	86,4%	89,5%	92,1%	93,9%	95,8%	97,4%	98,7%	99,6%	100,0%

Таблица 3 / Table 3

Итоговый вес (FW) каждого субиндикатора / Final weight (FW) of each subindicator

CV	GU	LS	PD	PS	R	ERR	ET	EC	IC	MP	RT	PR	GI	IF
7,6%	6,3%	7,5%	7,2%	4,8%	3,9%	6,4%	9,9%	7,4%	7,5%	5,5%	7,7%	5,2%	5,9%	7,2%

В табл. 1 представлены описания индикаторов PRI и баз данных. Мы исследовали 139 экономик за период с 2006 по 2017 г. и собрали 1390 наблюдений. Для отсутствующих данных использовали метод линейной интерполяции тренда. В связи с тем что данные из ICRG и IEF имеют различную размерность — к примеру, оценки из ICRG варьируют от 0 до 12, а из IEF — от 0 до 100, мы нормализовали данные таким образом, чтобы все конвертированные данные варьировали от 0 до 10. Таким образом, мы смогли лучше сравнивать данные:

$$C_1 = 10 \times [(ICRG_i - ICRG_{i\min}) / (ICRG_{i\max} - ICRG_{i\min})];$$

$$C_2 = 10 \times [(IEF_k - IEF_{k\min}) / (IEF_{k\max} - IEF_{k\min})].$$

В данном уравнении C_1 и C_2 — нормализованные показатели, полученные из ICRG и IEF соответственно. Как указано выше, показатели варьируются от 10 — (максимум) до 0 (минимум). Высокие показатели означают низкий уровень политических рисков, в то время как низкие показатели — высокий уровень политических рисков.

АНАЛИЗ ГЛАВНЫХ КОМПОНЕНТ

Анализ главных компонент (PCA) широко применяется для разработки важных показателей. Путем подсчета корреляции между переменными ученые, используя метод PCA, могут достоверно определять их значимость. Применение PCA для определения значимости субиндикаторов также является широко применяемым в научной литературе, в особенности в тех случаях, когда вырабатывается новый индекс или критерий. В качестве примеров можно привести индекс глобализации [10], индекс открытости капитальных счетов [11], индекс интегрированности региональных экономик [12], индекс перспектив интернационализации [13].

Как видно из табл. 1, значение КМО больше 0,6, в то время как критерий сферичности Бартлетта достигает уровня значения 1%. Таким образом, соответствие выбранных нами субиндикаторов для наших целей было подтверждено. Альфа-

коэффициенты Кронбаха были выше порогового значения 0,7 и это означает, что выбранные 15 субиндикаторов имеют высокую надежность для оценки политических рисков. Более того, первое собственное значение матрицы главных компонент PCA (6,57467) гораздо выше критерия (более чем 1,00) всех собственных значений. Тем не менее объяснимая изменчивость первой основной компоненты ниже стандартного критерия в 80%, и это означает, что применение оценки только первой основной компоненты веса субиндикатора PRI может дать низкий уровень концептуальной значимости. После расчета факториальной матрицы α_{xy} , представленной в табл. 2, мы воспользовались формулой для расчета конечного веса субиндикаторов политических рисков:

$$FW_x = \frac{\sum_{y=1}^{15} a_{xy}^2}{\sum_{x=1}^{15} \sum_{y=1}^{15} a_{xy}^2}, \quad (1)$$

где y — число основных компонент, с PCA1 до PCA15 — $y = 1, 2, \dots, 15$; x — порядковый номер субиндикаторов политических рисков, $x = 1, 2, 3, \dots, 15$.

Используя формулу (1), мы сделали сумму 15 субиндикаторов политических рисков равной единице. Такой метод учитывает все первичные компоненты и таким образом расширяет общую кумулятивную объяснимую изменчивость до 100%.

В табл. 3 представлена конечная значимость (FW) всех 15 субиндикаторов компонентов политических рисков. Как видно, значимости каждого из субиндикаторов можно расставить следующим образом: этническая напряженность имеет самый высокий вес — 9,9% вместе с религиозной напряженностью — 7,7%; жизнеспособность контрактов — 7,6%, сила законодательной власти и внутренние конфликты — 7,5%; свобода инвестиций, отсрочки платежей и внешние конфликты — 7,1–7,4%; защита прав собственности, поддержка населения, репатриация доходов, военное вмешательство в политику, неподкупность правительства, сплоченность правительства и риски обменных курсов — 3,9–6,4%.

Индексы политических рисков для Китая в 2017 г. / Indices of political risks for China in 2017

Переменная	Изначальный рейтинг (A)	Конечный вес (B)	Взвешенный рейтинг (A)*(B)
Жизнеспособность контрактов (CV)	5,6	7,6%	0,43
Отсрочки платежей (PD)	7,86	6,3%	0,49
Репатриация прибылей (RP)	5,28	7,5%	0,4
Свобода инвестирования (IF)	5,36	7,2%	0,39
Риски обменного курса (ERR)	6,06	4,8%	0,29
Сплоченность правительства (GU)	5,94	3,9%	0,23
Сила законодательной власти (LS)	9,82	6,4%	0,63
Поддержка населения (PS)	5	9,9%	0,5
Защита прав собственности (PRP)	4,55	7,4%	0,34
Добросовестность правительства (GI)	5,09	7,5%	0,38
Этническая напряженность (ET)	5	5,5%	0,27
Внешние конфликты (EC)	6	7,7%	0,46
Внутренние конфликты (IC)	4,97	5,2%	0,26
Военное вмешательство в политику (MP)	3,98	5,9%	0,23
Индекс политических рисков	NA	100%	5,45

Источник / Source: рассчитано автором / author's calculation.

Примечание / Note: NA – неприменимо / NA – inapplicable.

ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ – РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ РИСКОВ КИТАЙСКИХ ПИИ

Используя метод, представленный выше, мы разработали следующее уравнение для расчета PRI 139 модельных стран:

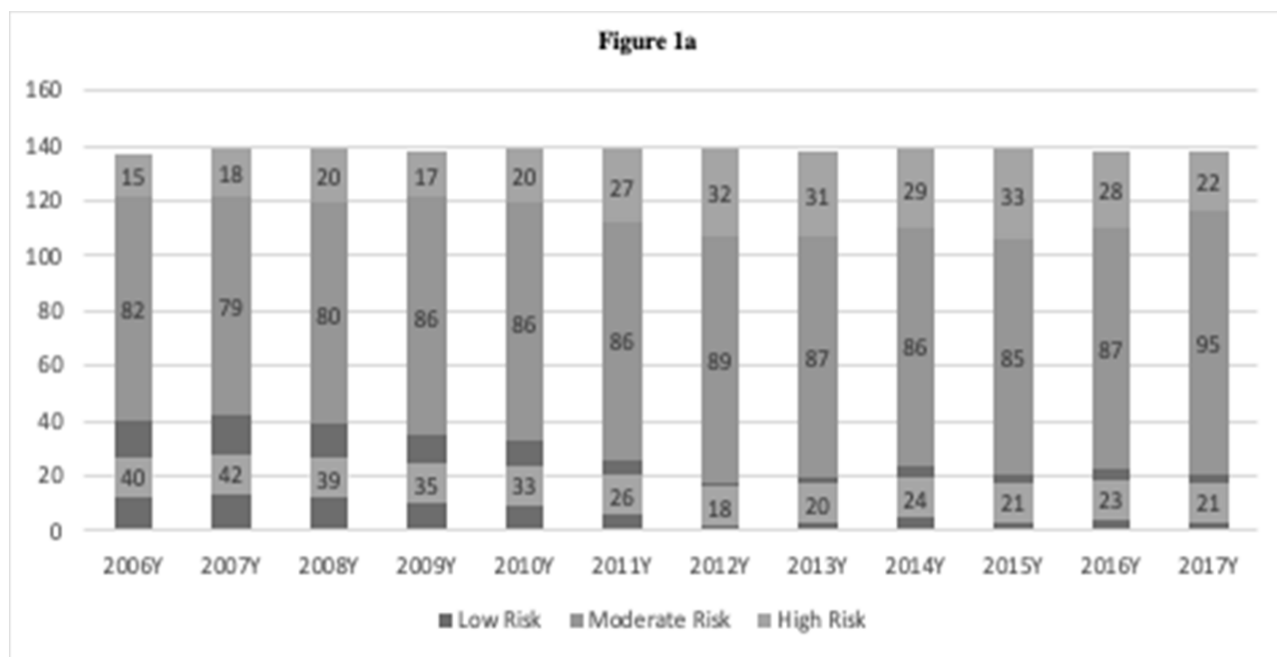
$$PRI = 7,6\% \times CV + 6,3\% \times PD + 7,5\% \times RP + 7,2\% \times IF + 4,8\% \times ERR + 3,9\% \times GU + 6,4\% \times LS + 9,9\% \times PS + 7,4\% \times PRP + 7,5\% \times GI + 5,5\% \times ET + 7,7\% \times EC + 5,2\% \times IC + 5,9\% \times MP. \quad (2)$$

Мы использовали Китай в качестве примера для демонстрации расчета PRI. В 2017 г. в КНР рейтинг жизнеспособности контрактов составлял 5,6. Пользуясь нашим методом, мы обнаружили, что жизнеспособность контрактов составляет для Китая 7,6% в серии субиндикаторов. Затем умножили рейтинг жизнеспособности контрактов на его конечный вес и получили 0,4. Далее суммировали все 15 взвешенных рейтингов и получили индекс PRI для Китая в 2017 г., который

составил 5,45 (табл. 4). Как мы указали выше, индекс PRI варьирует от 0 до 10. Более высокий индекс PRI означает более низкие политические риски. На основе рассчитанного нами индекса PRI мы разделили наши модельные 139 экономик на три группы. Страны с PRI выше 7,5 отнесли к странам с низким уровнем рисков; те, где значение PRI было между 5 и 7,49, — к странам со средним уровнем рисков, а 4,99 — к странам с высоким уровнем рисков. В следующей главе мы рассмотрим изменения в распределении политических рисков китайских ПИИ в зависимости от положения страны, размера инвестиционных проектов и ежегодного экспорта, а также развития экономики за период с 2006 по 2017 г.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ РИСКОВ 139 МОДЕЛЬНЫХ СТРАН

В соответствии с нашей методикой (рис. 1) в 2017 г. 21 страна попала в группу с низким уровнем рисков, 95 — со средним уровнем рисков, а 22 — в группу с высоким уровнем рисков. Исходя из

Рис. 1 / Fig 1. Распределение политических рисков 139 модельных стран, 2006–2017 гг. / The distribution of political risk model 139 countries, 2006–2017

Источник / Source: рассчитано автором / author's calculation.

тренда во временном промежутке с 2006 по 2017 г. (см. рис. 1, а), мы обнаружили, что группа стран со средним уровнем рисков последовательно растет в интервале от 80 до 95 стран, составляя в целом 59–68% от общего числа модельных стран. За тот же период времени (см. рис. 1, б) количество стран с низким уровнем рисков сократилось до 21 в 2017 г., при этом пик численности составил 42 страны в 2007 г., т.е. сокращение составило от 30 до 13% от общего числа стран. С другой стороны, количество стран с высоким уровнем рисков претерпело значительные колебания. За период с 2007 по 2012 г. количество их возросло с 15 до 32, затем сократилось до 22 (между 11 и 24%) за период с 2013 по 2017 г. Несмотря на то что страны с низким уровнем рисков значительно превосходят числом страны с высоким уровнем рисков в промежутке между 2006 и 2011 г., в последующий период пропорция высокорисковых стран превосходит страны с низким уровнем рисков. И все же количество стран со средним уровнем рисков остается наивысшим.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ РИСКОВ И ГЕОГРАФИЯ КИТАЙСКИХ ПИИ

Как видно на рис. 2, ежегодный объем китайских ПИИ (мы включили в анализ только страны с широкомасштабными проектами) почти утроился: с 32 в 2006 г. до 94 в 2015 г., но несколько сокра-

тился до 66 в 2017 г. (главным образом за счет ограничений, наложенных китайским правительством на компании, вовлеченные в зарубежные инвестиции). Страны со средним уровнем рисков оставались приоритетными для китайских инвестиций, составляя от 45 до 56% от общего числа модельных стран. Как за период с 2006 по 2010 г., так и с 2016 по 2017 г. страны с низким уровнем рисков составляли от 19 до 22% от китайских ПИИ, в то время как страны с высоким уровнем рисков составили всего лишь 16–21%. Однако такое соотношение изменилось за период с 2010 по 2015 г., когда страны с высоким уровнем рисков составили более 20%, а количество стран с низким уровнем рисков упало до менее 20% от общего числа стран.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ РИСКОВ И КРУПНЫЕ ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ

На рис. 3 можно видеть, что за период с 2006 по 2017 г. ежегодное количество крупных китайских инвестиционных проектов с иностранными инвестициями (те, в которых разовая инвестиция составляла более US 100 млн долл.) резко возросло: с 49 в 2006 г. до 408 в 2016 г., однако упало до 157 в 2017 г. Страны со средним уровнем рисков разместили у себя от 37 до 53% масштабных долгосрочных проектов. Тем не менее распределение

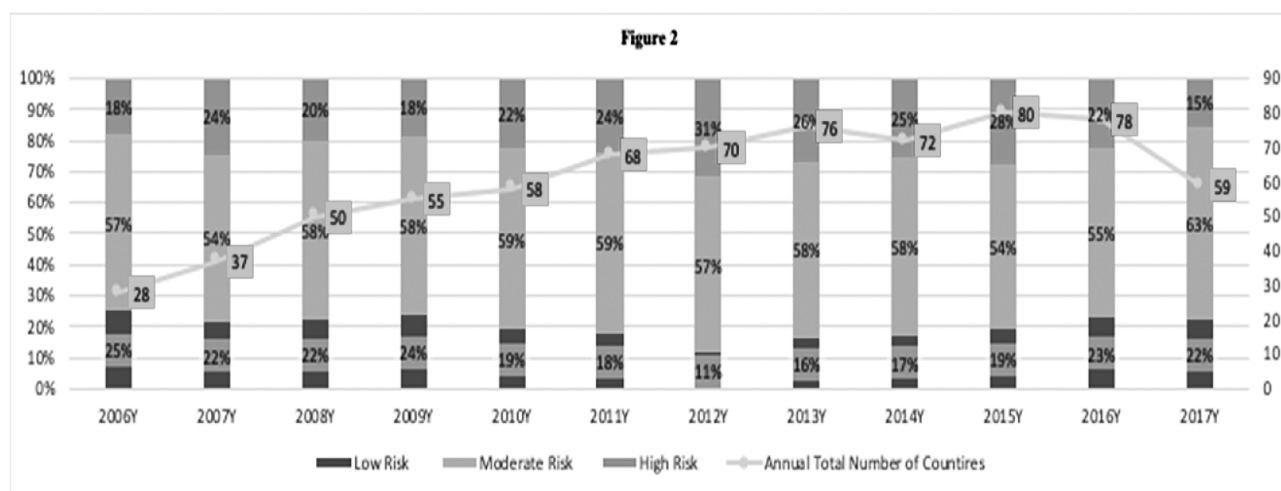

Рис. 2 / Fig 2. Распределение политических рисков в странах китайских ПИИ, 2006–2017 гг. / The distribution of political risks in the countries of Chinese ODI, 2006–2017 years

Источник / Source: рассчитано автором / author's calculation.

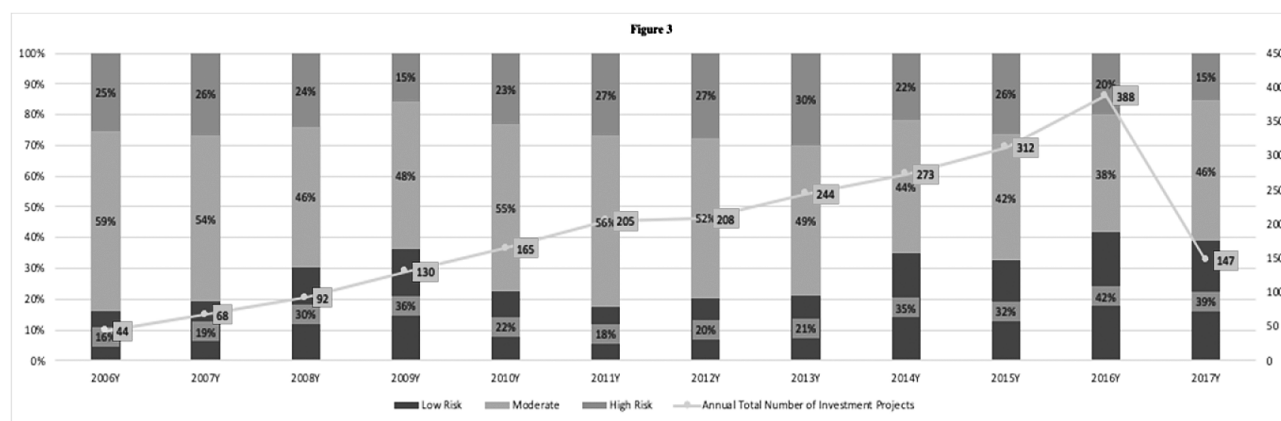

Рис. 3 / Fig 3. Распределение политических рисков китайских ПИИ в широкомасштабных проектах, 2006–2017 гг. / Distribution of political risks of Chinese ODI in large-scale projects, 2006–2017

Источник / Source: рассчитано автором / author's calculation.

китайских масштабных проектов сильно варьировалось между странами с высоким уровнем рисков и странами с низким уровнем рисков. За период с 2006 по 2009 г. в странах с низким уровнем рисков разместилось от 14 до 34% широкомасштабных проектов; эта пропорция затем колебалась между 17 и 20% за период с 2010 по 2013 г., в то время как страны с высоким уровнем рисков получали от 21 до 28% проектов. С 2014 до 2017 г. пропорция проектов, размещенных в странах с низким уровнем рисков, вновь выросла с 29 до 40%, значительно превзойдя 14–23% в странах с высоким уровнем рисков.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ РИСКОВ И ЕЖЕГОДНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ (ГЕОГРАФИЯ) КИТАЙСКИХ ИНВЕСТИЦИЙ

Ежегодные потоки китайских ПИИ, как видно из рис. 4, возросли в шесть раз: с US 40,23 млрд

долл. в 2006 г. до US 261,1 млрд долл. в 2016 г., затем упали до US 132,24 млрд долл. в 2017 г. С 2006 по 2017 г. китайские ПИИ направлялись в страны с различными уровнями политических рисков. За период с 2006 по 2009 г. страны с низким уровнем рисков приняли от 14 до 41% китайских ПИИ, в то время как страны с высоким уровнем рисков смогли принять только от 15 до 20%. Тем не менее объем китайских ПИИ в страны со средним уровнем рисков уменьшился с 66% в 2006 г. до 33% к 2009 г. За период с 2010 по 2013 г. ежегодные потоки китайских ПИИ в страны со средним уровнем рисков претерпевали значительные колебания, но оставались приоритетными для китайских иностранных инвестиций, составляя от 40 до 63%. За один и тот же период в страны с высоким уровнем рисков потоки китайских ПИИ (16–31%)

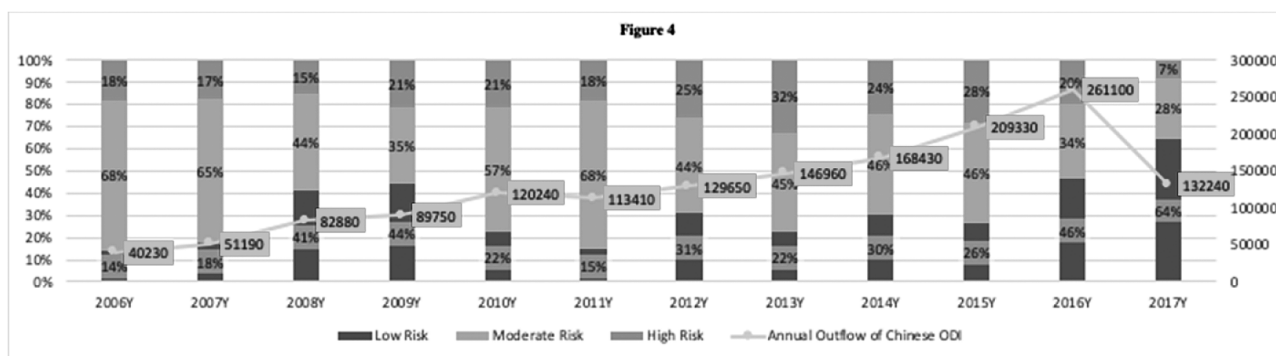

Рис. 4 / Fig 4. Распределение политических рисков и ежегодные китайские потоки ПИИ за 2006–2017 гг. / Distribution of political risk and Chinese annual FDI flows over the years 2006–2017

Источник / Source: рассчитано автором/author's calculation.

превзошли таковые в страны с низким уровнем рисков (14–21%). Однако после 2014 г. произошел значительный перелом, так как страны с низким уровнем рисков приняли больший объем китайских ПИИ, чем в минувшие годы уходило в страны с высоким уровнем рисков и в страны со средним уровнем рисков; наконец, в 2017 г. только 7% потоков направилось в страны с высоким уровнем рисков, 27% — в страны со средним уровнем рисков, а страны с низким уровнем рисков получили оставшиеся 62%.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ РИСКОВ И КИТАЙСКИЕ ПИИ ПО СЕКТОРАМ ЭКОНОМИКИ

Если рассматривать китайские ПИИ в ракурсе распределения по отраслям экономики, то, как видно из табл. 5, за период с 2006 по 2017 г. китайские инвестиции в энергетику, транспорт, недвижимость и металлургию превысили 70% от общих инвестиционных вложений. Это отражает стремление Китая сконцентрировать свои ПИИ в сферах разработки природных ресурсов, энергетики и строительства инфраструктуры. На уровне секторов экономики более 56–65% китайских инвестиций в сельское хозяйство, науку и технологии, а также финансы было направлено в страны с низким уровнем рисков. Инвестиции в туризм и индустрию развлечений в эти страны составили 70%. Страны со средним уровнем рисков приняли более половины китайских инвестиций в энергетику, транспорт, металлургию, коммунальное хозяйство и химическую промышленность. Недвижимость явилась своего рода уникальной отраслью экономики, китайские инвестиции в нее поровну распределились между странами со средним и низким уровнем рисков.

ВЫВОДЫ

Укрепляя связи с другими странами при помощи иностранных инвестиций, Китай быстрыми темпами интегрируется в мировую экономику. В результате наших исследований было обнаружено, что благодаря продолжающимся реформам в области международной экономической политики, эффективному руководству правительства и расширению политических возможностей в рамках деятельности китайских ТНК ПИИ КНР существенно выросли за последние десять лет, в то время как политические риски для них быстро сокращались.

Данная работа имеет важное значение по двум причинам. Во-первых, мы предлагаем новый инструмент для измерения политических рисков — индекс PRI с применением PCA для того, чтобы научно определить вес каждой из 15 переменных, полученных из достоверных статистических источников. Во-вторых, в данной работе мы эмпирически анализируем малоизученную проблему — изменения в распределении китайских ПИИ в странах с различным уровнем политических рисков за последние десять лет. Наш анализ с использованием данных CGIT показал, куда и кем осуществляются крупномасштабные инвестиционные проекты китайских ТНК, с помощью чего были обнаружены факты, противоречащие некоторым научным выводам относительно «стремления избежать политических рисков» со стороны китайских ТНК в процессе их интернационализации: как страны с низкими рисками, так и страны со средними рисками остаются приоритетными для китайских инвестиций по таким параметрам, как количество крупномасштабных инвестиционных проектов, объемы ежегодных потоков прямых инвести-

Распределение политических рисков китайских ПИИ на уровне секторов экономики / Distribution of political risks of Chinese ODI at the level of economic sectors

Сектор	Сельское хозяйство	Химическая промышленность	Энергетика	Индустрия развлечений	Финансы	Металлургия	Недвижимость	Технологии	Туризм	Транспорт	Коммунальное хозяйство	Прочие	В целом
Квота/млн USD	91,310	18,980	578,220	37,590	66,560	146,680	156,070	74,800	39,520	275,820	21,760	38,100	1,545,410
Страны с высоким уровнем рисков, %	9	8	32	4	4	25	17	19	9	26	33	10	22
Страны со средним уровнем рисков, %	26	69	51	23	41	50	44	37	28	51	50	32	45
Страны с низким уровнем рисков, %	65	23	17	73	55	25	38	44	64	23	17	59	33
Процент в общем объеме инвестиций, %	5,9	1,2	37,4	2,4	4,3	9,5%	10,1%	4,8	2,6	17,8	1,4%	2,5	100
Широкомасштабные проекты	99	29	657	52	85	204	361	141	58	450	58	82	2276

Источник / Source: рассчитано автором/author's calculation.

ций и распределение инвестиций по секторам экономики.

Наши выводы подтверждают, что при принятии решений относительно осуществления инвестирования китайские ТНК никогда не пренебрегали важностью учета уровня политических рисков в странах-реципиентах, так как проблемы с транзакциями научили их прибегать к более тщательным и осторожным шагам при осуществлении ПИИ. В то же время усилия правительства, такие как издание практического руководства по инвестированию [14], консультации и своевременное информационное обеспечение, предостерегли

китайские предприятия от инвестирования в проблемные проекты и страны с высоким уровнем рисков [15] и, что еще более важно, политический потенциал, наработанный китайскими ТНК в китайском бизнес-климате, помог им преодолеть многие трудности в процессе интернационализации [16–18].

Относительно трудностей и перспектив для дальнейших исследований можно отметить, что наше исследование ограничено нехваткой информации о сравнении распределения политических рисков китайских ПИИ с аналогичными рисками для других стран, так как нет данных о распределении их ПИИ (пока что мы не обна-

ружили никаких других баз данных, которые бы содержали информацию относительно китайских ПИИ, таких как Китайский глобальный инвестиционный трекер, поддерживаемый AEI, или EMENDATA). Тем не менее, при наличии большого объема данных в последующих исследованиях мы могли бы изучить сходство и различие в распределении политических рисков китайских

ПИИ с политическими рисками инвестиций из других стран. Можно было бы провести сравнение между развитыми экономиками США, Японии и Западной Европы и растущими экономиками России, Бразилии, Индии и Южной Африки, чтобы лучше понять выбор инвестиционных направлений китайских предприятий в процессе международной экспансии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Buckley P., Clegg L., Cross A., Liu X., Voss H., Zheng P. The determinants of Chinese outward foreign direct investment. *Journal of International Business Studies*. 2007;38(4):499–518.
2. Li Q., Liang G. Political Relations and Chinese Outbound Direct Investment: Evidence from Firm- and Dyadic-Level Tests. *SSRN Electronic Journal*; 2012.
3. Huang Y., Wang B. Chinese Outward Direct Investment: Is There a China Model? *China & World Economy*. 2011;4(19).
4. Quer D., Claver E., Rienda, L. Political risk, cultural distance, and outward foreign direct investment: Empirical evidence from large Chinese firms. *Asia Pacific Journal of Management*. 2012;29(4):1089–1104.
5. Liu H., Tang Y., Chen X., Poznanska J. The Determinants of Chinese Outward FDI in Countries along “One Belt One Road”. *Emerging Markets Finance and Trade*. 2017;53(6):1374–1387.
6. Duanmu J. The effect of corruption distance and market orientation on the ownership choice of MNEs: Evidence from China. *Journal of International Management*. 2011;17(2):162–174.
7. Hurst L. Comparative Analysis of the Determinants of China’s State-owned Outward Direct Investment in OECD and Non-OECD Countries. *China & World Economy*. 2011;19:74–91.
8. Blomkvist K., Drogendijk R. Chinese outward foreign direct investments in Europe. *European Journal of International Management*. 2016;3(10):343–358.
9. Kolstad I., Wiig A. What determines Chinese outward FDI? *Journal of World Business*. 2012;47(1):26–34.
10. Dreher A. Does globalization affect growth? Evidence from a new index of globalization. *Applied Economics*. 2006;38(10):1091–1110.
11. Chinn M., Ito H. A New Measure of Financial Openness. *Journal of Comparative Policy Analysis: Research and Practice*. 2008;10(3):309–322.
12. Chen B., Woo Y. Measuring Economic Integration in the Asia-Pacific Region: A Principal Components Approach. *Asian Economic Papers*. 2010;9(2):121–143.
13. Tung C., Wang G., Yeh, J. Renminbi Internationalization: Progress, Prospect, and Comparison. *China & World Economy*. 2012;20(5):63–82.
14. Huang Y., Wang B. Chinese Outward Direct Investment: Is There a China Model? *China & World Economy*. 2011;4(19):1–21.
15. Hurst L. Comparative Analysis of the Determinants of China’s State-owned Outward Direct Investment in OECD and Non-OECD Countries. *China & World Economy*. 2011;19:74–91.
16. Jiménez A. Does political risk affect the scope of expansion abroad? Evidence from Spanish MNEs. *International Business Review*. 2010;19(6):619–633.
17. Jiménez A. Political risk as a determinant of Southern European FDI in neighboring developing countries. *Emerging Markets Finance and Trade*. 2011;47(4):59–74.
18. Jiménez A., Luis-Rico I., Benito-Osorio D. The influence of political risk on the scope of internationalization of regulated Companies: insights from a Spanish sample. *Journal of World Business*. 2014;49(3):301–311.

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-4-136-141
УДК 311(045)

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СУВЕРЕННЫХ ФОНДОВ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ

Архангельская Любовь Юрьевна, канд. экон. наук, доцент, доцент Департамента учета, анализа и аудита, Финансовый университет, Москва, Россия
lubank@bk.ru

Бондаренко Никита Олегович, студент 2-го курса финансово-экономического факультета, Финансовый университет, Москва, Россия
nikita.bondarenko7@rambler.ru

Аннотация. В условиях расширения мирохозяйственных связей между странами перед многими правительствами встал вопрос эффективного управления накопленными финансовыми ресурсами, для чего были созданы суверенные фонды. Сейчас, на пороге четвертой технологической революции, необходимо обратить внимание на многолетний опыт управления государственными резервами для определения основных тенденций развития суверенных фондов, учет которых позволит пересмотреть существующий в России механизм использования их активов для обеспечения вклада в достижение сбалансированного роста отечественной экономики темпами, превышающими среднемировые. Целью работы является выявление и анализ основных особенностей функционирования суверенных фондов на рубеже XX–XXI вв. В работе представлены статистические данные, свидетельствующие об изменении инвестиционных стратегий, а также анализ и оценка эффективности управления различными типами суверенных фондов. Кроме того, отдельное внимание было уделено количественной оценке влияния многообразия экономических факторов на функционирование суверенных фондов, для чего были использованы методы корреляционно-регрессионного анализа. Полученные с его помощью данные позволили осуществить прогноз объема средств Фонда национального благосостояния, динамика которого является важным показателем в условиях стимулирования роста российской экономики. В статье представлено описание основных тенденций развития и проблем функционирования суверенных фондов России. Предложены пути решения этих проблем.

Ключевые слова: суверенные фонды благосостояния; рыночная конъюнктура; инвестиционная стратегия; бюджетная политика; доходность вложений; Фонд национального благосостояния

FEATURES OF THE FUNCTIONING OF SOVEREIGN FUNDS AT THE TURN OF THE XX–XXI CENTURIES

Arkhangelskaya L. Yu., PhD in Economics, Associate Professor, Department of accounting, analysis and audit, Financial University, Moscow, Russia
lubank@bk.ru

Bondarenko N.O., Student of the Faculty of Finance and Economics, Financial University, Moscow, Russia
nikita.bondarenko7@rambler.ru

Abstract. On the threshold of the fourth technological revolution, it is necessary to draw attention to the many years of experience in managing state reserves for determining the main trends in the development of sovereign funds. It would allow revision of the mechanism of using their assets in Russia to ensure a contribution to achieving balanced growth of the domestic economy at rates exceeding the world average. Our work aims to identify and analyse the main features of the functioning of sovereign funds at the turn of the XX–XXI centuries. We paid

particular attention to quantify the influence of a variety of economic factors on the functioning of sovereign funds. We used methods of correlation and regression analysis. The data obtained with its help made it possible to forecast the number of funds of the National Wealth Fund, the dynamics of which is an essential indicator in terms of stimulating the growth of the Russian economy. As a result of the research, we presented the description of the main trends in the development of sovereign funds, the main problems of the functioning of sovereign funds in Russia and the ways to solve them.

Keywords: *sovereign wealth funds; market conditions; investment strategy; fiscal policy; investment returns; National Wealth Fund*

Научно-техническая революция, которая происходит в мире в настоящее время, неуклонно ведет к углублению нестабильности мирового хозяйства в связи с ростом структурной безработицы, увеличением разрыва между развитыми и развивающимися странами, скачкообразным ростом экономик отдельных стран и перераспределением сил на мировой арене [1]. Для снижения влияния подобных дестабилизирующих факторов на экономики отдельных стран национальные правительства вынуждены прибегнуть к проведению активной макроэкономической политики. Учитывая, что меры бюджетно-налоговой политики нацелены на оказание долгосрочного стабилизирующего эффекта, переосмысление ее инструментария должно вызывать особое внимание экономистов [2]. В частности, большой интерес вызывают общемировые тенденции изменения функционирования такого рычага государственного макроэкономического регулирования, как суверенные фонды благосостояния (СФБ, Sovereign Wealth Fund) и их рассмотрение применительно к российской практике [3].

Однако в условиях современных макроэкономических вызовов и шоков происходит модификация целей и механизмов формирования, инвестирования и использования средств СФБ, что обуславливает объективную необходимость определения тенденций изменения этих бюджетных резервов как основы для разработки долгосрочных бюджетных стратегий и определения параметров бюджетных прогнозов [4].

Итак, при сопоставлении этапов развития СФБ с динамикой цен на нефть становится очевидным, что каждый раз прирост числа и объема суверенных фондов сопровождался нефтяным кризисом, а также повышением цен на нефть: и в 1970-е гг. XX в., и в 2000-е гг., и в начале текущего десятилетия. Такая закономерность прежде всего прослеживается из-за того, что большинство суверенных фондов являлись (и до сих пор

являются) сырьевыми, т.е. формируются за счет доходов от экспорта преимущественно нефти и нефтепродуктов [5, с. 61].

Рассмотрим, насколько выявленная тенденция характерна для нашей страны [6, с. 31]. Зависимость между среднемесячными значениями цены на нефть и совокупным объемом средств российских СФБ, выраженным как сумма средств упраздненного в 2018 г. Резервного фонда и Фонда национального благосостояния, представлена на рис. 1.

Сгруппировав по годам данные по факторному и результативному признаку, приступим непосредственно к определению тесноты связи между ними. Для начала воспользуемся параметрическими способами оценки. Так, коэффициент Фехнера составил $K_F = -0,6$, а линейный коэффициент корреляции Пирсона оказался равным $r_{yx} = -0,38$. При использовании непараметрических методов оценки степени тесноты связи между признаками были получены схожие значения: $\rho = -0,47$ — значение коэффициента Спирмена, $\tau = -0,29$ — значение коэффициента Кендалла.

Таким образом, проведенные расчеты свидетельствуют о том, что между ценой на нефть и совокупным объемом средств российских суверенных фондов существует умеренная обратная связь, которая может быть описана уравнением квадратичной параболы. Данный вывод противоречит общемировой тенденции наличия сильной зависимости объема средств СФБ от уровня цен на нефть, хотя отечественные суверенные фонды являются исключительно сырьевыми [7].

Выявленное противоречие можно объяснить следующим образом. Между ценой на нефть и объемом средств суверенных фондов стоит введенное Правительством Российской Федерации бюджетное правило. Подразумевается, что доходы от продажи нефти зачисляются в СФБ только при превышении цены базового уровня (цены отсечения). Таким образом, при росте

Рис. 1 / Fig. 1. **Связь между среднемесячными значениями цены на нефть и совокупным объемом средств российских СФБ, 2008–2018 гг. / The relationship between the average monthly oil price and the total amount of funds of the Russian SWF, 2008–2018**

Источник / Source: составлено авторами по данным Минфина России и информационного портала Investing.com/compiled by the authors according to the Ministry of Finance data and information from portal Investing.com.

цены на нефть, когда она ниже установленного уровня, это, безусловно, приводит к росту ВВП, но в суверенные фонды дополнительные средства не поступают, т.е. объем средств СФБ в% к ВВП снижается. При росте цены выше цены отсечения это приводит уже к росту суверенных фондов и валового внутреннего продукта на одинаковую абсолютную величину. Однако так как объем ВВП значительно превышает объем средств СФБ, последние растут в данном случае более высокими темпами, и их доля в ВВП увеличивается. Из-за такой разнонаправленной реакции резуль- тативного признака на изменения факторного признака коэффициент корреляции показывает относительно слабо выраженную квадратичную связь между ними. Но эта связь обратная, так как по большей части цены на нефть формируются ниже цены отсечения.

В то же время соотношение между совокуп- ным объемом российских СФБ и объемом тамо- женных пошлин характеризуется отсутствием существенной связи: $K_F = 0,04$, $r_{yx} = 0,02$. Данный факт является достаточно неожиданным, так как экспортные таможенные пошлины на сырую нефть, природный газ и на товары, выработанные из нефти, являются источником формирования Фонда национального благосостояния. Возмож- ное обоснование этого факта — возникновение смешанного эффекта при рассмотрении поступ- лений таможенных пошлин в совокупности.

Проведем аналогичные расчеты для пары признаков: сбалансированность федерального

бюджета и совокупный объем средств российских суверенных фондов. Учитывая, что величина «профицита/дефицита» федерального бюджета влияет на национальную экономику посредством обеспечения роста или снижения государствен- ного долга (т.е. действие изменений бюджетного сальдо распространяется не столько на функцио- нирование суверенных фондов в текущем году, сколько на объем их средств в течение нескольких ближайших лет [8]), осуществим механическое сглаживание рассматриваемого ряда динамики способом «скользящего среднего» по трем членам.

По результатам расчетов коэффициент Фех- нера $K_F = -0,78$, линейный коэффициент кор- реляции Пирсона $r_{yx} = -0,83$, коэффициент Спирмена $\rho = -0,72$, коэффициент Кендалла — $\tau = -0,56$. С наибольшей точностью описан- ную зависимость задает линейное уравнение: $y = 7,15 - 0,68x$ ($\eta = 0,82$). Учитывая шкалу Чеддока, можно сделать вывод о наличии высокой обрат- ной связи между рассматриваемыми признаками. Графическая интерпретация полученной зави- симости представлена на рис. 2.

При рассмотрении соотношения объема госу- дарственного внешнего долга Российской Феде- рации и объема средств российских суверенных фондов (рис. 3) было выявлено, что между упо- мянутыми признаками существует умеренная обратная связь ($K_F = -0,41$, $r_{yx} = -0,38$).

Данный факт свидетельствует о корректиров- ке бюджетно-налоговой политики государства в сторону циклически нейтральной.

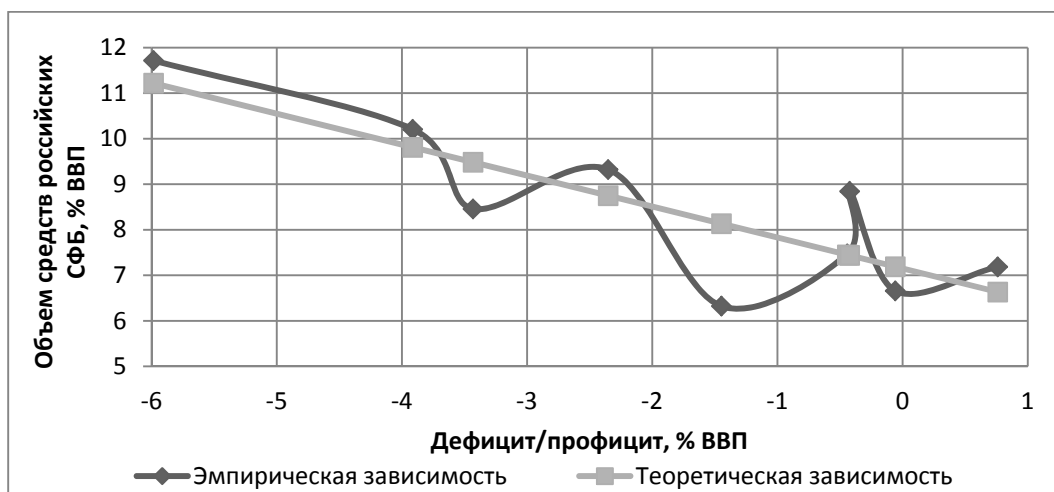

Рис. 2 / Fig 2. Зависимость показателей сбалансированности федерального бюджета и объема средств российских суверенных фондов, 2008–2018 гг. / Dependence of indicators of the balance of the Federal budget and volume of the Russian sovereign funds, 2008–2018

Источник / Source: составлено авторами по данным Минфина России/ compiled by the authors according to the Ministry of Finance data.

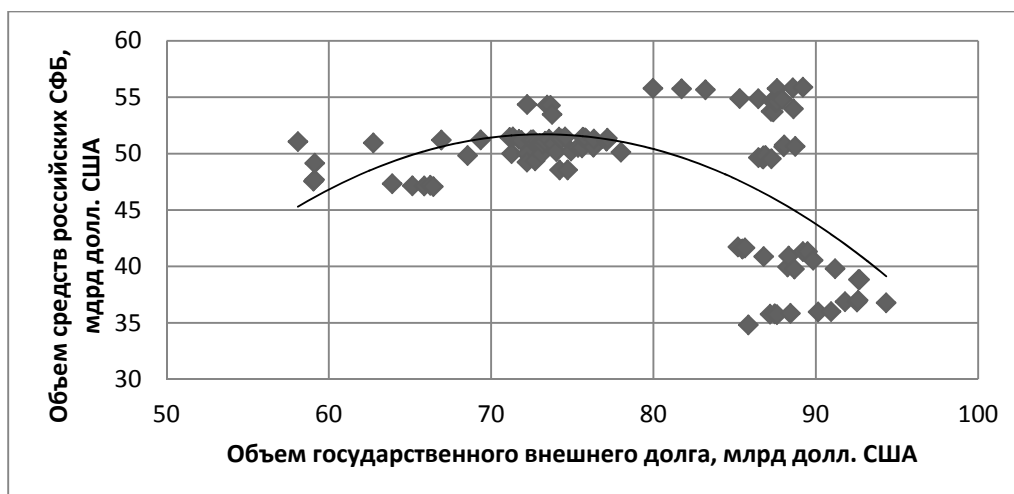

Рис. 3 / Fig 3. Зависимость объема государственного внешнего долга Российской Федерации и объема средств российских суверенных фондов, 2011–2019 гг. / Dependence of the volume of the external state debt of the Russian Federation and the volume of the Russian sovereign funds, 2011–2019

Источник / Source: составлено автором по данным Минфина России / compiled by the authors according to the Ministry of Finance data.

Совокупность полученных результатов позволяет сделать вывод о том, что при существующей системе управления на объем средств российских суверенных фондов в большей степени оказывают влияние внутренние, контролируемые Правительством факторы (величина бюджетного сальдо, размер госдолга), нежели внешние (цены на нефть, поступления таможенных пошлин).

Данный факт свидетельствует о высокой степени подконтрольности бюджетных резервов Правительству и незначительной зависимости от рыночной конъюнктуры.

По данным ряда динамики объема средств российских СФБ проведем экстраполяцию (прог-

ноз) значения на 2019 г. Используя средний абсолютный прирост в $-0,52\%$ ВВП в год, получим объем средств российских СФБ в 2019 г., равный $7,83\%$ ВВП, если за базу взять средний уровень за рассматриваемый период. При использовании среднего темпа роста в $93,5\%$ в год значение результативного признака на 2019 г. составит $7,75\%$ ВВП. Стоит отметить, что приведенные прогнозные значения соответствуют планам Правительства Российской Федерации, в соответствии с которыми объем средств Фонда национального благосостояния в конце 2019 г. должен составить $7,72\%$ ВВП (<https://www.interfax.ru/business/629975>).

Однако какой объем средств суверенных фондов является оптимальным? Для ответа на данный вопрос снова обратимся к мировому опыту.

Предназначение современных СФБ выходит далеко за рамки простого сбережения средств и перераспределения их в пользу будущих поколений [9]. Рассмотрим, как процесс активного увеличения активов суверенных фондов влияет на эффективность использования их средств в рамках экономической политики государства, в частности поддержания стабильного курса национальной валюты.

Итак, для сравнения рассмотрим состояние СФБ в России и Норвегии. Государственные финансы Норвегии характеризуются тем, что государственный пенсионный фонд «Глобал» является крупнейшим суверенным фондом мира. Объем его средств устойчиво растет и уже с 2009 г. превышает величину валового внутреннего продукта страны. По данным на 2018 г., его активы составляют 317% ВВП Норвегии. Динамика курса норвежской кроны к доллару США показывает, что национальная валюта Норвегии сохраняет достаточно высокую степень стабильности.

Если провести аналогичную рассмотренной выше параллель с объемами средств национальных суверенных фондов, то окажется, что отечественные СФБ, подвергавшиеся неоднократной реорганизации, имеют небольшие активы по отношению к российскому ВВП и периодически истощаются из-за активного использования средств после каждого кризиса. В то же время курс рубля в последние годы подвержен значительным колебаниям.

Таким образом, текущий объем российских фондов не позволяет им стать полноценной «подушкой безопасности» для экономики, о чем в августе 2018 г. заявил во время парламентско-общественных слушаний глава Счетной палаты Алексей Кудрин (<https://tass.ru/ekonomika/5475229>).

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что значительный объем средств суверенных фондов дает государству возможность обеспечивать большую стабильность национальной валюты. В связи с этим необходимо наращивать активы Фонда национального благосостояния до объемов, соизмеримых с размером ВВП.

Другим важнейшим вопросом функционирования суверенных фондов является их инвестиционная стратегия [10]. Стоит отметить, что основные изменения в данном аспекте до сих пор обусловлены последствиями мирового финансо-

вого кризиса 2008–2011 гг. Перечислим наиболее важные из выявленных тенденций в инвестиционной сфере:

1. Сокращение потока инвестиций суверенных фондов благосостояния [11].
2. Увеличение доли инвестиций СФБ в национальные экономики.
3. Дифференциация объектов вложений, рост инвестиций в небольшие проекты.
4. Увеличение потока вложений СФБ в страны Азиатско-Тихоокеанского региона, переориентация инвестиций из развитых стран в развивающиеся.

Итак, обобщая все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что развитие СФБ на рубеже XX–XXI вв. подчиняется ряду закономерностей, среди которых: трансформация подходов к формированию их активов, наращивание их объемов как залог диверсификации вложений, смена направлений инвестирования средств и др.

Количественная оценка взаимосвязи объема средств российских суверенных фондов благосостояния и таких факторов, как цены на нефть, поступления таможенных пошлин, значение показателей сбалансированности федерального бюджета, объем внешнего государственного долга Российской Федерации, показала, что функционирование отечественных СФБ в большей степени зависит от внутренних факторов, нежели от конъюнктуры мирового рынка. Данный факт свидетельствует о наличии оснований надеяться, что у Правительства имеется достаточно рычагов воздействия на рассматриваемый вид финансовых ресурсов и баланс между побуждениями в формировании бюджетных резервов и необходимостью наращивания инвестиционной активности будет соблюден.

В частности, необходимо повысить размер средств Фонда национального благосостояния, использующихся на финансирование роста экономики России. Однако прежде всего целесообразным является наращивание его активов. Опыт Норвегии показал, что значительный объем средств обеспечивает большую эффективность их размещения.

Подводя итог всему вышесказанному, однозначно можно утверждать, что сегодняшний день — это переломный момент в части переориентации моделей управления на новые направления. От того, насколько успешно Россия сможет перестроить механизм функционирования своих фондов в соответствии с новыми тенденциями развития мирохозяйственных связей, отчасти зависит дальнейшее экономическое развитие нашей страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Косов М.Е., Бондаренко Н.О. Теории пропорционального и прогрессивного налогообложения: практика применения. *Международный бухгалтерский учет*. 2018;21(11):1267–1280.
2. Буздалина О.Б. Направления повышения эффективности управления государственными доходами в Российской Федерации. *Экономические системы*. 2015;(4):67–69.
3. Бондаренко Н.О. Обзор Всемирного экономического форума в Давосе 2018. *Мировая экономика: проблемы безопасности*. 2018;(1):92–97.
4. Навой А.В., Шалунова Л.И. Резервный фонд и Фонд национального благосостояния России в международной системе суверенных фондов. *Деньги и кредит*. 2014;(2):26–33.
5. Куцури Г.Н., Васин Е.А. Управление суверенными фондами. Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА; 2016. 199 с.
6. Жуков С.В., ред. Перестройка мировых энергетических рынков: возможности и вызовы для России. М.: ИМЭМО РАН; 2015. 152 с.
7. Казакова М.В., Синельников-Мурылев С.Г., Кадочников П.А. Анализ структурной и конъюнктурной составляющих налоговой нагрузки в российской экономике. М.: ИЭПП; 2009. 208 с.
8. Буздалина О.Б. Тенденции развития финансового регулирования экономики. *Аудит и финансовый анализ*. 2015;(3):204–07.
9. Панова Г.С. Суверенные фонды Российской Федерации: вопросы формирования, размещения и использования. *Вестник Финансовой академии*. 2008;(2):43–56.
10. Элякова И.Д., Москвитина Е.Н., Барахова В.В. Оценка реализации инвестиционных стратегий суверенных фондов России и Норвегии. *Концепт*. 2014;(20):4581–4585.
11. Шмиголь Н.С., Пиргунова Н.А. О некоторых аспектах управления суверенными фондами Российской Федерации. *Инвестиционный, финансовый и управленческий анализ*. 2017;(5):113–120.

REFERENCES

1. Kosov M.E., Bondarenko N.O. Theories of proportional and progressive taxation: The practice of application. *Mezhdunarodnyj buhgalterskij uchet*. 2018;11(21):1267–1280. (In Russ.).
2. Buzdalina O.B. Directions for increasing the efficiency of public revenue management in the Russian Federation. *Ekonomicheskie sistemy*. 2015;(4):67–69. (In Russ.).
3. Bondarenko N.O. Overview of the World Economic Forum in Davos 2018. *Mirovaya ekonomika: problemy bezopasnosti*. 2018;(1):92–97. (In Russ.).
4. Navoj A.V., Shalunova L.I. Reserve Fund and the National Welfare Fund of Russia in the international system of sovereign funds. *Den'gi i kredit*. 2014;(2):26–33. (In Russ.).
5. Kutsuri G.N. Sovereign Funds Management. Monograph. Moscow: UNITI-DANA; 2016. 199 p. (In Russ.).
6. Restructuring of global energy markets: Opportunities and challenges for Russia. Zhukov S.V., ed. Moscow: IMEMO RAN; 2015. 152 p. (In Russ.).
7. Kazakova M.V., Sinelnikov-Murylev S.G., Kadochnikov P.A. Analysis of the structural and opportunistic components of the tax burden in the Russian economy. Moscow: IEPP; 2009. 208 p. (In Russ.).
8. Buzdalina O.B. Trends in the development of financial regulation of the economy. *Audit i finansovyy analiz*. 2015;(3):204–207. (In Russ.).
9. Panova G.S. Sovereign Funds of the Russian Federation: Issues of formation, placement and use. *Vestnik Finansovoj akademii*. 2008;(2):43–56. (In Russ.).
10. Elyakova I.D., Moskvitina E.N., Barahova V.V. Evaluation of the implementation of investment strategies of sovereign funds of Russia and Norway. *Koncept*. 2014;20:4581–4585. (In Russ.).
11. Shmigol N.S., Pirgunova N.A. On some aspects of the management of sovereign funds of the Russian Federation. *Investicionnyj, finansovyj i upravlencheskij analiz*. 2017;(5):113–120. (In Russ.).

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-4-142-147

УДК 378:81(045)

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ БИЛИНГВИЗМА ПРИ ПОДГОТОВКЕ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ К ОБУЧЕНИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫМ ДИСЦИПЛИНАМ

*Ганина Елена Викторовна, доцент, профессор Департамента языковой подготовки, Финансовый университет, Москва, Россия
eganina@fa.ru*

*Дубинина Галина Алексеевна, доцент, доцент Департамента языковой подготовки, Финансовый университет, Москва, Россия
gadubinina@fa.ru*

*Степанян Ирина Кимовна, канд. пед. наук, доцент Департамента анализа данных, принятия решений и финансовых технологий, Финансовый университет, Москва, Россия
ikstepanyan@fa.ru*

Аннотация. Практика использования двух языков при обучении студентов, для которых как минимум один из них неродной, является постоянным предметом научных дискуссий в профессиональном обществе. Специфика продуктивного билингвизма в учебной обстановке, необходимость понимать, воспроизводить и создавать иноязычные профессионально ориентированные тексты на двух языках требует детального рассмотрения. Удельный вес каждого из языков представляет собой еще одну проблему, которую анализируют авторы статьи. Зависимость доли каждого языка от этапа обучения и социокультурной ситуации является предметом исследования в данной работе. Авторы рассматривают кросс-культурные различия в исходной образовательной подготовке слушателей подготовительного факультета Финансового университета при Правительстве РФ и пути улучшения адаптации иностранных обучающихся к специфике обучения в российском вузе. Определенное внимание уделено вопросам языковой пропедевтики изучения специальной терминологии, в частности математического аппарата. По мнению авторов, функционально-речевой доминантой подготовки слушателей является русский язык для специальных целей, который становится языком «выживания» иностранного студента в Финансовом университете, обеспечивая ему возможность изучения профильных дисциплин, сдачи зачетов и экзаменов. Если преподавание ведется на английском языке, то в случае лексических затруднений преподаватели учебных дисциплин используют русский язык в качестве языка-партнера, и подобный билингвальный подход оправдан, так как повышает эффективность усвоения дисциплин. В статье рассматриваются особенности обучения математике иностранных слушателей подготовительного факультета с использованием английского языка как языка международного общения и русского языка как языка страны пребывания. Анализируется создание программы по дисциплине «Математика» с учетом того, что обучающиеся имеют различный исходный уровень знаний по математике и иногда не владеют ни английским, ни русским языком. В статье представлен статистический анализ состава обучаемых, исходного уровня их подготовки и обосновывается наиболее эффективная стратегия обучения.

Ключевые слова: билингвальное обучение; иностранные слушатели; профессионально ориентированные дисциплины; математика; русский язык как иностранный; английский язык для специальных целей

CROSS-CULTURAL ANALYSIS OF BILINGUALISM IN PREPARING INTERNATIONAL STUDENTS FOR TRAINING PROFESSIONALLY ORIENTED DISCIPLINES

Ganina E.V., Language Training Department, Professor, Financial University, Moscow, Russia
eganina@fa.ru

Dubinina G.A., Language Training Department, Associate Professor, Financial University, Moscow, Russia
gadubinina@fa.ru

Stepanyan I.K., PhD, Data Analysis, Decision Making and Financial Technologies Department, Associate Professor, Financial University, Moscow, Russia
ikstepanyan@fa.ru

Abstract. The practice of using two languages in teaching students, for whom at least one of them is not native, is a constant subject of teachers' scientific discussions. The specificity of productive bilingualism in the educational environment, the need to understand, reproduce and produce foreign-language professionally oriented texts in two languages requires detailed consideration. The ratio of the two languages is another problem analysed by the authors. How the share of each language depends on the stage of training and the socio-cultural environment is the subject of research in this work. The authors consider cross-cultural differences in the initial educational training of students of the Preparatory faculty of the Financial University under the government of the Russian Federation and ways to improve their adaptation to the specificity of training in a Russian university. Particular attention is paid to the issues of language propaedeutics for mastering specialised terminology, in particular, the use of mathematical apparatus. As the authors imply, the functional and speech-dominant of students' training is the Russian language for specific purposes, which becomes the language of a foreign student's "survival" in the Financial University, providing him with the opportunity to study special subjects, passing tests and exams. If teaching is conducted in English, then in case of lexical difficulties, teachers of academic disciplines use Russian as a partner language, and such bilingual approach is justified, as it increases the efficiency of mastering disciplines. The article discusses the features of teaching international students mathematics through English as the language of international communication and Russian as the language of the host country. The authors analyse the program for teaching "Mathematics"; taking into account the fact that students have a different initial level of knowledge in mathematics and sometimes do not speak English or the language of the host country. The article presents a statistical analysis of the students' background, their initial level of training and substantiates the most effective learning strategy.

Keywords: bilingual instruction; international students; professionally oriented disciplines; mathematics; Russian as a foreign language; English for particular purposes

Специфика билингвизма как практики попеременного пользования двумя языками в обучении интересна своей многоаспектностью. В данной статье речь пойдет о предметно интегрированном обучении иностранному языку для специальных целей. Язык специальности является важным аспектом преподавания русского и английского языка при обучении иностранных студентов в нелингвистическом вузе.

Проблема двуязычия в обучении — популярная тема дебатов в профессиональном сообществе и методической литературе. Интересной темой ис-

следования являются университетские программы для иностранных студентов, которые обучаются специальности в условиях языкового погружения, используя язык страны пребывания и английский язык как язык международного общения.

Билингвальное обучение позволяет повысить уровень учебных достижений при изучении иностранными студентами профильных дисциплин и компенсирует нехватку знания одного языка за счет другого, что в итоге предоставляет студентам более широкий выбор источников информации. Практический опыт показывает, что иностранные слушатели подготовительного факультета

Финансового университета при Правительстве РФ (далее — Финуниверситет), в учебном процессе которого используются и английский язык, и язык страны пребывания, более успешно осваивают специальные дисциплины, чем те обучающиеся, которые получают образование только на одном из этих языков.

Если двуязычие при обучении иностранных студентов, как правило, не вызывает возражений, то использование родного языка при обучении иностранному языку всегда вызывало бурные дискуссии в среде исследователей лингводидактики.

Наиболее популярной темой обсуждения является удельный вес каждого из языков-партнеров [1].

При обучении иностранному языку допустимым соотношением родного языка и иностранного можно считать 10/90. Если речь идет об обучении иностранному языку для специальных целей, то допустимо соотношение 15/85, что связано с поэтапным характером предметно интегрированного обучения иностранному языку.

Как правило, при обучении иностранных студентов одним из языков-партнеров является английский, а другим — язык страны пребывания. В некоторых случаях, когда доля владеющих английским языком мала, обучение ведется исключительно на языке страны пребывания. Выбор модели, безусловно, зависит от особенностей контингента, в частности в практике Финуниверситета наиболее частое соотношение этих языков 50/50.

Краеугольным камнем обучения языку специальности, без сомнения, является освоение минимального списка терминов отдельной дисциплины, которое дополняет работа над профессиональной терминологией в контексте специальности. Такая работа опирается на лингвистический анализ единиц различных уровней: слов, терминологических элементов, терминологических словосочетаний.

Практический опыт показывает, что именно математика вызывает наибольшее количество затруднений у слушателей-иностранцев подготовительного факультета Финуниверситета.

К сожалению, знания английского, русского языков и математики у слушателей неоднородны. В табл. 1 представлены различные уровни владения русским и английским языком в сочетании со знаниями математики, которые авторы статьи наблюдали с 2016 по 2019 г. у слушателей подготовительного факультета.

Часть слушателей имеют высокий уровень владения английским языком, но их знания мате-

Таблица 1 / Table 1

Сравнение уровня языковой и математической подготовки слушателей-иностранцев в 2016–2019 гг. / Comparison of the level of language and mathematical training of international students in 2016–2019

Навыки	Уровень подготовки, %
Математика + русский + английский	34
Математика + русский	7
Математика + английский	20
Только русский	15
Только английский	17
Только математика	7

матики недостаточны. Другая часть — хорошие знания языка страны пребывания (в нашем случае — русского), но либо плохо подготовлены по математике, либо не знают английского языка. Есть и те, кто демонстрирует отличные знания по математике, но не знает ни английского, ни русского языков.

Необходимость выравнивания этого дисбаланса для того, чтобы иностранные слушатели могли осваивать учебные программы дисциплин совместно с первокурсниками-россиянами, является основной задачей подготовительных факультетов в вузах, принимающих иностранных граждан.

Так, в 2016–2019 гг. в Финуниверситете на подготовительном факультете проходили подготовку для поступления в бакалавриат, магистратуру и аспирантуру экономического и инженерно-технического профиля более 300 слушателей из таких стран, как Албания, Афганистан, Бангладеш, Вьетнам, Джибути, Китай, Корея, Мозамбик, Монголия, Сирия, Таджикистан, Узбекистан и др.

Чтобы определить уровень математической подготовки слушателей, на первом практическом занятии по математике проводилось диагностическое тестирование. Результаты тестирования по 5-балльной системе оценивания представлены в табл. 2.

Приведенные данные являются основанием для выбора методических приемов и технологий обучения в описываемом учебном процессе [2].

Хотя в основе программы дисциплины «Математика» для поступающих в бакалавриат слуша-

Таблица 2 / Table 2

**Уровень математической подготовки слушателей-иностранцев в 2016–2019 гг. /
Level of mathematical training of international students in 2016–2019**

Баллы	Количество слушателей	Уровень, %
5	21	14
4	35	23
3	57	38
0–2	39(23)*	25(15)*
Итого	152	100

Примечание / Note: * – В скобках дано количество слушателей с нулевым исходным уровнем подготовки.

Таблица 3 / Table 3

**Результаты итогового контроля по дисциплине «Математика» за 2016–2017 учебный год /
The final control scores of the discipline “Mathematics” for the 2016–2017 school year**

Оценка	Количество слушателей	Уровень, %
5	17	32
4	12	24
3	14	27
2	9	17
Итого	52	100

телей, обеспечивающей подготовку иностранных абитуриентов к освоению профессиональных образовательных программ на русском языке, лежит функциональный подход, она покрывает дидактические единицы от начальной общеобразовательной школы до 1-го курса высшей школы. На первых практических занятиях вводятся понятия числовых множеств и выражений, обсуждаются термины, связанные с арифметическими операциями. Следующий блок аудиторных занятий связан с умением строить графики основных элементарных функций, решать уравнения и неравенства с одной переменной различных типов. Наряду с простейшими примерами, решение которых необходимо для отработки математических терминов на русском языке, рассматриваются также более сложные задания с целью демонстрации методических особенностей российской школы. Изучение таких тем, как решение алгебраических уравнений высших степеней, исследование функции одной переменной с помощью производной, интегральное исчисление функций одной переменной, является пропедевтикой для изучения высшей математики на 1-м курсе в российском университете.

В табл. 3 представлены результаты итогового контроля слушателей подготовительного факультета, обучавшихся в 2016–2017 учебном году, которые демонстрируют существенную положительную динамику.

Особенностью рассматриваемой ситуации является то, что для иностранных обучающихся, не владеющих предметной компетенцией, как русский, так и английский языки оказываются частью образовательного процесса. При этом функционально-речевой доминантой является русский язык специальности, который становится языком «выживания» иностранного студента в Финнуниверситете, обеспечивая ему возможность изучения специальных предметов, сдачи зачетов и экзаменов [3].

Однако не вызывает сомнения, что, изучая язык для специальных целей, так называемый язык специальности студенты-иностранцы должны изучать и общий (этнический) язык страны пребывания. При этом в практике Финнуниверситета постижение языка художественной литературы и средств художественной выразительности текста (20% учебного времени) происходит одновременно

с изучением специализированных текстов (80% учебного времени) [4].

Курс русского языка на подготовительном факультете построен таким образом, чтобы учитывалась математическая направленность обучения [5]. Задачей этого начального курса является создание терминологической базы, которая позволила бы продолжить в бакалавриате изучение высшей математики и специальных дисциплин, требующих математических расчетов и применения математических методов. Конечными целями курса обучения русскому языку на подготовительном факультете является выработка следующих умений:

- чтение и понимание символической записи математических уравнений на русском языке;
- понимание звучащей и письменной информации математической тематики;
- извлечение из математических аудиотекстов главной и второстепенной информации, запись ее как в полной, так и краткой форме;
- участие в диалогах с преподавателем и курсниками, а также составление небольших монологических высказываний на математические темы;
- озвучивание математических вычислений, решений задач, описывания изменений и тенденций [2].

Вышеназванные цели и образовательные технологии можно отнести и к учебному процессу по английскому языку как иностранному для специальных целей, особенно если речь идет о международном финансовом факультете Финансового университета, где преподавание ведется на английском языке. Большинство студентов этого факультета — граждане других государств, а одним из основных условий зачисления российских выпускников является высокий уровень владения английским языком. Следует заметить, что в случае лексических затруднений преподаватели учебных дисциплин используют в качестве языка-партнера русский язык подобный билингвальный подход оправдан, так как повышает эффективность усвоения дисциплин. Речь идет прежде всего о базовых дисциплинах вуза, таких как «Корпоративные финансы», «Статистика», «Международные стандарты бухгалтерской отчетности», «Мировая экономика и финансы», «Международный бизнес» и др.

Во многом благодаря билингвальности обучения студенты старших курсов международного финансового факультета участвуют в программах

академических обменов, проходят стажировку в иностранных компаниях, а основой их академической мобильности и профессиональной компетенции становится знание английского языка изучаемой специальности.

Опыт билингвального обучения математике иностранных слушателей на подготовительном факультете Финансового университета позволяет проанализировать специфику взаимодействия преподавателей специальных дисциплин, в данном случае математики, и преподавателей русского языка. В нашей практике так называемый «командный подход» (в зарубежной методической литературе *team-teaching*) к обучению показал высокую эффективность благодаря широким компенсаторным возможностям. При этом за языковую и речевую компетенцию отвечает преподаватель-филолог, а за предметную — преподаватель специальных дисциплин. Это разграничение требует согласования их обучающих действий, установления межпредметных связей, преемственности. Для формирования коммуникативной компетенции в курсе русского и английского языков отбираются профессионально значимые темы и тексты, рекомендованные специалистами-предметниками, предназначенные для языковой пропедевтики изучения математического аппарата [6, 7].

Важно понимать, что процесс обучения языку специальности должен исключать подмену занятий по специальности, он имеет своей конечной целью формирование у иностранных слушателей языковой и речевой компетенции, достаточной для чтения учебников по специальным дисциплинам, прослушивания лекций преподавателей, участия в семинарских занятиях, выполнения заданий по специальным предметам в устной и письменной форме.

Из вышеуказанного следует, что «билингвальный педагог» должен обладать высоким уровнем сформированности профессионально-предметной и иноязычной коммуникативной компетенции, а также высоким уровнем владения методикой преподавания русского языка как иностранного и/или английского языка для специальных целей. С целью преподавания дисциплин на иностранном языке иностранным слушателям подготовительного факультета и студентам международного финансового факультета в рамках Института повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников Финансового университета осуществляется программа «Методология и методика преподавания учебных дисциплин на ино-

странном языке», которая пользуется большой популярностью среди научно-педагогических работников.

В заключение необходимо отметить, что билингвальное обучение предусматривает тесное сотрудничество преподавателей базовых дисциплин

вуза, в частности математики, и преподавателей русского и иностранных языков: практика показала, что оно наиболее эффективно для подготовки иностранных обучающихся с различным исходным уровнем владения математикой и разными языками общения [8].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Степанян И.К., Дубинина Г.А., Ганина Е.В. Билингвальный подход к обучению математике иностранных студентов. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2017;12–1(66):167–172.
2. Дубинина Г.А., Степанян И.К. Обеспечение дисциплин математического цикла для направлений «Экономика» и «Менеджмент» иноязычной поддержкой. *Стандарты и мониторинг в образовании*. 2016;4(3):52–56.
3. Dubinina G.A., Stepanyan I.K., Ganina E.V. Specificity of Dual Language Workshop in Mathematics for Foreign Entrant Students. 2018;39(38):8. URL: <http://www.revistaespacios.com/a18v39n38/18393808.html>.
4. Бежанова С.В., Ганина Е.В. Основы обучения письменной и устной речи иностранных студентов в экономическом вузе. Русский язык в коммуникативном пространстве современного мира. Сб. материалов международной конференции. М.: Экон-информ; 2011.
5. Ганина Е.В., Федорова Е.А. Принципы обучения языку профессионального общения (экономический профиль). Довузовский этап обучения в России и мире: язык, адаптация, социум, специальность. Сб. материалов международной конференции. М.: Российский университет дружбы народов; 2017.
6. Дубинина Г.А., Драчинская И.Ф., Кондрахина Н.Г., Петрова О.Н. Английский язык: экономика и финансы: Ч. 1. Threshold (Введение в специальность). Учебник. Дубинина Г.А., ред. 5-е изд., испр. и доп. М.: КНОРУС; 2018.
7. Дубинина Г.А., Драчинская И.Ф., Кондрахина Н.Г., Петрова О.Н. Английский язык: экономика и финансы. Ч. 2. Overview (Общее представление). Учебник. Дубинина Г.А., ред. 5-е изд., испр. и доп. М.: КНОРУС; 2018.
8. Ганина Е.В., Федорова Е.А. Учебно-профессиональная сфера как объект современной вузовской лингводидактики. *Слово. Грамматика. Речь*. 2015;(XVI):320–332.

REFERENCES

1. Stepanyan I.K., Dubinina G.A., Ganina E.V. Bilingual approach to teaching mathematics to international students. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*. 2017;12–1(66):167–172. (In Russ.).
2. Dubinina G.A., Stepanyan I.K. Providing foreign language support for disciplines of the mathematical cycle in the areas of “Economics” and “Management”. *Standarty i monitoring v obrazovanii*. 2016;4(3):52–56. (In Russ.).
3. Dubinina G.A., Stepanyan I.K., Ganina E.V. Specificity of Dual Language Workshop in Mathematics for Foreign Entrant Students. *Espacios*. 2018;39(38):8. URL: <http://www.revistaespacios.com/a18v39n38/18393808.html>.
4. Bezhanova S.V., Ganina E.V. Fundamentals of teaching written and oral speech of international students in the economic university. In: Russian language in the communicative space of the modern world. Proceedings of the International conference. Moscow: Ekon-inform; 2011. (In Russ.).
5. Ganina E.V. Principles of teaching the language of professional communication (economic profile). In: Ganina E.V., Fedorova E.A. Pre-university stage of education in Russia and the world: language, adaptation, society, speciality. Proceedings of the International conference. Moscow: Rossijskij universitet druzhby narodov; 2017. (In Russ.).
6. Dubinina G.A. English: Economics and Finance. Part 1. Threshold (Introduction to the speciality). Textbook. In: G.A. Dubinina, I.F. Drachinskaya, N.G. Kondrahina, O.N. Petrova. G.A. Dubinina, ed. 5th ed. Moscow: KNORUS; 2018. (In Russ.).
7. Dubinina G.A. English: Economics and Finance. Part 2. Overview. Textbook. In: G.A. Dubinina, I.F. Drachinskaya, N.G. Kondrahina, O.N. Petrova. G.A. Dubinina. 5th ed. Moscow: KNORUS; 2018. (In Russ.).
8. Ganina E.V., Fedorova E.A. Educational-professional sphere as an object of modern high school didactics in linguistics. *Slovo. Grammatika. Rech*. 2015;(XVI):320–332. (In Russ.).

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-4-148-152
УДК 659(045)

СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОГО МАРКЕТИНГА И СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ОБРАЗА БРЕНДА

*Реброва Виктория Владимировна, студентка 2-го курса магистратуры факультета социологии и политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
vika.rebrova@mail.ru*

Аннотация. В статье автор рассматривает социальный маркетинг как часть глобальной стратегии бренда, подчеркивает различия между социальным и коммерческим маркетингом, показывает социальную рекламу как инструмент социального маркетинга по созданию положительного образа бренда. В работе также приводятся материалы исследования международного сетевого рекламного агентства McCann Erickson и даются примеры социально ответственных брендов. Практическая значимость работы заключается в том, что материалы статьи могут быть использованы специалистами по социальной работе в информационно-профилактических целях и быть полезными для маркетологов. Анализ социальной рекламы позволяет предположить, что в современном обществе получило развитие новое явление – наряду с собственно социальной рекламой возникла и успешно развивается социальная составляющая рекламы коммерческой.

Ключевые слова: маркетинг; социальный маркетинг; социальная реклама; бренд

SOCIAL ADVERTISING AS INSTRUMENT OF SOCIAL MARKETING AND WAY OF FORMATION OF THE POSITIVE IMAGE OF THE BRAND

*Rebrova V.V., 2nd-year master's student of faculty Sociology and Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia
vika.rebrova@mail.ru*

Abstract. The relevance of the brought-up subject consists that in this paper I considered work social marketing as a part of the global strategy of a brand, emphasised differences between social and commercial marketing, and described social advertising as the instrument of social marketing on the creation of a positive image of a brand. As the argument in favour of our statements, I attracted gave materials of research of the international network advertising agency McCann Erickson, and also gave real examples of socially responsible brands. The purpose of work is the identification of opportunities for social advertising for the formation of a positive image of a brand. My tasks consist of defining differences between social and commercial marketing, of reviewing examples of socially responsible brands, of analysing results of a research

of the international advertising agency. The object in the article is social advertising as the instrument of social marketing. The practical importance of work is that materials of the article can be used by experts of social work in its information – the preventive purposes and to be useful to marketing specialists. The analysis of social advertising allowed to assume that in modern society, the new phenomenon – along with actually social advertising gained development, arose and successfully the social component of commercial develops.

Keywords: *marketing; social marketing; social advertising; brand*

Сегодня российское общество все активнее осваивает идеи здорового образа жизни, физического и нравственного совершенствования личности. Все большую популярность набирает стиль жизни, соответствующий девизу: «работать для того, чтобы жить, а не жить для того, чтобы работать». Одновременно усиливается интерес и к проблемам сохранения среды обитания. В связи с этим, покупая товары или приобретая услуги, потребители все чаще отдают предпочтение брендам, так или иначе связанным с определенными идеалами, способствующими утверждению либо изменению к лучшему традиционных жизненных укладов. Производители же сегодня все чаще стремятся работать с теми партнерами, которые декларируют свою приверженность идеям экологической или социальной ответственности. В результате маркетинговые коммуникации, ориентированные на поддержание и продвижение брендов, все активнее внедряются в социальную среду и соответственно все активнее на нее воздействуют, приобретая при этом дополнительную ценность. Для формирования положительного имиджа бренда и лояльного к нему отношения целевых потребителей активно используются средства, инструменты и подходы социального маркетинга, который является частью глобальной стратегии современного брендинга.

В отличие от коммерческого маркетинга, при разработке и реализации маркетинговых стратегий всецело ориентированного на получение прибыли, маркетинг социальный представляет собой новую концепцию социальной ответственности всех членов общества, и он нацелен на изменение в лучшую сторону поведения целевой аудитории для продвижения по пути гармонизации общества.

Составными элементами социального маркетинга в наши дни являются: оказание спонсорской поддержки, фандрайзинг и стимулиро-

вание продаж [1]. И социальная реклама в данном случае представляет собой эффективный коммуникационный формат для продвижения в широкую аудиторию этих составляющих. Социальную рекламу можно считать составной частью социального маркетинга, поскольку реклама — это только один из инструментов маркетинговых коммуникаций, используемый для достижения желаемого результата в социальном маркетинге [2].

Сегодня социальная реклама выступает, с одной стороны, как средство распространения желательных для общества духовных и социальных ценностей, с другой — как фактор если не формирования, то продвижения в социальной среде ценностей, способствующих как развитию отдельной личности, так и совершенствованию общества в целом, а также — разъяснения потенциальным потребителям того, какое поведение, какой образ жизни являются нежелательными. Подлинно социальная реклама зачастую имеет под собой целенаправленную социально-маркетинговую основу и часто бывает привязана к конкретным социальным программам. Она является одним из основных способов разъяснения смысла программы социального маркетинга, создавая решающие предпосылки для ее успешного осуществления.

Сегодня в нашей стране уже имеются условия, способствующие тому, чтобы бренды, при их соответствующем ценностно-ассоциативном наполнении, утверждая конструктивные ценности общества, работали на поддержание его стабильности, способствовали преодолению обществом аномии и позитивному изменению социальной среды. Например, рекламный ролик зубной пасты Colgate, выпущенный к Суперкубку США, с призывом экономить воду выглядит вполне уместно. Таким образом компания обращает внимание на проблему перерасхода воды для бытовых нужд и побуждает своих потребителей экономить чистую воду.

Конечно же, отечественным брендмейкерам при работе над позиционированием брендов нельзя быть социально безответственными. В данном случае речь идет о недопустимости использования образцов аморального поведения при позиционировании брендов в процессе соответствующих рекламных воздействий на потребителей, чем иногда грешат создатели рекламы в погоне за запоминаемостью сюжетов. В одном из рекламных роликов весь экипаж самолета ради того, чтобы спокойно употребить некую «сладость», без каких-либо сомнений выпрыгивает с парашютами, фактически обрекая на смерть всех оставшихся пассажиров — вот пример той аморальности поведения, которую в качестве поведенческой ценности навязывают иные рекламисты. А вот пример рекламного сюжета, который просто выглядят оторванным от продвигаемого бренда. Так, сеть кофеен Starbucks 7 сентября 2016 г. выпустила реалити-шоу *Upstanders*, посвященное историям борьбы со своими проблемами десяти человек из разных социально незащищенных групп. Представители Starbucks считают, что компания с помощью передачи способствует исполнению мечты этих людей. Однако в данном случае Starbucks скорее выступает в роли СМИ, а не непосредственного участника положительных преобразований [3].

ИКЕА поддерживает программы по восстановлению лесов. Компания сотрудничает со Всемирным фондом дикой природы и в долгосрочной перспективе планирует производить деревянную мебель из деревьев, выращенных под собственным управлением.

Международным сетевым рекламным агентством McCann Erickson было проведено исследование роли рекламы в культурном контексте *Truth about advertising*, а также роли бренда в жизни потребителей. Его данные косвенно позволяют судить о потребительской оценке

эффекта от использования социальных инструментов при построении имиджевой стратегии бренда. Исследование включало онлайн-опрос 1000 потребителей рекламы, 478 человек, занятых в рекламной индустрии, и 11 экспертных интервью с наиболее влиятельными представителями этой профессиональной сферы.

Полученные результаты показали следующее. 72% респондентов отметили, что реклама делает мир лучше, при этом 69% опрошенных считают, что она обладает достаточной силой для изменения мира к лучшему. Говоря о роли бренда в жизни людей, 87% опрошенных полагают, что бренды должны отстаивать идеи и ценности, в которые они верят; 73% скорее отдадут предпочтение бренду, имеющему четкое позиционирование и отражающему готовность его владельцев к решению определенных проблем общества (https://vuzlit.ru/78232/vospriyatие_sotsialno_napravlennyh_soobscheniy_imidzhevoy_reklame).

Приведенные материалы исследования можно интерпретировать как подтверждение того, что эмоциональная составляющая восприятия бренда является важным фактором выбора того или иного продукта, а его имидж весьма значим как фактор социальной коммуникации. Люди, соотнося бренд со своими жизненными приоритетами и ценностями, получают ощущение сопричастности к жизнедеятельности других представителей общества через невербальное коммуницирование с ними символического характера, формирующее чувство принадлежности к определенной группе населения и обладания соответствующим социальным статусом.

Рассмотрим еще примеры, подтверждающие сказанное. Так, в 2016 г. бренд Unilever провел социальную рекламную кампанию *Bright Future*, в которой приняли участие компании Dove, Domestos и Persil. По словам представителей компании, Dove помогает 19 млн подростков побороть неуверенность в себе, Domestos установил бесплатные унитазы в экономически слабых странах, а Persil помогает миллионам детей получить образование, предоставляя им бесплатные канцелярские принадлежности.

Из общей идеологии брендинга одного из ведущих производителей спортивной одежды и обуви Nike следует, что компания не продает кроссовки, а формирует здоровую среду, к которой хочется быть сопричастным. Бренд

декларирует: «Если у тебя есть тело, ты — атлет!». Это значит, что существует социальный запрос общества, и у брендов есть на него ответ.

У IKEA тоже есть определенная позиция относительно социальной и экологической ответственности. Сотрудничая с организациями ЮНИСЕФ и «Спасите детей», компания борется за права несовершеннолетних. Например, если представители IKEA узнают, что поставщик использует труд несовершеннолетних, то просят его исправить проблему. Если же поставщик продолжает использование детского труда, то компания разрывает с ним все бизнес-отношения. К тому же IKEA поддерживает программы по восстановлению лесов. Компания сотрудничает со Всемирным фондом дикой природы и в долгосрочной перспективе планирует производить деревянную мебель из деревьев, выращенных под собственным управлением [3].

Отметим, что в последнее время тенденция социальной направленности ценностно-ассоциативного наполнения брендов усилилась, поскольку социальная направленность позволяет рекламодателю:

- создать иллюзию тесного дружеского общения, что способствует повышению лояльности и созданию love brand;
- иметь более широкие возможности для предложений;
- решить дополнительные вопросы, расширив, например, линейку продуктов.

Эта тенденция поддерживается компаниями, позиционирующими свои бренды как социально ответственные. Два десятилетия назад Анита Роддик основала косметическую компанию, в которой продукты изготавливались из полезных и натуральных ингредиентов, собранных без нанесения урона окружающей среде. Так, компания The Body Shop первой, почувствовав зарождение тренда «вопросы окружающей среды», построила целую торговую империю, состоящую из 1200 магазинов в 45 странах. Не менее известны общественно-экологические программы компании Yves Rocher, также выпускающей органическую косметику, — например, «Земля женщин».

Известные косметические бренды все чаще участвуют в благотворительности, создавая новые социально и культурно значимые потребительские тренды. Поддерживать инициативу косметических марок под силу каждому,

например, покупая помаду Viva Glam от MAC (Фонд борьбы со СПИДом), сувениры с розовой ленточкой из каталога Avon (программа «Вместе против рака груди»), крем Dior Capture Totale (Фонд помощи обездоленным детям и их семьям) или отечественную зубную пасту Splat (Фонд помощи детям с онкологическими заболеваниями) [4].

Сегодня социальная реклама выступает, с одной стороны, как средство распространения желательных для общества духовных и социальных ценностей, с другой — как фактор если не формирования, то продвижения в социальной среде ценностей, способствующих как развитию отдельной личности, так и совершенствованию общества в целом.

Подобные социально-экологические инвестиции вызваны к жизни и поддерживаются не только гуманистическими настроениями: из каких бы высоких побуждений ни создавалось то или иное явление, стоит ему стать широко востребованным, как оно тут же приобретает черты инструмента по извлечению прибыли, ведь повышение лояльности потенциальных клиентов значительно стимулирует рост прибыли. И в этом немаловажную роль играет социальная реклама, которая акцентирует внимание целевой аудитории на насущных вопросах. Конечно, она, в отличие от коммерческой рекламы, не приносит существенного дохода, но может рассматриваться как «вложения на перспективу». Однако социальная реклама популяризирует идеи общественного характера, положительно воздействует на состояние общества и призвана доводить до сознания людей наиболее важные факты и сведения о существующих в обществе проблемах. Как показывает практика, люди охотнее сотрудничают с теми компаниями, которые выполняют общественно полезные задачи.

В свете вышесказанного мы полагаем возможным утверждать, что к настоящему вре-

мени появилось новое явление или же — новая грань, новое, доселе не существовавшее проявление социальной рекламы: наряду со ставшей уже традиционной собственно социальной рекламой сегодня набирает силу именно социальная составляющая рекламы коммерческой. Это — безусловно, новое явление в современном обществе и развивающейся в его рамках коммерческой деятельности, которое ждет своего дальнейшего изучения и имеет огромный потенциал формирования ситуации в социуме.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Демидов В. Е. Социальный маркетинг. М.: Аспект Пресс; 2009. С. 446.
2. Кравченко О. Н. Реклама в информационном обществе: социально-экономический потенциал/инвестиционный потенциал. *Информационное общество*. 2010;(5):30–35.
3. Невский А. С. Социальный маркетинг и социальные заболевания. СПб.: Информационное бюро Совета Министров Северных стран в Санкт-Петербурге; 2011:14.
4. Королева О. Ответственность стала хорошим тоном: зачем Starbucks, IKEA и другим брендам нужны социальные кампании. URL: <https://vc.ru/18291-pro-social-brands>.
5. Перция В. Trend Sights: механизм для получения идей, изменяющих мир. *Рекламные Идеи*. 2006;(5):63–72.

REFERENCES

1. Demidov V. E. Social marketing. Moscow: Aspekt Press; 2009. 446 p. (In Russ.).
2. Kravchenko O. N. Advertising in the information society: Socio-economic potential/investment potential. *Informacionnoe obshchestvo*. 2010;(5):30–35.
3. Nevskij A. S. Social marketing and social diseases. Information Office of the Nordic Council of Ministers in St. Petersburg; 2011:14.
4. Koroleva O. Responsibility has become a good tone: Why Starbucks, IKEA and other brands need social campaigns. URL: <https://vc.ru/18291-pro-social-brands>. (accessed on 20.06.2019).
5. Perciya V. Trend Lights: A mechanism for getting ideas that change the world. *Reklamnye Idei*. 2006;(5):63–72.